

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**Символика похоронно-погребального комплекса (на материале
русского фольклора)**

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)**

**Направленность программы бакалавриата
«Русский язык. Литература»
Форма обучения: очная**

Проверка на объем заимствований:
76,28 % авторского текста
Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована
« 09 » июня 2025 г.
и.о. зав. кафедрой русского языка и
литературы
 Глухих Н.В.

Выполнила:
студентка группы ОФ-524-075-5-1
Тёкина Алёна Александровна

Научный руководитель:
д-р. фил. наук, профессор
Голованов Игорь Анатольевич

Челябинск
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ РУССКОГО ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА.....	8
1.1 Погребальный обряд как обряд перехода.....	8
1.2 Поминальная традиция как часть ритуального комплекса	12
1.3 Понятие о ритуальном символе.....	17
ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЕ СИМВОЛИКИ ОБРАЗОВ ПОХОРОННО- ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА	21
2.1 Исследование вариантов и символики образов похоронного обряда	21
2.2 Исследование вариантов и символики образов поминального обряда	55
ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В ШКОЛЕ	64
3.1 Психолого-педагогические обоснования изучения образов и сюжетов, связанных с темой смерти	64
3.2 Тема смерти и похорон в художественных произведениях русской литературы, рекомендованных для изучения в школе	71
3.3 Анализ похоронно-поминального комплекса в методической литературе.....	80
3.4 Методические рекомендации по изучению поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» в школе.....	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	88
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	92
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	102

ВВЕДЕНИЕ

Смерть является неотъемлемой частью жизни человека и всего общества. Это явление неизбежно наносит тяжёлый удар личности, поэтому требует глубокого осмысления на мифологическом уровне. Обряды и ритуалы, созданные для проводов души умершего в мир иной отражают древнейшие представления человека об устройстве миропорядка. Эти представления в меньшей мере подвергаются изменениям и влиянию времени, а погребально-поминальный обряд до сегодняшнего дня остаётся наиболее консервативным.

Изучение похоронного обряда позволяет выявить особенности мировоззрения дохристианского этапа развития государства. Интерес к этой теме обусловлен активным развитием антропологических наук. Похоронный обряд в нашей стране изучается уже долгое время. На сегодняшний день подробно изучены влияние языческой и христианской культур на облик и структуру современного обряда (в работах А. К. Байбурина, Н. Н. Велецкой, Н. М. Гальковского и т.д.). Подробно рассмотрен похоронный обряд с точки зрения его принадлежности к обрядам перехода (А. ван Геннеп). Предприняты попытки проанализировать отдельные составляющие погребально-поминального комплекса (в трудах Л. В. Борисовой, К. Ю. Гизиевой, В. И. Мельника и многих других).

Но системное исследование обряда до сих пор крайне мало представлено в научной литературе. Существующие по этой теме работы немногочисленны и, как правило, представляют собой рассмотрение отдельных инвариантов обряда в той или иной местности. Кроме того, современная коммерциализация похоронной сферы привела к тому, что значительная часть традиционного обряда перешла в ведение ритуальных служб, что неизбежно ведёт к утрате его глубинной символики и народного смысла. По мере того, как обмывание, обряжение и другие ритуальные действия выполняются наёмными специалистами, а не

членами общины, живая связь между практикой и её символическим значением ослабевает, и традиционные представления о переходе души, заботе об умершем и границах между мирами постепенно исчезают из коллективной памяти. В этой ситуации особенно важно зафиксировать и исследовать символический язык похоронного обряда, пока он ещё сохраняется в фольклорном сознании носителей традиции, чтобы не допустить полного разрыва между современными похоронными практиками и их культурно-историческими корнями, которые отражают многовековые представления народа о жизни, смерти и посмертном существовании. Этим и объясняется актуальность нашего исследования.

Целью исследования является изучение символического контекста погребально-поминального комплекса в сознании современного человека.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие исследовательские задачи:

1. Выявить роль погребально-поминального комплекса в фольклорном сознании современного человека. Определить структуру поминально-погребального комплекса, его содержание.

2. Изучить особенности погребально-поминального комплекса в сознании жителей различных регионов РФ, выявить их символический контекст. Выделить общерусские и региональные традиции погребально-поминального обряда.

3. Изучить проблему осознания смерти подростками. Представить обзор литературных произведений школьной программы, в которых поднимается тема смерти и похорон. Представить обзор методической литературы по теме. Разработать конспект внеклассного занятия по поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос».

Объект исследования: исследование погребально-поминальной обрядности.

Предмет исследования: символический контекст обряда в фольклорном сознании жителей различных регионов РФ.

Сознание современного человека представляет собой сложный, состоящий из ряда различных компонентов, полифонический феномен. Структуру его составляют и научный, и религиозный, и обыденный компоненты, но особое место занимает мифо-фольклорная составляющая, продолжающая оказывать существенное влияние на процессы мировосприятия и миропонимания. Этот пласт сознания, восходящий к самым истокам человеческой культуры, выполняет важнейшие функции в когнитивных и экзистенциальных практиках современного человека [21].

Под фольклорным сознанием следует понимать «идеальный объект как совокупность (система) представлений, образов, идей, получающих свою репрезентацию в произведениях фольклора. Фольклорное сознание можно рассматривать как качественно особую духовную систему, которая живёт относительно самостоятельной жизнью и которую невозможно анализировать изолированно от других явлений бытия носителей фольклора. Фольклорное сознание служит основой для духовной и практической деятельности людей, придавая ей целенаправленный характер» [20].

Фольклорное сознание формируется не генетически, оно не запрограммировано наследственным кодом и не передаётся из поколения в поколение императивно. Толчком к его формированию служат не инстинкты, а обретаемые при жизни потребности, умения и способности, на которые лишь опосредованно оказывает влияние опыт предшествующих поколений [29]. Это говорит о том, что каждый индивид оказывается обращён к фольклору и причастен к нему по причине неотвратимых жизненных закономерностей. Фольклорное сознание объединяет каждого члена этноса, в то же время оказывая влияние на него со своей стороны.

Один из наиболее важных и показательных случаев обращения индивида к фольклору – возникновение кризисной ситуации, ситуации перехода из одного жизненного состояния в другое. Примерами такой

переходной ситуации могут служить замужество/женитьба, рождение или смерть. Переходные этапы жизни – это те эпизоды, когда человек оказывается наиболее подвержен страху и тревоге, и следовательно, влиянию враждебных сил. Одна из задач, стоявших перед первобытным коллективом, – нейтрализовать эти силы. Для этого требовалось «строгое соблюдение целой коллекции правил, показавших свою спасительность во времена предков» [37]. А если правила не соблюдаются, то в мире наступает дисгармония и смута. «Совокупность обрядов и церемоний, завещанных предками, составляет единственную действенную гарантию против всякого рода дурных влияний, внушающих опасения и страх» [37].

Посредством приобщения человека к духовному опыту этноса фольклор формирует необходимые каждому члену сообщества качества. Поэтому формирование фольклорного сознания правомерно рассматривать как особый вид социализации индивида, его национально-культурной идентификации [20].

И. А. Голованов в своей статье «Структура и константы фольклорного сознания» выделяет пять системообразующих оснований русского фольклора: два онтологических (пространство и время) и три аксиологических (софийность, справедливость и соборность). Подробнее остановимся на понятии «соборности».

«Первая константа – соборность – состоит в понимании единства человека с миром, его причастности к миру природы, миру людей и к миру смыслов. Соборность наделяет часть целого смыслом целого. Путь к соборности как согласованности индивидуальных сознаний лежит не в последовательном научении, а в нравственном очищении. Другими словами, для русского фольклорного сознания значительно важнее не познание мира, а понимание его, органическая причастность к нему» [20].

Таким образом, центральной проблемой фольклорного сознания является отношение «человек – мир». Поэтому в основе построения образной модели мира оказывается то, что «затрагивает интересы не

отдельно взятой личности ил выделившейся из общей группы, а непременно всего коллектива как целого» [22]. Смерть в прежние времена не являлась чем-то индивидуальным, сугубо семейной драмой. Напротив, это событие общественное, а потому ритуальное. «Считалось, что умирать надо медленно, но в присутствии всех близких, желательно – давая напутствия остающимся жить» [32].

Как отмечал Ф. Арьес, похоронный обряд находится в движении: представления о смерти не могут оставаться неизменными. И всё же, «древнейшие мифологические мышления живы в нашем сознании» [25]. Какие бы изменения ни происходили со временем в похоронном обряде, он сохранил древние мифологические представления о смерти, об ином мире, о связях наших с этим миром.

Таким образом, наша работа направлена на выявление символического контекста похоронного обряда через анализ как общерусских, так и региональных традиций. Особую значимость исследованию придаёт его междисциплинарный характер, сочетающий фольклористический, психологический и педагогический подходы, что позволяет не только зафиксировать уходящие традиции, но и найти пути их актуализации в современном культурном пространстве.

ГЛАВА 1. СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ РУССКОГО ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

1.1 Погребальный обряд как обряд перехода

Смерть всегда воспринималась человеком как неизбежный и сложно объяснимый стрессовый фактор, который безвозвратно меняет жизненный порядок вещей. Поэтому при прощании с умершим людям свойственно прибегать к опыту предков как к единственному надёжному источнику знания о потустороннем мире и его порядках. Это объясняет особую консервативность погребального обряда. В нём отражаются представления человека о смерти, о взаимоотношениях живого и мёртвого, которые в меньшей степени подвержены изменениям.

В. С. Ольховский определяет погребальный обряд как «совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых при подготовке и совершении захоронения в соответствии с религиозно-идеологическими нормами» [49].

Обряд представляет собой ряд архаичных церемоний. По замечанию А. К. Байбурина, «физическая смерть не равносильна социальной. Для того, чтобы человек стал мёртвым и в социальном плане, необходимо совершить специальное преобразование, что и является целью и смыслом погребального ритуала» [4]. В России переход мертвеца осуществлялся в течение года, после чего умерший терял свою индивидуальность и становился одним из предков, «навей», почитавшихся в виде единой безликой массы в специально предназначенные для этой цели дни календарного круга [8].

«Погребальный обряд русских XX в., каким мы знаем его по исследовательской литературе, архивным описаниям и полевым материалам складывался в течение длительного периода. В основе его лежит христианский (православный) похоронный ритуал, воспринявший и впитавший в себя многочисленные обряды и поверья, сохранившиеся от

дохристианских традиций» [33]. Но было бы ошибкой воспринимать сохранение дохристианских традиций в обрядах православных русских как двоеверие. Языческие обычаи соблюдались лишь в той мере, в какой не противоречили основам христианства, его вероучению.

Погребальный обряд относится к обрядам жизненного цикла, а также, по А. ван Геннепу, к переходным обрядам. В обрядах этого типа посредством ритуала отражается перемена статуса человека, которая осмысливается в пространственных категориях (переход из одного локуса в другой). Также к переходным обрядам относятся свадебные, родильные, инициационные и др. Они «представляют собой не только набор типовых операций, совершающихся в строго определённой ритуалом последовательности, но и все в совокупности составляют единую цепочку («век» человека) и служат регулирующей программой поведения индивида на протяжении всей его жизни» [46].

Если поведение человека не соответствует ожидаемому, он оказывается вне социума, оставаясь запертым на этапе перехода. Таких не перешедших в новое состояние умерших называют «нечистыми покойниками» (двудомники, непритомники, вампиры, пужайлы и т.д.). Причиной не-перехода может являться неправильно проведённый обряд погребения.

До сих пор в ряде культур сохранено представление о самоубийстве как о самой «нечистой» смерти. С древних времён это мотивировалось «неизбытым веком», а в более поздний период подкрепилось новым христианским представлением о самоубийстве как о самом тяжком грехе. В отношении самоубийц было принято проводить совершенно иной порядок погребения, но сейчас это различие стирается, так же, как и некрещёный перестаёт осознаваться как грешник.

Кроме того, в более позднее время причинами неуспокоения умершего может являться его необорванная связь с миром живых. Эта связь может существовать между живыми и покойным (тоска не даёт душе

упокоиться с миром) и между неудовлетворёнными желаниями умершего и миром живых (часто можно встретить такое объяснение по отношению к жертвам убийств).

А. ван Геннеп выделяет три этапа протекания переходного обряда:

- 1) отделение индивида от группы (предлиминальный период);
- 2) переход (лиминальный период);
- 3) воссоединение с группой (постлиминальный период) [14].

Первая фаза включает в себя символическое поведение, означающее открепление личности или группы от занимаемого ранее места в социальной структуре или от определённых культурных обстоятельств («состояния»), либо от того и другого сразу [76]. В случае погребального обряда в этот период входят:

- пошив/покупка смертной одежды;
- подготовка/заказ гроба;
- духовная подготовка (раздача милостыни, прощение долгов, исповедь, соборование и т.д.);
- обмывание;
- «обряжение»;
- оплакивание;
- подготовка дома умершего;
- вынос тела в день погребения.

Первые этапы из перечисленных относятся к деятельности человека, готовящегося к собственной смерти, а уже последующие – к деятельности других людей по отношению к телу покойного.

Большее место занимает промежуточный (лиминальный) период. В нём покойный проходит через ту область культуры, у которой мало или вовсе отсутствуют свойства прошлого и будущего положения [76]. Именно на этом шаге могут надолго оставаться «нечистые» покойники. Сюда включены этапы:

- отпевание;

- похоронная процессия;
- лития;
- собственно погребение;
- прощание.

Наконец, в третьей фазе переход завершается, и субъект обретает новое качество [76]. Этот период представлен, в основном, поминальным обедом в день погребения, на 9, 20 и 40-й дни, в годовщину и праздники. Также в некоторых местностях сюда включаются служение панихид и литургий, раздача милостыни и посещение могилы.

Погребальный обряд представляет собой процесс перехода умершего человека из мира живого в мир мёртвого. Но невозможно однозначно определить границы этих миров. Являются ли они замкнутыми и удалёнными друг от друга, или же пространство смерти растворено в пространстве жизни. В отношении этого обряда более уместным будет рассмотреть оппозицию видимое/невидимое и ведомое/неведомое. Для невидимого и неведомого предполагаются иные законы и порядки. Праведность и неправедность покойного определяется принятием или непринятием умершего загробным миром [15].

Целью погребального обряда является разделение смертного и бессмертного – тела и души человека. В дохристианский период это разделение осуществлялось посредством уничтожения тела (сожжением). Христианская же традиция категорически отрицала ритуал сожжения. Хоронить следовало в земле, положив тело покойного «головой на запад» [33].

Структура и содержание погребального обряда определяется местностью, этнической принадлежностью, возрастом, полом и даже социальной принадлежностью человека. В связи с этим существует большое количество вариаций обряда. Многообразие обусловлено также и тем, что у одного народа могут существовать различные, иногда противоречивые, представления о загробном мире. В одной местности

часть перечисленных элементов могут быть опущены, в другой – напротив, дополнены. Одни и те же ритуалы могут носить в себе разные смыслы. Но всё же во множестве частных вариантов можно выявить общие основные признаки. Так общей для всех вариантов похоронного обряда является трёхчастная структура, сформулированная А. ван Геннепом.

1.2 Поминальная традиция как часть ритуального комплекса

Поминование умерших представляет собой один из важнейших механизмов воспроизводства культуры. Поминальный обряд включён как в погребальный, так и в календарный комплекс, но в то же время является автономным, так как включает в себя ряд самостоятельных обрядов, объединённых в циклы. А. И. Терюков выделяет отдельную функцию для обряда поминовения: «...Обеспечение лояльности мёртвых к живым, покровительство со стороны умершего (предка) и обеспечение постоянной функциональной связи между живыми и мёртвыми, потомками и предками» [73].

Также поминовение в качестве отдельного обряда рассматривает и О. А. Седакова. Она пишет: «При совершении погребального обряда многое делается для забвения покойного <...>, а в поминальный день, наоборот, – для пробуждения памяти об умерших. <...>. Таким образом, побочный, противоречащий основному мотив похорон развивается в отдельный обряд, поминовение» [67].

Обряд поминовения включает в себя:

- поминальный обед в день погребения, на 9, 20, 40 день после, на полугодие и годовщину;
- ритуалы, связанные с календарным циклом (в родительские дни, радуницу и т.д.);
- посещение могилы покойного.

Поминальный обед в день погребения («тризна» или «страва») зачастую имеет строго определённый перечень угощений. Важнейшая роль здесь отведена хлебу в различных его вариациях (в виде зерна, блинов, булочек, печёного хлеба). Исследователи выделяют три основные функции хлеба:

1. Хлеб как средство налаживания отношений с миром мёртвых.

В рамках этой функции хлеб выступает в двух качествах: 1) откуп живых от смерти (возвращение мёртвому его доли с целью увеличения жизненной силы, противящейся смерти); 2) жертва в обмен на плодородие, которое напрямую зависит от мира мёртвых. Так, зачастую хлеб приносят на могилу, вместе со стаканом воды оставляют в доме покойного, жертвуют нищим и старикам; гробовщики не копают могилу натошак. Хлеб выступает здесь «как метафора жизненной силы с большей или меньшей активностью противостоящей смерти» [70].

2. Хлеб в объектной функции.

В этом случае хлеб становится символом достатка в узком смысле. В широком – представляет собой материализованную долю живых. Эта функция представлена в таких действиях: хозяйка дома занимает место покойного, когда принимает каравай; во время погребальной процессии нельзя есть хлеб, нельзя ронять крошки в сторону покойного.

3. Хлеб как объект магии.

После совершения над ним обрядовых действий, хлеб приобретает свойства и функции магического предмета. Он воспринимается как объект, посланный живым из мира мёртвых. Такой подарок извне должен принести в дом плодородие [70].

Часто хлеб выступает в соседстве с другими важными элементами обряда: вода, соль, полотно, деньги, огонь.

Ещё одна важная составляющая любого поминального обеда – каша (кутья, колево). Если хлеб употребляется не только непосредственно во время обеда, но и в процессе всего похоронного обряда, то каша подаётся

только на поминальном столе. В некоторых традициях каша не только открывает, но и закрывает обед, т.е. подаётся дважды.

Обязательно на столе присутствует сладкий напиток – кисель, сыта, компот.

К общим для всей индоевропейской традиции относятся такие продукты как мак, мёд, бобы и орехи. Как правило, они занимают не столь значительное место по сравнению с вышеперечисленным.

Важным признаком является количество блюд – чётное или нечётное. В контексте похорон чаще встречается нечётное число.

Итак, поминальный стол представляет собой традиционный набор блюд, как правило, сладких и мучных. В некоторых культурах традиции требует постного стола, в других – напротив. Также известны варианты, когда в один день накрывают постный стол, а на другой – скромный [73].

Известны четыре основных ритуала поминовения, связанные с календарным циклом. В них частная жизнь тесно переплетается с общественными событиями, и поэтому границы обряда расширяются. Участниками ритуала становятся не только круг родственников и знакомых одного умершего, а вся группа.

Первым таким событием является зажигание костров в «великий четверг» на страстной неделе (19 марта – 22 апреля). Ночью, в темноте, пряли нитку и обвязывали ею запястья. До восхода солнца приносили в дом хвойные ветки и разбрасывали их по двору, кормили домового цыплёнком, разжигали свой домашний костёр в сковороде и прыгали через него. А дети бегали вокруг крыльца с колокольцами, чтобы отогнать нечисть от скотины. На восходе солнца обливались водой, смывая с себя всё нечистое [41]. Эти костры отсылают нас к языческой традиции погребального огня: «...И воду к кутьи заупокойней оставляют на столци. И сметье у ворот жгуть в великой четверг, молвяще тако: ”У того огня души приходящегреваются”» [18]. Тем же объясняются и все

перечисленные элементы обряда: кормление домового, охрана двора, обновление заклинательных знаков на дверях и т.д.

Второе звено поминального цикла – радуница. Проводится во вторник на фоминой неделе. «В этот день праславянская Русь обыкновенно поминает родителей. Ещё загодя крестьянские женщины пекут пироги, блины пшеничные, оладьи, кокурки, готовят пшенички и лапшевники, варят мясо, студень, жарят яичницу. Со всеми этими яствами они отправляются на погост, куда является и священник с причтом, чтобы служить на могилах панихиды. <...>. Крестьяне христосуются с умершими родственниками, поминают их, зарывают в могилы крашеные яйца, поливают брагой, убирают их свежим дерном, поверх которого ставятся всевозможные лакомые блюда, а в том числе и водка и пиво. Когда яства расставлены, поминальщики окликают загробных гостей по именам и просят их попить-поесть на поминальной тризне...» [41].

Третий ритуал совершался накануне «зелёных святок» (между 5 мая и 9 июня). Празднество это состояло из трёх этапов:

1. Плач и «великий вопль» по умершим.
2. Ритуальные действия («бесовские игры»), производимые специально прибывшими заранее скоморохами.
3. Общие пляски и пение всех пришедших помянуть предков [84].

Вероятно, сочетание плача с плясками объяснялось стремлением противопоставить миру смерти жизнеутверждающее начало. Публичные плачи-вопли вызывали протесты русского духовенства. Поэтому этот обряд, как и описанные выше, со временем изжил себя и до наших дней почти не сохранился.

Ритуал, который известен по сей день, – «дмитровская (родительская) суббота» (26 октября по старому стилю). Правда, с течением времени он также претерпел ряд изменений. Празднование начиналось накануне вечером дома. После ужина новой скатертью

накрывался стол, за который приглашали предков. На стол подавали 12 блюд из зерна и мяса. Повторно поминовение совершалось на кладбище. Этот ритуал стоит рассматривать как благодарение предков за благополучие семьи. В настоящее время в «родительское», в первую очередь, принято посещать могилы родственников, ухаживать за ними и оставлять приношения.

Разделённый на четыре этапа поминальный цикл повторяет структуру языческого обряда трупосожжения: 1) сожжение костра; 2) плач по умершим, призыв их к охране рода; 3) тризна и ритуальные пляски; 4) благодарение предкам [15].

Особое место в поминальном обряде занимает посещение кладбища. Ю. Ю. Сурхаско выделяет их в отдельную группу поминовений. Эти обряды «могли выступать и относительно самостоятельно, так сказать, вне поминального графика. Но по сравнению с приуроченным к поминкам коллективным паломничеством на кладбище, обряды посещения могил по разным другим поводам носили менее театрализованный, скорее даже интимный, характер» [70]. Того же мнения придерживается и К. К. Логинов. Он предлагает такой перечень мотивов посещения могилы умершего:

- «- невеста-сирота перед или после свадьбы;
- призывник перед отъездом к месту службы или после службы;
- после сна с «предупреждением» от покойного;
- с целью получить исцеление или помощь в трудной жизненной ситуации;
- для передачи «привета» родственникам, похороненным вдалеке;
- для испрошения «прощения» у покойного;
- по другим поводам» [40].

Как видно из перечня, зачастую поводом к посещению могилы покойного родственника являются значимые перемены в жизни человека.

И. А. Разумова классифицирует варианты поминовений, опираясь на временной критерий (периодичность/непериодичность) и социальный (частные/общественные).

1. Единичные частные поминовения – осуществляются в рамках полного погребального ритуала и завершаются по истечении года.

2. Периодические общественные поминовения (приуроченные к календарному циклу).

3. Непериодические частные – обусловлены жизненными явлениями или личностно.

4. Непериодические общественные – связаны с событиями общественной жизни [60].

Итак, поминальный обряд представлен различными вариантами поминовения усопших. Все варианты существуют по сей день, хотя и претерпели ряд значительных изменений. Из этого можно сделать вывод, что память об ушедших занимает значимое место в представлениях и ценностях человека.

1.3 Понятие о ритуальном символе

Погребальный обряд – это сложная символическая структура. По В. Тэрнеру, «ритуальный символ – это мельчайшая единица ритуала, сохраняющая специфические особенности ритуального поведения, элементарная единица специфической структуры в ритуальном контексте» [76].

Погребальный процесс существует в нескольких линиях событий. Внешняя его структура представлена оппозицией действенного (реального) и сверхъестественного (воображаемого). Внутренняя структура – оппозицией символического и утилитарного. В общем виде погребальный процесс можно представить тремя событийными линиями:

- утилитарный;
- сверхъестественный (религиозно-мифологический);

- обрядовый (символический).

«Погребальный обряд в этой триаде выступает посредником между утилитарными действиями по отношению к телу умершего человека и воображаемой картиной событий религиозно-мифологического плана» [44].

Какой же символический смысл вкладывается в утилитарные обрядовые действия?

Обмывание покойного всегда совершается посторонними людьми. Эта работа считается опасной, так как существует убеждение, что в теле недавно умершего живёт злой дух, способный повлиять на живых. По этой причине обмыванием никогда не занимаются дети – их кости ещё недостаточно окрепли для такой работы.

Покойнику всегда закрывают глаза, поскольку способность видеть указывает на принадлежность к миру живых. Нельзя оставлять глаза умершего открытыми, потому что это нарушит целостность границ между миром живых и миром мёртвых [84]. Нарушение границ грозит скорой смертью кого-то из родственников покойного.

Особое внимание уделяется тому, во что должен быть одет умерший. Раньше для каждого частного случая предусматривался свой наряд (молодых девушек хоронили в подвенечном платье, пожилых – в более скромном одеянии и т.д.). Сейчас же главным является условие, пришедшее с христианством, – покойный должен быть одет во всё новое. Подробно изменения в погребальном костюме, произошедшие за последний век, исследуются в работе К. Ю. Гизиевой и М. Л. Бережновой «Костюм в погребальном обряде русских Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX века» [19].

В ряде культур принято после смерти человека убивать какую-нибудь скотину. Считается, что это необходимо для того, чтобы умерший благополучно добрался до нового места жительства [45]. Мясом убитого животного угощали гостей на поминальном обеде.

До сих пор распространена традиция создания кукол после смерти человека. Это часто свидетельствует об установлении посмертного статуса, отождествления с умершим. Функции таких кукол весьма разнообразны: они являются проводниками душ в мир иной, являются средством сохранения памяти, а также выступают в качестве оберегов родственникам умершего [65].

В гроб человеку могут положить всё то необходимое, что может понадобиться ему в новом «доме». Археологи обнаруживали в могилах различные виды оружия, орудия труда, украшения, деньги, посуду и многое другое [45].

До сих пор сохраняется традиция плача и причитаний. На похоронах присутствуют плакальщицы, они и начинают очень эмоциональные завывания, которые впоследствии подхватывают все желающие. Собственно музыкальное оплакивание перемежается всхлипываниями, вскрикиваниями и т.д.

А. А. Плотникова в статье «Семантика наоборот» освещает важный мотив действия «наоборот», которое находит отражение во всех славянских традициях. Это действие характерно по отношению ко всем предметам. Пустая посуда переворачивается, стулья, на которых стоял гроб, опрокидываются. Это связано с тем, что душа умершего может задержаться в мире живых, как бы «спрятаться» на пустующем месте [52].

Существует много исследований на тему культа животных в похоронном обряде. Например, работа Т. Н. Свешниковой «Волк в контексте румынского погребального обряда» [66]. Волк здесь предстаёт проводником в мир смерти, как и многие другие хищные животные и птицы. Также существует связанный с волком образ оборотня, в которого превращаются некоторые «нечистые» души.

Обрядовая практика не существует вне комплекса символики древнего общества, потому она включает универсальную и внеобрядовую

символику. Как показывают приведённые примеры, в этом множестве вырисовываются процессуальные и предметные группы символов.

Процессуальные символы – это действия-символы. Они проявляются в кинетических, вербальных и фонических формах. Предметные символы – это природные объекты, изображения, вещи и сооружения, исполняющие символическую роль. И действия, и предметная среда бытуют во времени и пространстве, могут восприниматься как некие фигуры и иметь числовое измерение, а предметы – ещё и цвет [45].

При рассмотрении погребального обряда следует помнить о значимости всех выделяемых элементов символической стороны погребального процесса. Эти элементы весьма многообразны в конкретном воплощении и, безусловно, отражают сложный характер традиционного миропонимания.

ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЕ СИМВОЛИКИ ОБРАЗОВ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

2.1 Исследование вариантов и символики образов похоронного обряда

В настоящей работе была поставлена цель выявить как общерусские традиции погребально-поминального комплекса, так и их региональные вариации. Для достижения этой цели мы обращаемся к материалам фольклорных экспедиций, проведённых в различных регионах Российской Федерации, которые отражают локальные особенности похоронно-поминальной обрядности. В качестве ключевых источников использованы полевые записи из следующих областей: Вологодская (Череповецкий и Белозёрский районы), Республика Карелия, Новгородская область, Ростовская, Костромская, Пермский край, Челябинская область, Свердловская, Оренбургская, Владимирская (Гороховецкий край) и некоторые другие.

Исследование похоронной обрядности логично начинать с предвестий смерти, поскольку именно они формируют первоначальный этап осмысления перехода в иной мир. Записи фольклорных текстов свидетельствуют о том, что во многих культурах пожилые люди нередко заранее готовятся к кончине, что проявляется в изготовлении элементов погребального облачения, заготовке дров для гроба или распределении личных вещей. «Старухи всегда готовились заранее» (приложение 1) (Челябинская область, Нязепетровский район). «“Смерть да родины не ждут години” – говорят в кубанских станицах, и потихоньку люди среднего возраста, чаще женщины, начинают готовить предметы на смерть. Сейчас в “смертный узел” складывают то, что может понадобится при погребении: одежду свечи, крестик в руки, полотенца, платки...» [3] (Кубань).

Кроме того, в народных представлениях значительную роль играют знаки, предвещающие скорую смерть: вещие сны, появление потусторонних существ (например, образ умершего родственника), необъяснимые звуки (стук, плач) или изменения в поведении животных. Эти явления интерпретируются как маркеры приближающегося перехода и нередко становятся импульсом для начала ритуальных приготовлений. «Перед смертью матери было предвещение о том, что она умрёт – скрипнул стол» [55] (Вологодская область, Череповецкий район). «У меня муж погиб на фронте. Перед похоронкой я видела во сне, как корова во дворе в яму упала, и вошь в меня вцепилась» [54] (Белорецкий район, село Тирлян). «Сон видела. С братом идём по зелёнькому лужку в гору с пилой. Подходим к соснам. “Давай вот эту спилим”. Спилили, да толстая, белая. Другую начали пилить, да спилили лишь наполовину. И брат пошёл вниз, там трава, цветы. На работе женщины сказали: “Брата убьют. А с половиной будешь жить”. И как точно сказали – брата убили, а муж раненый пришёл» [54] (Белорецкий район, посёлок Верхний Авзян). «Близкую смерть можно определить по храпу – он более низкий, гортанный. Это оттого, что всё тело перед смертью твердеет. А как умрёт – дух вылетает – напряжение снимается» [24].

Одним из первых ритуальных действий, совершаемых после наступления смерти, является обмывание покойного. Этот акт несёт в себе как практическую, так и сакральную функцию: очищение тела от земной скверны и подготовка к переходу в иной мир.

В традиционной культуре обмывание часто сопровождается строгими предписаниями: использование определённой воды, особого порядка омовения, а иногда и чтения молитв или заговоров. Пространство, в котором происходит обряд, также маркируется как переходное – оно отделяется от повседневной жизни, а участники ритуала могут подвергаться очистительным практиками после его завершения.

При изучении записей фольклорных экспедиций в пределах Южного Урала (в частности, на территории Челябинской области) были выявлены следующие обязательные условия для обмывания покойного: 1) обмывать тело может только посторонний человек (как правило, пожилая женщина, специализирующаяся на этом); 2) воду после обмывания необходимо вылить в сад, а посуду выбросить: «И в первую очередь покойника обмывали. Обмывали специальные люди, их все знали, приглашали. Обычно это были бабульки. Воду после покойника выливали в огород, под деревья» (приложение 1). Тот же мотив встречаем и в записях Белорецкого района: «Когда покойника обмоют, то воду выплёскивают в задние ворота в уголок, где землю не используют. А тряпочку, которой покойника обмывали, мыло, чашечку закапывают вместе с покойником» [54]. «После покойника выливают воду под задние ворота, под двери, чтобы из семьи ничего не убыло, чтобы никто в семье не умер» [54].

Первый пункт может быть объяснён общим для большинства вариантов похоронного обряда мотивом отстранённости [68]. Родственники покойного принимают участие в похоронном процессе опосредованно. Большинство значимых действий совершается соседями или особыми приглашаемыми людьми: обмывание, обряжение, изготовление гроба, выкапывание могилы, транспортировка гроба до кладбища – на всех этапах вплоть до поминания ключевую роль играют посторонние люди. Исследователи объясняют это тем, что в момент смерти душа усопшего первое время (до совершения всех обрядовых действий) стремится воссоединиться с родом. Поэтому тесный контакт родственников с умершим может быть опасным: «мёртвый живого с собой заберёт» [68].

Стремлением души задержаться в мире живых объясняется и второй пункт. В один ряд с этим явлением можно также поставить и традицию переворачивать стулья, на которых стоял гроб, занавешивать стёкла и зеркала (в современных условиях также и экраны) [52]. С другой стороны,

избавление от посуды и выливание воды в сад необходимо для восстановления равновесия между мирами. Не только часть души покойного не должна оставаться среди живых, но и живые не должны хранить предметы, используемые покойным после смерти. Это может нарушить границу между живым и мёртвым, что неизбежно приводит к опасности (главной «опасностью», как правило, считается смерть близкого родственника покойного).

В записях Гороховецкого края Владимирской области встречаем ещё описание такого обычая: «Обмывала я двоих, только на полу обмывала. Мужиков-то должны обмывать мужики, а у нас получилось, что прибежали за мной, а мужиков никого нету. У меня отец умер, так я его обмывала сама, мать мне и говорит:

– Валька, скатись!

Открыла заподню (в подполье лазишь). Вот я над ней встала, окатилась, вода вся туда ушла и всё» [74]. Здесь мы видим более детальное описание традиции обмывания, которой свойственно строгое соблюдение правила: мужчин обмывают мужчины, женщин – женщины. Как следует из слов информанта, нарушение этого правила требует срочного «искупления» с помощью воды. Можно говорить о том, что вода в обряде выступает не только как способ очищения тела умершего от реалий быта и прежней жизни, но и как способ очищения живых от нарушенных обычаев.

Сену, о котором упоминалось выше, придают особое значение и другие информанты. Вероятно, именно оно включено в более раннюю традицию: «Покойника клали не на чистый пол, а на сено, подстилали чего-нибудь и эту подстилку с сеном выносили» [74]. Сену приписывалась очистительная сила.

Кроме того, здесь же встречаем и такую деталь описываемого этапа обряда: «Обмывали всегда на полу. На пол обязательно клали. У кого одеяло такое тонкое или просто соломки постелили и тканюшкой какой-нибудь. Обмывали вот это только на полу» [74].

Можем предположить, что эта часть традиции соотносится с элементами, описанными в Белорецком районе: «На полу-то умирать удобнее. Чтобы душа спокойно отошла» [54]. Здесь же, в Белорецком районе можем встретить и противоречие уже описанному обычаю: «Обмывают покойного два человека: это соседка, или кто-то из родни, и вдова» [54]. В этом варианте обряда, напротив, именно родственники (обязательно – вдова) совершают обмывание. Также из записи другого информанта узнаём ещё одну деталь: «Покойника обмывают святой водой и дом весь после него обмывают, потому что когда господь вытаскивает душу, то все стены обрызгивает кровью» [54].

В записях Вологодской области также обнаружена противоречащая информации о причастности родственников умершего к обмыванию. Так, в деревне Пленишник (Череповецкий район) была зафиксирована такая речь: «Покойника моют и кладут сразу после того, как проводят душу. Родственники не моют, зовут соседей. Моют на полу. Моют только женщины; им после сорока дней за это отдают одежду умершего. Сразу ничего не дают, иначе покойник на том свете будет ходить нагишом» [55]. Также видим и противоречие традиции, согласно которой мужчин могут обмывать только мужчины.

В том же районе, но в селе Плосково встречаем такую запись: «Покойника моют через час после смерти. Раньше мыли родственники, теперь моют соседи». В деревне Ягница того же района встречаем: «Покойников мыла вдова – по деревне ко всем ходила. Ей за это после сорокового дня давали что-нибудь хорошее» [55]. Зато все записи, собранные в Вологодской области, подтверждают ту традицию, о которой уже было сказано выше: «Воду выливают на улицу, куда выливают помои», «Воду выливают на посвятый угол», «Воду после обмывания выливают к любому углу – туда, где никто не ходит (у бани)» [55].

В Белозёрском районе Вологодской области также встречаем информацию о приговоре, обязательном при обмывании покойника:

«Давай, давай, помогай, чтоб нам тебя одеть-то легче было» [62]. При этом причитания во время этого процесса не проводятся.

В записях Поморского села Гридино была обнаружена такая запись: «Мужчин обмывают мужчины, а женщин – женщины, причём всегда родственники. Нарушали эту традицию только те женщины, у которых умер сын или муж» [39].

В Новгородской области встречам противоречие записям Белорецкого района: «Мыли соседи или родственники простой водой с мылом, вытирали полотенцем, верили, что за обмывание отпускаются грехи. Тех, кто обмывал, благодарили всегда и давали им, что могли» [77].

Итак, мы можем сделать вывод о том, что традиция обмывания тела покойного представляет собой устойчивый и широко распространённый элемент русской погребальной обрядности, сохраняющийся в различных регионах России. Несмотря на общую основу, локальные варианты этого ритуала демонстрируют значительное разнообразие: различаются правила, касающиеся пола участников обряда, их статуса (родственники или соседи), а также степени сакрализации процесса (использование святой воды, сопровождение молитвами и заговорами).

В современной практике наблюдается тенденция к упрощению или даже исчезновению данного обряда в его традиционной форме, поскольку функцию обмывания всё чаще берут на себя сотрудники ритуальных служб. Тем не менее, в фольклорном сознании эта традиция продолжает существовать как значимый культурный код, отражающий архаичные представления о смерти, очищении и переходе в иной мир.

Следом за обычаем обмывания тела традиционно называют обряд обряжения. В Челябинской области были сделаны следующие записи: «Одевали покойника, желательно, во всё новое или обязательно во всё чистое. У женщин обязательно должны быть прикрыто полностью руки и чулки. Если платье с коротким рукавом, то обязательно кофту с длинным рукавом. Обязательно платок...» (приложение 1).

Смертную одежду принято готовить заранее (в тех случаях, когда смерть не является преждевременной). Основным требованием является новая или, по крайней мере, чистая одежда. Эта традиция пришла к славянам вместе с христианством. Объясняется это тем, что человек вступает в новое пространство и состояние, следовательно, ему необходимо «омыться» от прошлой жизни и начать с «нового» [33].

Одеяние обязательно должно быть закрытым. У женщин голова покрыта белым платком, платье с длинным рукавом или кофта, чулки. У мужчин – строгий костюм, также не открывающий тела. Стремление покрыть тело полностью может быть объяснено традицией саванов. Саван частично помогает покойному избавиться от грехов, а также существует мнение, что он охраняет душу во время перехода в мир мёртвых [57]. Традиция покрывать голову женщине тоже идёт из христианства. Платок является символом чистоты и скромности.

В Белорецком районе встречаем похожее описание с некоторыми дополнениями: «Кто обмывает, то и в гроб ложит с помощью мужчин. Когда оденут покойника, руки завяжут, а то они расходятся, а когда крышку одевать – развяжут, они уже закостенеют. А глаза, если открыты, пятками укладывают, чтобы не смотрел покойник. Девушка умирает, белое платье одевают, во всё новое и стариков, и детей. На ноги тапочки или ботиночки, тапочки иногда вяжут. Вообще, одежду ещё при жизни заготавливают. Девушке на голову – фату. На лоб покойнику ложат бумажку, на которой молитва написана, и в карман кладут молитву-паспорт. Всё в церкви покупаем это» [54]. Традиция закрывать глаза медными пяточками прослеживается и в записях Южного Урала.

В Вологодской области наблюдаются разные варианты одежды для умершего. Например, в селе Глинское Череповецкого района «покойника одевали в саван» [55]. В Пленишнике под саваном подразумевается не всё одеяние мертвеца, а только его часть, которая надевалась на голову: «Покойника одевали во всё белое. Одежду для смерти готовили заранее:

шили всё на руках вперёд иголкой; узелки не делали – нельзя покойника завязывать. Покойнику одевали сшитый из белого коленкора пояс или хоронили без пояса. Мужчине на голову одевали саван (верх острый, сзади на спину опускается полотнище), женщине одевали платок» [55].

В записи этого информанта мы также видим ещё одно противоречие ранее описанной традиции: нельзя покойника завязывать. Предположительно, это связано с беспрепятственным переходом души в иной мир. Узелки могут помешать этому переходу, и потому на одежде, сшитой своими руками, их быть не должно.

В деревне Ягница Череповецкого района саван также имеет значение лишь части одевания умершего. Описанная здесь традиция в большей степени перекликается с той, что была зафиксирована на Южном Урале: «Покойнику одевают всё новое: рубашку, платье, тапки, чулки, платок. Раньше шили из коленкора саваны (ткань, шириной с полотенце, зашитая с одной стороны) и одевали на голову» [55]. Можно сделать вывод о том, что головной убор, упоминаемый информантами, является исключительно локальной традицией, так как ни в одном другом регионе России из числа рассмотренных мы не встретили подобного описания.

О культуре обрядов в селе Гридино известно довольно много. До 80-х годов прошлого столетия пожилых женщин хоронили в сарафанах из тёмного сукна. «Ныне эта мода сменилась в связи с возникшим суеверием, что похороненного в чёрных одеждах на том свете будут поливать водой, чтобы одежды отбелились» [39]. Помимо савана, умерших обрядовали в некое подобие зипуна, но вскоре его заменили парадным костюмом-двойкой. «Парадные саваны шились до конца 60-х годов. Башлык (кукель) пришивали только к мужскому савану, а старухам его заменяла намитка – квадратный кусок тёмной ткани, которым повязывали голову, складывая пополам с угла на угол» [39]. Со второй половины века пожилые люди заготавливали себе кожаные без каблука тапочки, которые вскоре были заменены галошами, а после и вовсе матерчатыми тапочками, которые

ранее могли быть использованы только в случае преждевременной смерти человека [39].

Несколько отличается описание одежды в Новгородской области. Здесь это уже не обязательно белое или новое, но обязательно то, что было завещано самим покойным. Тем самым обряжение в традиции новгородцев приобретает мотив последнего волеизъявления умершего. «Обязательно хоронили в той одежде, которую завещал умерший, выполняя его волю. Незамужних хоронили в свадебном платье. Обувь одевали мягкую, обычно тапки. Покойник ведь жить уходит, он должен выглядеть хорошо» [77]. Снова мы видим повторяющуюся традицию хоронить молодых, незамужних девушек в подвенечном платье. Есть несколько вариантов объяснения этому явлению. С одной стороны, платье невесты ассоциируется с чистотой и невинностью. По христианским представлениям, умершая незамужняя девушка может стать невестой Христа в ином мире. С другой стороны, существует языческая традиция, которая связывает это явление с неуспокоенностью души. Согласно этой версии, душа молодой девушки, не прошедшей один из важнейших этапов жизненного цикла, не сможет найти себе место в другом мире. Поэтому подвенечное платье должно успокоить её душу.

Записи, сделанные в Ростовской области, также фиксируют использование именно новой одежды. «Неношенная одежда призвана дополнить образ покойного как объекта, лишённого каких-либо прежних человеческих качеств» [24]. Кроме того, в этих же записях встречаем и требования к цвету и материалу одежды: она должна быть тёмной (возможно, в сочетании с белым) и не должна быть шёлковой и атласной (эти ткани считаются «тяжёлыми» и не пропускают воздух к телу умершего, а значит, мешают переходу души). «Чёрный и белые цвета противопоставлены нашей с вами обычной, яркой одежде» [24].

В Краснодарском крае также очень актуальна традиция хоронить молодых девушек в подвенечном платье. Кроме того, важную роль в

облачении умершего играет пояс, даже если умерший – ребёнок. «Маленьким дава Там яблочко, оно у пазух кладе. А як не пидвязано, оно пада по долу» [3].

Важно обратить внимание на символику цвета в похоронном одеянии. С архаичных времён белый цвет ассоциировался с похоронным цветом – пустоты и нового начала. В некоторых областях белый цвет является также и траурным, но не на Южном Урале. Здесь ему присуще исключительно похоронное значение. Главным атрибутом одеяния является белая обувь и белый платок на голове женщины. Смерть становится для души началом новой жизни на небесах, и белая обувь, символизирующая одновременно и траур, и чистоту, лучше всего подходит для этой жизни. Также важно отметить, что «тапочки» – обувь без шнурков и застёжек. Считается, что лишние элементы могут помешать душе преодолеть путь до Небесного Царства [43].

Ещё один обязательно присутствующий цвет – чёрный. Он подразумевает как похоронную символику (чёрный мужской костюм), так и траурную (родственники в трауре носят чёрное, портрет покойного перевязывают чёрной лентой). Исследователи считают, что эта традиция пришла к славянам довольно поздно, вытесняя белый цвет [10]. Сейчас чёрный можно назвать общепринятым символом траура.

«Если глаза при смерти были не закрыты, на глаза клали пятаки» (приложение 1). Мы уже рассматривали мотив зрения в контексте похоронного обряда. Глаза умершего должны быть обязательно закрыты, чтобы не нарушить границу миров. С одной стороны, монеты являются своего рода откупом ради благополучия рода. С другой – важна не столько монета, сколько материал, из которой она создана – медь. Медный пятак с древних времён служил оберегом от нечистой силы, из чего можно предположить, что монеты на глазах умершего не позволяют душе обратиться вампиром, «нечистым покойником», о котором уже было сказано выше [31].

Таким образом, обряжение покойного представляет собой универсальный этап похоронного ритуала, распространённый во всех регионах России, что подчёркивает его значимость в структуре погребально обрядности. Несмотря на общую смысловую основу – символическую подготовку умершего к переходу в иной мир – данный обряд демонстрирует заметные локальные вариации, особенно в выборе одежды. В одних традициях предпочтение отдаётся исключительно новой одежде, в других – чистой или той, которой покойный особенно любил при жизни. Отдельного внимания заслуживает обычай хоронить незамужних девушек в подвенечном наряде. Особую роль в обряжении играет саван, упоминаемый во многих записях. Но и его функции сильно варьируются: в одних случаях он выступает как обязательный атрибут, часть одеяния, в иных – под саваном подразумевается весь комплекс одежд умершего, в третьих не упоминается вовсе. Кроме того, крайне распространённой деталью является обычай закрывать глаза умершего (если они были открыты в момент смерти) пяточками.

Следующим этапом является подготовка гроба. Рассмотрим особенности этой традиции на Южном Урале.

«Гроб заказывали местному мастеру. Снимали мерки, и он по ним вырезал гроб», «Гроб обивали сами, женщины-соседки, знакомые, подруги. Крышку и гроб. Подушку набивали стружкой от гроба», «Гроб делали сами, мастера, по меркам. Обычно обивали красной материей и чёрные кружева. Обивали родственники, гроб и крышку, приходили» (приложение 1).

Здесь мы снова можем проследить за проявлением мотива отстранённости – обивают гроб не близкие родственники, соседи или просто знакомые.

Возникает новый цвет – красный. В ряде традиций он часто выступает в контексте оппозиции с синим. Красный сопоставляется с миром мёртвых, а синий – с миром живых. Вероятно, эта традиция берёт

начало в родильном обряде. Так, до сих пор, если беременная женщина желает проститься с покойным, ей необходимо взять красный платок, чтобы дистанцироваться от потустороннего [11].

Оставшейся от гроба стружкой принято набивать подушку, которую кладут под голову покойного. Выбрасывать или сжигать стружку нельзя. Она, как и гроб, является частью доли покойного, поэтому, считается, что попадание её в костёр способно причинить вред душе человека на том свете [79].

Если тело умершего источало неприятный запах, под гроб клали пучки крапивы. Но этот элемент носит исключительно практический характер: крапива отбивает запах.

После подготовки тела, его укладывают в гроб. Туда же опускают носовой платок и распятые, а на лоб умершему надевают специальную ленту, купленную в церкви. Это явление имеет парадоксальную природу. С одной стороны, всё перечисленное очевидно указывает на христианскую традицию. И в то же время сам факт возложения в гроб посторонних предметов является отголоском древнего ритуального обряда дохристианского периода [33]. Есть принципиальное различие с древней традицией: если раньше всё выделенное покойному «имущество» хоронилось вместе с ним, то в настоящее время распятые, лента и платок вынимаются из гроба перед непосредственно захоронением. Таким образом, религиозная символика оберегает душу умершего и провожает его в последний путь. Распятые, как правило «передаётся из дома в дом» (приложение 1).

Похожее описание присутствует и в записях, сделанных в Гороховецком крае. Изготавливать гроб также позволено только посторонним людям: «Гроб должны делать чужие, своим гроб делать нельзя, а то покойники ещё в доме будут» [74]. Необычно в традициях местных то, что гробы заготавливали заранее и хранили дома: «У бабушки нашей лет сорок два дубовых гроба стояли на чердаке. Мы туда зимой

яблоки клали, рябину. Дубовые у нас гроба были» [74]. Между тем, гроб обязательно должен соответствовать росту умершего: «Вот если гроб больше, чем покойник-то, то уж беспреречно в доме ещё один покойник будет. Гроб на двоих-то» [74].

Особое внимание уделялось наполнению гроба. Гроб – новое пространство для тела умершего, новый дом. Поэтому его тщательно обустроивали. Зафиксировано подробное описание ритуала подготовки наполнения гробов. «В Духов день иду за берёзками, ломаю, двенадцать святых Апостолов, каждому Апостолу по веничку ломаю, привожу их домой, венки расстилаю в тени. Сорок дней пролежат эти берёзки, на сорок первый выношу, обрываю каждый листочек, кладу в коробё. Умирает человек... насыпаю в сумку листочков этих... в гроб кладу листочки. В гробу четыре угла, всем четырём Апостолам листочек, мёртвому под подушку в наволочек листочек кладу» [74]. Некоторые информанты также рассказывали о том, что в гроб возможно было положить лоскутки савана. Это описание содержит в себе сведения об уникальной локальной традиции, сохранившейся до наших дней.

Гроб обычно устанавливают на лавке в переднем углу. «Покойника можно на лавку положить. У кого чего есть. Кладут его ногами на выход, головой вперёд. На угол кладут. У нас впереди иконы, так и ставили на иконы» [74]. «Выносили покойника вперёд ногами, ведь он же идёт. Вот я, например, встаю на ноги, и ноги у меня вперёд идут. И ложат вперёд ногами, и выносят» [74].

Традиция размещать покойника головой к иконам (или ставить иконы в изголовье, если в доме нет Красного угла) прослеживается во многих записях различных регионов. Такую запись встречаем в Белоречском районе: «Гроб ставят головой к иконе» [54].

В этой же местности активно существует традиция «выдалбливать» гроб – то есть вырезать без единого гвоздя: «Гробы долбили у нас. Вот отцу гроб старик долбил. У нас один мужик гроб себе долбил» [54].

«Долбили для себя старики гробы. У меня у отца дядя был, он выдолбил себе гроб. Лёгонкий, аккуратненький, чистенький. Главное, чтобы гвоздей не было. Для этого внизу дырочку выжигали, а сверху оставляли деревянный шип. Не положено было гвоздей» [54].

Здесь же видим переключку с традицией набивать подушку и «постель» гроба листьями или сеном: «Подушку набивали сеном или богородской травой. Пера не было. Говорят, на перьях умирать – грех. За каждое пёрышко надо Богу молиться. Как бы грех это» [54]. И создание гробов без гвоздей, и отсутствие перьев в гробу, вероятно, связаны с мотивом природной целостности и сопричастности человека и природы. Мир иной, в который переходит душа человека, это в том числе и мир природы, поэтому осквернять новый дом искажением первоначальной природной сущности является большим грехом.

В Череповецком районе Вологодской области гроб покойному изготавливают родственники умершего или он сам при жизни. «Гроб делают родственники. Один старик сделал гробы себе и жене заранее – стояли на чердаке» [55]. Здесь же видим и распространённость обычая готовить гроб заранее, так же, как и в Белорезцком районе.

«В гроб кладут стружки и веники, сверху застилают холодным полотном. Шьют белую коленкоровую подушечку, на неё нашивают три чёрных крестика – в двух верхних углах и между ними, над головой. Подушку набивают стружками и листьями от берёзового веника» [55]. И снова встречается образ листьев и стружки, которыми набивают гроб умершего. Также в деревнях Ягница и Пленишник зафиксирована народная примета, перекликающаяся с той, что мы увидели при анализе этого этапа в записях Гороховецкого края: «Если гроб больше, чем умерший, второй покойник будет» [55].

В деревне Верхние Чуди Череповецкого района умершего помещают либо на скамье, либо на столе. И здесь мы видим конкретные причины вариативности: «Покойника кладут головой в святой угол. Мужчину

кладут на стол, а женщину – на лавку; мужчина – Сеятель, а женщина – Земля, поэтому умершего мужчину можно класть на стол» [55].

Согласно фольклорным записям, в селе Гридино в Карелии перед изголовьем умершего ставят чашку с водой, «чтобы душа, выйдя из тела, смогла сразу окунуться в воду и очиститься» [39]. Плотом для переправы души служит деревянная ложка или щепка в чаше.

«Обрядив усопшего, его укладывают в избе на лавке на 10 перегодних (пролежавших на сарае более года) вениках: под головой три, под плечами три, под тазом три и один веник под пятками» [39]. Здесь мы тоже видим особенную традицию наполнения гроба, связанную с длительным ритуалом сбора веников и их подготовки. Только в описанном обычае веники используются целиком, в отличие от Гороховецкого края, где используются только листья. В гроб также кладётся икона Богоматери, чётки, бумажный «венчик» на лбу и молитва-«пропуск».

Гроб здесь изготавливается не родственниками и не соседями, а плотником, но обязательно – в доме умершего [39]. «В углах нижней части гробов делаются треугольные шипы, а в крышке гроба – пазы. Благодаря этому крышку не надо прибивать гвоздями. В Гридино мастер может ложиться в гроб, чтобы по себе прикинуть размеры, а у русских южной Карелии это запрещено. По себе прикидывает мастер размеры, когда теряет нить, которой измерял покойника. Снимать мерку дважды не полагается, чтобы не навлечь ещё одну смерть на этот дом» [39]. И в этих записях мы тоже прослеживаем народное представление о недопустимости несоответствия размера гроба росту покойного. Если гроб будет слишком узким или коротким, это вызовет недовольство умершего и болезнь плотника. Если же, напротив, слишком длинным или широким, – послужит причиной новой смерти: «На свободное место покойник ещё ребёнка прихватит» [39].

Стружки на подстилку в гроб не используют, а сжигают вместе с одеждой, снятой с умершего.

В Новгородской области в деревне Дубки Старорусского района в гроб умершему кладут иконку и носовой платок. Но икона присутствует только до момента погребения. Непосредственно перед этим её вынимают и приносят домой. Носовой платок служит для того «чтобы вытирать пот во время Страшного суда, а может, умерший всплакнёт при встрече с родными на том свете, которых будет встречать до сорокового дня» [77].

Гроб здесь тоже делается из дерева, точнее, из досок. Но не из осины: «Осина – проклятое дерево, на нём повесился Иуда, и от этого она вся дрожит» [77].

Во Владимирской области в гроб кладут предметы, которые «могут понадобиться»: очки, расчёску, платок, головной убор [12].

В Ростовской области гроб принято изготавливать (покупать) строго в день похорон. Изначально его ни обивали, ни красили, эта традиция возникла гораздо позже, уже на рубеже веков [24].

В Краснодарском крае «правую руку покойного клали сверху, – чтобы мог креститься. В левую руку кладут крест, “рукописание”, иногда свечу, освящённую вербу» [3]. Повсеместно на Кубани с покойным кладут деньги: «на дорожку», «грехи выкупать», «место выкупать». Мелкие монетки завязывают в платочек и кладут мужчинам в карман, а женщинам подмышку или цепляют к поясу [3]. Тело умершего также располагается головой к иконам и ногами в сторону выхода.

Таким образом, подготовка гроба представляет собой важнейший этап похоронного обряда, поскольку в традиционном сознании гроб осмысливается как новый «дом» для души умершего. Несмотря на значительные различия в практике изготовления и наполнения гробов, в этих традициях прослеживаются и общие архаичные мотивы.

Так, например, повсеместно соблюдается запрет на использование пуха и перьев для набивки гроба – вместо них применяются исключительно природные материалы растительного происхождения:

листья, трава, сено или древесная стружка. Этот запрет, вероятно связан с символикой «лёгкости» и «непривязанности» души к земному миру.

Ещё одной общей чертой, объединяющей все локальные варианты обряда, является строгое соблюдение ориентации тела в гробу: покойного всегда укладывают головой к красному углу (или иконам), а ногами – к выходу. Эта устойчивая традиция, зафиксированная в различных регионах России, отражает представления о символическом «пути» души в загробный мир.

Все этапы похоронного обряда, описанные выше, связаны с преобразованием тела умершего и «перехода» его в новый «дом». Теперь следует подробно остановиться на традициях, связанных с преобразованием земного дома покойного.

Пространство дома также подвергается изменениям. Из записей, собранных в Челябинской области, мы знаем следующее: «В доме все стёкла-зеркала белыми тряпками завешивают, чтобы душа в них не просочилась. Одного покойника не оставляют, всегда дежурит кто-то. Ночью приходит бабка-читальщица, она душу на последний путь благословляет. Молится. Ставят стакан с водой, сверху хлеб кладут. И меняют каждый день до 40-го. А старое всё скотине скармливают. Свечу тоже зажигают» (приложение 1).

О причинах занавешивания зеркал, стёкол и экранов уже говорилось выше. По той же причине покойного нельзя оставлять в одиночестве. Считается, что в период после смерти и до погребения душа человека наиболее уязвима, так как замерла в переходном состоянии (уже не в мире живых, но ещё не среди мёртвых). Она находится рядом с телом и наблюдает за действиями родственников. Своим присутствием родные люди оказывают своеобразную поддержку. С той же целью и читаются молитвы в ночь накануне похорон. Если душа остаётся в одиночестве, она может начать беспокоиться и блуждать по миру живых. В таком случае душа может так заблудиться, что уже никогда не сможет упокоиться [48].

О роли хлеба и воды подробнее будет рассказано в следующем параграфе. Свеча же является пережитком древнейшей традиции погребального костра. Изначально в костре сжигали тела людей, тем самым отделяя бессмертную душу от смертного тела. Затем, с приходом христианства, костры стали способом поминовения умерших, о чём уже было подробно рассказано в предыдущем параграфе. Со временем костёр становился частной, домашней традицией, пока не сократился до горящей свечи. Сейчас свеча также символизирует горение материи, превращение её в прах. Кроме того, свеча – это способ указать душе верный путь. Свеча очищает пространство дома, разрывая связи покойного с материальным миром [64]. Поэтому свеча горит до 40 дня – на 40 день душа окончательно покидает мир живых.

Из записей Гороховецкого края известно, что с момента смерти человека в доме помещалась баночка с пшеном, в которую вставлялась свечка. Она должна была гореть до момента выноса тела из дома. «Ставят пшено, в баночку поллитровую пшена насыпят и свечку ставят, и стоит, пока покойник в доме. Это пшено потом на еду не расходуют, птичкам выбрасывают» [74]. «Вот когда покойника вынесут, пшено-то выкидывают птицам. Надо на рассвете пойти за ворота и пшено выкинуть, а птички божии его склюют и помянут покойника» [74].

В записях Белорецкого района тоже подчёркивается важность момента закрытия всех зеркальных поверхностей. «Все отражающие поверхности закрывают, чтобы не было отражения покойника. Закрывают не только зеркало, но и сервант, и шифоньер, чтобы покойник не отражался и не оставался» [54].

«До сорока дней стоит пшено, хлеб, стакан с водой» [54]. «Если щеловек помер со шторами, то пусть они 40 дней лежат, а то все умрут. Вот соседи у нас сразу сдёрнули шторы и постирали – душу вымыли, так сыночек у них помер, скот помирать стал» [54]. Здесь впервые встречается образ штор. Вероятно, они выступают символом жизни души, поэтому их

стирка или снятие ведёт за собой череду несчастий. Подобный образ не встречается в описаниях обряда в иных регионах страны.

В записях Вологодской области мы также видим: «При покойнике закрывают зеркала, чтобы он никого не выглядел (не забрал)» [55]. Существует особый приговор, который помогает родным не бояться присутствия покойника в доме: «Зааминь, Господи, окна и двери и плотные щели» [55]. Это оборонительное причитание отражает народные представления о возможности души умершего «задержаться» в окнах, дверях и щелях, поэтому особенно важно на этом этапе грамотно выстраивать границу между миром живых и миром мёртвых. Это действие также несёт в себе и психологическую функцию – способ справиться со страхом перед телом умершего.

«В избе при покойнике нельзя подметать, держать расстеленными половики, иначе разоришь всю семью. Половики надо вытаскивать из избы до обмывания покойника, чтобы за собой не вёл других» [55].

Наблюдается общая закономерность во всех описанных ситуациях: дом умершего перестаёт восприниматься в бытовом значении и становится областью сакрального. Это особо тонкое пространство между мирами, где живые должны вести себя предельно осторожно.

В Карелии существует обычай ставить рюмку водки (раньше это был чай) рядом с иконами, пока в доме находится тело умершего. Если покойник при жизни не пил водку, то её заменяют красным вином [39].

Из записей Ростовской области узнаём о том, что «двери в доме не запирают». Можно предположить, что это связано с одним из ключевых мотивов обряда – помощью в переходе души из одного мира в другой.

«По всей комнате горят свечи, в том числе у изголовья лавки, на которой лежит умерший. Между пальцев покойника иногда также ставят свечу и зажигают её. В христианской традиции свеча символизирует свет Царствия Божьего, вечную жизнь души после физической смерти» [24]. Помимо описанного объяснения роли свечи в обряде, существуют также

мнения, что свеча является символом света в загробном мире, его источником.

После выноса тела из дома свечи ни в коем случае нельзя оставлять в доме. От них нужно избавляться. Информанты Ростовской области назвали такие варианты способов это сделать: «Во-первых, свечи можно сжечь до основания, не оставив огарка. Во-вторых, можно положить огарки в гроб – покойный унесёт их с собой, в безопасное для живых людей пространство» [24].

В Костромском крае распространена традиция вешать полотенце на угол дома сразу после смерти человека. Объясняют этот обычай так: «Он сорок дней... душа его, говорят, прилетает утиратцо. Это вот старые люди говорили-то. А вот когда полотенце снимаешь – утрёшься. Там вот на поминки приходят утираются, у кого чё болит, кому надо там чего» [79]. Подобный обычай, вероятно, также является локальным, потому что подобные описания не были обнаружены в записях жителей других областей.

Итак, преобразование домашнего пространства после смерти включает как общерусские традиции (такие как занавешивание зеркал, горящая свеча), так и локальные особенности (вывешивание полотенца, запрет на стирку штор). Эти практики отражают единые представления о переходе души, воплощённые в регионально-вариативные формы.

Ещё одной неотъемлемой частью похоронного обряда являются причитания, плачи и молитвы в доме умершего до момента выноса тела.

Интересно, что в Нязепетровском районе Челябинской области женщин, читающих молитвы у гроба покойного, принято называть «читальщицами», а не «плакальщицами», как это распространено в России почти повсеместно. Название, очевидно, происходит от слова «читать», т.е. читать молитвы.

В записях Гороховецкого края отмечено, что только после установки гроба родственники могли в голос причитать об умершем.

«Когда в гроб-то положат, положат во гроб и причитать начинают. До этого плакали только, а как в гроб положат, так в голос ревут» [74]. Пока покойник находился в доме, над ним специально читали псалмы специально нанятые люди, чаще всего набожные старые женщины, не состоящие с покойным в родстве: «Пели – я нанимала бабушек. У нас Тихоновы, они все религиозные, они все ходили по покойникам» [74]. Для них устанавливали специальный стол, ставили на него укрепленные в банках с пшеном свечи, а также иконы. Псаломщицы читали над покойным, а приходившие с ним проститься приносили и оставляли на столе какую-нибудь еду. «Дома обязательно поставят пшено и свечи горят. Тут одна, тут одна и тут одна, это пока молятся. Молились над покойником. Ставят стол, там иконка и читаются над покойником. И всё несут: кто печенье, кто конфеты, кто хлеб, кто лук, кто что» [74].

Подробные данные о традиции чтения стихов над телом умершего были записаны в деревне Ломовка Белорецкого района. Здесь присутствуют записи самих читальщиц, содержатся некоторые тексты песен. В нашем исследовании мы не рассматриваем подробно песенную традицию похоронного обряда, но приводим часть сведений, важных для понимания функции этого действия в контексте ритуала.

«Вот уже 22 года, как я начала читать ходить. Я от старинных читальщиц не отставала. Мы вот ведь разные читаем разным покойникам. Ещё смотрим, когда умер. Вот, к примеру, на Паску-то вот такие поём, в Рождество – совсем другие» [54]. По словам информанта, стихи и причеты записывались в тетради, которые, по возможности, передавались из поколения в поколение. Тексты дополнялись теми, что были услышаны у других читальщиц, в других деревнях и областях. Выбор текста зависит и от времени смерти человека, и от характера смерти (от чтения умершим по собственной воле могли вообще отказаться), и от предпочтений и таланта исполнителя.

Здесь же, в Ломовке зафиксирована такая особенность: «Какой покойник – я одна остаюсь читаю, уходят хозяйвы, я стою одна... Без креста вот я никогда не хожу читать у покойника, никогда не дастся. Обязательно надо надеть хрестик. Один раз я не надела хрестик, забыла. Пришла читать, не могу читать: у меня не получатся» [54]. Мы видим, что способность читать информанты связывают с христианской традицией. Крест ограждает исполнителей от негативного влияния мира мёртвых. Очевидно, в этом обычае он выполняет функции магического предмета, позволяющего восстановить границу между мирами.

Ещё одна необычная традиция зафиксирована в деревне Тирлян той же Белорецкой области. Обычай, названный «проводами души»: «Перед проводами души «синюшную» делали: с девяти вечера собирались и всю ночь молитвы читали. А утром за стол садятся, кушают и душу провожать идут. Икону брали. Хлеб специально пекёшь для проводов души. Соль брали. Выходят, кланяются на восток. Обязательно на восток. Как солнце всходит» [54]. Есть основания полагать, что этот обычай тесно связан с языческими представлениями о смерти, потому что в записях других информантов мы видим сведения о том, что этот обычай запрещается церковью: «Батюшка ругает» [54]. Описанное явление можно назвать уникальным, потому что в процессе исследования не было обнаружено никаких сведений, перекликающих с описанным действием.

В деревнях Верхние Чуди, Средние Чуди, Пленишник, Ягница (Череповецкий район Вологодской области) встречаем такое описание, связанное с пением стихов: «Когда приходят сидеть к покойнику, сначала встают на молитву – поют молитвы (читают канун); после молитв садятся кругом покойника за стол и поют стихи. Когда поют стихи, везде сидят – полная изба народа» [55]. Здесь мы видим расхождения с традициями Белорецкой области. Если в проанализированных выше записях мы обнаруживаем одну читальщицу (которая, к тому же, могла оставаться на

ночь наедине с умершим), то в Вологодской области молитвы и стихи пропеваются хором большим количеством людей.

Также в этих записях разведены обычаи петь стихи и молитвы и причитания. «Если у покойника поют стихи, а в это время придут причитать, то петь перестают – дают причитать» [55].

Кроме того, в собранных материалах фигурируют и «наказы» умершему: «Покойнику дают наказы – словами передают с ним поклоны и приветы умершим родственникам, плачут, говорят, что на том свете с ними увидятся. Раньше наказы передавали причетами» [55]. Причитания и наказы принципиально отличаются от пения стихов и молебен тем, что в этом случае исполнители обращаются непосредственно к душе умершего, избегая метафоризации и образности, которые присущи стихам.

И в Череповецком, и в Белозёрском районах прослеживается уже описанный обычай не оставлять умершего одного: «Покойника держат в доме, причитают над ним, днём и ночью сидят – одного не оставляют» [62].

В Новгородской области плакальщиц приглашали в том случае, если сами родственники не умели причитать. «Коллективных причитаний не было» [77]. При этом имя умершего обычно не называли, вместо этого использовали оборот «удалая головушка».

Тот же мотив мы видим и в записях Ростовской области. «Видимо, это практика является отголоском архаических представлений о том, что в результате каких-либо действий покойный мог стать вампиром» [24]. С этой традицией и связано чтение Псалтыри. Оно должно сопровождать всё время бдения за покойным и прекращаться на рассвете. «Человек, что читал последний, должен закончить кафизму у себя дома» [24].

Псалтырь читают и в Краснодарском крае. Но здесь для этого приглашают специального человека, обычно, женщину. «На стол ставили икону, клали хлеб, кутью, стаканчик с пшеницей, в котором стоит свеча, воду, мед, иногда здесь же могли оказаться лук и яйца. Для того, чтобы

читалке было удобно читать, Псалтырь клали на сито, обернутое полотенцем, если умер мужчина, или платком, если умерла женщина. После чтения читалка забирала хлеб и платок (или полотенце) себе. Воду после похорон переставляли на окно. Мед использовался для приготовления кутьи, а все остальное раздавалось как помин» [3]. Упоминается также, что над детьми, умершими до семи лет, Псалтырь не читают, потому что они безгрешны.

В некоторых регионах Краснодарского края чтения Псалтыри может перемежаться с пением псалмов. Информанты объясняют это так: «Чтоб читалка не уставала» [3].

На Кубани кроме чтения христианских текстов существовали и причеты. Их содержание, как правило, – импровизация. «Да хаточка, ты ж мая хаточка, да темная да невидная. Да что ж тебе заставило туды ложиться. Да везу ш я тебя куда, да в дальнюю далинушку, да в глубокую сырую могилушку» [3].

Описанные традиции причетов и пения стихов закрывают перечень ритуальных действий, связанных с подготовкой души к переходу в иной мир. Каждый этап символически маркирует трансформацию: тело умершего очищается и облачается в саван, дом превращается из места жизни в пространство прощания, а гроб становится «новым домом», вместилищем для вечного пути. Через эти обряды живые не только проводят душу через границу миров, но и в последний раз проявляют заботу, выполняя свой священный долг перед усопшим. Таким образом, похоронный обряд осмысливается как финальный акт любви и защиты, помогающий умершему завершить земной путь и обрести покой в мире ином.

Следующий этап связан с выходом в новое пространство – вынос тела умершего за пределы дома.

В описании похоронного обряда Нязепетровского района встречается понятие «путёвка». «Обязательно готовилась путёвка: чашка,

ложка, нитка с иголкой, булочка, носовой платочек – всё это было завернуто в головной белый платочек. Путёвку отдавали старенькой женщине, которая молилась, ходила в церковь. Все 40 дней она должна была молиться, если ей давали эту путёвку. Это на её совести» (приложение 1).

«Путёвку» можно сопоставить с языческим обычаем хоронить вместе с умершим часть вещей, которые могут понадобиться ему в следующей жизни. Но существует важное различие – «путёвка» не подвержена захоронению. Её передают в руки женщине, которая на протяжении 40 дней посещает церковь и молится за упокой души умершего. В таком случае встаёт вопрос, как рассматривать этого участника обряда. С одной стороны, её можно поставить в один ряд с «читальщицами», так как оба героя являются носителями уникальных знаний о мире, недоступных каждому человеку. С другой стороны, ни в одном варианте обряда живой человек не взаимодействует с миром мёртвых посредством конкретных объектов. В некоторых традициях подобную функцию приписывают животным (например, волкам), но не человеку. В таком случае описанного героя можно рассматривать как совершенно уникальный образ, находящийся на пересечении миров.

С христианством пришла традиция хоронить умершего на третий день. В Новом завете говорится, что Иисус был распят в пятницу, а воскрес в воскресенье – отсюда три дня. В эти три дня душа человека прощается с материальностью, своей прошлой жизнью, а после погребения до 9 дня, наоборот, познаёт новый мир. С 9 по 40 день душа преодолевает сложный путь к Царству Божьему и предстаёт перед судом [18].

Как правило, вынос гроба назначают на 11 часов. «Выносили обязательно во двор, неважно, частный двор или многоквартирный. Ставили на табуретки и каждый мог попрощаться. Считалось, чтобы покойник попрощался с тем домом, в котором он живёт» (приложение 1). Если два дня до этого умерший прощался с семьёй и домом, то теперь

прощание распространяется на двор и улицу. Это же время и для прощания живых с мёртвым. На вынос приходят все желающие проститься. Процесс этот проходит в тишине.

После поднятия гроба, табуретки опрокидываются. О причинах этого уже было сказано выше. Потому же после выноса гроба в доме умершего женщина, обмывавшая тело, моет полы. Это делается для поддержания границ между мирами. Отсюда пошло народное поверье: «за человеком, который уезжает, полы мыть нельзя, а то может не вернуться» (приложение 1).

Похожие обычаи описываются и в Гороховецком крае. После выноса тела обязательно прибирались. Различи в том, что традиция Владимирской области предполагает разные варианты уборки: мытьё полов могло быть заменено подметанием. «Мести надо от двери к окну, а то ещё покойник в доме будет, ещё кого-нибудь выметешь» [74]. Обычай переворачивать мебель тоже существует в фольклорном сознании информантов этой области. Но различие заключается в том, что чаще переворачиваемой мебелью оказывался стол: «Я вот, например, стол переворачивала, когда у нас сестрёнкин муж умер» [74].

Кроме того, зафиксирован обычай «первой встречи», который заключается в том, что перед выносом тела собирают хлеб, свечи и ткань и отдают их первому встречному человеку. Отказываться от «первой встречи» не полагается, но её можно отдать кому-то другому, если человек, её принявший, не умеет молиться. Для прохожего «первая встреча» являлась добрым знаком, потому что считалось, что после его смерти, в ином мире человек, на похоронах которого была получена «первая встреча», будет защищать душу новоумершего.

Сведения о мытье дома присутствуют и в записях Белорецкого района. Также встречаем описание, напоминающее «первую встречу», только в этой области это называют «встречной лепёшкой». Эту лепёшку

хранят долгое время, она бережёт дом человека, которому она была отдана, от несчастий.

Необычной традицией ряда деревень Белорецкого района выступает вручение прохожим живой курицы. Сведения информантов несколько различаются на этот счёт: одни упоминают о том, что курицу дарят только в том случае, если покойный – самоубийца; другие утверждают, что раньше это было обязательной традицией на каждом похоронах, и только в последнее время этот обычай стал нарушаться [54].

В Вологодской области мы также видим традицию мытья дома после выноса тела и опрокидывания мебели: скамеек, стульев, табуреток, столов. Отличие от Челябинской области заключается в том, что прощание состоится в два часа дня, а не в одиннадцать. Это делается для того, чтобы до конца дня успеть отнести на могилу умершего крошки с поминальной трапезы. Особого внимания заслуживает следующая запись: «Перед выносом у гроба зажигают свечи и поют молитвы. Когда выносят, свечи гасят и кладут в гроб. Выносят сначала крышку, а за ней гроб. Родственники становятся вслед гроба (за голову покойника) на колени, кланяются, режут, просят прощения; их поднимают» [55]. О функциях образа свечи мы уже писали выше, необычным является описание ритуала прощания родственников с умершим. Он отличается особой эмоциональностью по сравнению с обычаями, описанными в иных регионах.

В Белозёрском районе Вологодской области отдельно выделяется традиция трижды обходить дом перед выносом тела. «Против солнца, с углями, оставшимися в кадиле, и свечкой» [62]. Круг в похоронном обряде традиционно символизирует жизненный цикл. Исходя из этого, мы можем выдвинуть предположение о том, что обхождение дома является символическим завершением пребывания в мире живых.

В записях села Гридино мотив мытья дома представлен несколько иначе: пол не моют, а «заливают» водой, что, впрочем, несёт в себе те же функции, что и действия, описанные в других регионах [39].

В ряде районов Краснодарского края обнаруживается противоречие описанному выше обычаю мыть пол вслед за умершим. В этих деревнях, напротив, существует запрет на мытьё дома вплоть до сорокового дня.

Таким образом, ключевыми образами этого этапа похоронного обряда являются мытьё дома, переворачивание мебели и прощание с умершим. Эти мотивы можно назвать общерусскими, так как описание их прослеживается во всех рассматриваемых регионах страны. Различаются эти действия некоторыми деталями, но от этого не меняется то символическое значение, которое в них вкладывается. Наряду с повторяющимися образами существуют и региональные, локальные традиции, такие, как, например, обхождение вокруг дома и прощание родственников с умершим на коленях.

После прощания начинается похоронная процессия. На Южном Урале Гроб несут мужчины, крышку – женщины. «Гроб несли на длинных вафельных полотенцах. Эти полотенца передавались из поколения в поколение или от соседа к соседу, но не покупались» (приложение 1). Использование полотенца объясняется тем, что живые не должны соприкасаться с умершим на его последнем пути [44]. В некоторых традициях принято полотенца после похорон разрезать и раздавать участникам процессии, в некоторых их повязывают на могилу или ворота кладбища, чтобы душа покойного не вернулась в мир живых. В Нязепетровском районе полотенца передаются из дома в дом. Они являются предметами-помощниками, способствующими переходу из одного мира в другой. Вместо них на память провожающим раздают белые носовые платки, специально заготовленные заранее.

«Впереди процессии шёл оркестр. Когда этого не было, без оркестра. Потом несли фотографию умершего, потом шли венки, потом четыре

женщины несли крышку. Мужчины несли гроб, после гроба вся процессия. Впереди обязательно сыпали пшено, либо веточки пихты. Иногда это были цветы. Сейчас, в основном, сыпят пшено. Из-за того, что еловые ветки – это всё равно мусор. Пшено – самый оптимальный вариант, его склёвывают птицы», «Самой первой шла бабка, она несла одна портрет, другая раскидывала пшено по улице, чтобы птички клевали, чтобы душа в Рай попала» (приложение 1).

Более древним обычаем является бросание пихтовых веток или цветов на пути следования процессии. Есть несколько вариантов объяснения этого явления. С древних времён существовало поверье, что пихтовое дерево способно отпугивать нечистую силу. С этой стороны, ветви пихты на пути процессии – символ новой, очищенной жизни души после смерти. Пихта оберегает душу от опасностей внешнего мира. Другая версия связана с уже упомянутым мотивом слепоты. Душа после смерти не обладает зрением и потому не видит своего пути. Единственное, что способно указать ей дорогу, – цветы или хвойные ветви [79].

Пшено – более поздний вариант традиции. Он возник под влиянием социальных факторов, но со временем приобрёл символическое значение. Как объясняют сами информанты: «Птицы на своих крыльях уносят душу в рай» (приложение 1).

Процессия проходит, как минимум, до конца большой улицы. Обычно, чем большее количество людей участвует в ней, тем дольше она продолжается. После этого гроб погружают в машину и увозят на кладбище.

В Нязепетровском районе, как и в Гороховецком крае, отсутствует описание отпевания покойника как в церкви, так и на кладбище. Это может быть объяснено с разрушением церковной жизни в этих регионах. В посёлке Тютняры Челябинской области традиция отпевания сохраняется, как и в большинстве населённых пунктов Южного Урала: «Потом, когда батюшка его отпел... Мы его в церковь не понесли, а батюшка дома

отпевал, потому что у нас не мимо церкви надо а так идти. Он его отпел и повезли мы его на кладбище» (приложение 1).

В Гороховецком крае существует обычай, согласно которому гроб должны нести люди одного пола с умершим. Подменять несущих нельзя – до самого кладбища это должны быть одни и те же люди.

Здесь же описывается и традиция «делать дорогу покойнику», совпадающая с обычаем Челябинской области выстилать дорогу из еловых веток. Само название обычая – «делать дорогу» – подтверждает записи о том, что еловые ветки связаны с мотивом слепоты.

В Вологодской области традиция выстилать дорогу описана иначе: «Впереди гроба кидают зёрнышки, сзади еловые ветки – указывает дорогу покойнику, чтобы ходил домой» [55]. Описание необычно тем, что оставление дороги, «чтобы ходил домой» противоречит одной из ключевых задач обряда – восстановления границ. Вероятно, обычай сложился из двух: одного, где дорогу выстилали пшеном, и второго, где эту функцию выполняли еловые ветки.

Здесь прослеживается и традиция нести гроб в полотенцах, а не на руках, что, опять же, связано с мотивом отстранения.

Та же традиция отражена и в обряде села Гридино. Отличие заключается в том, что полотенца обычно бывают привязаны к жердям, которые несут на своих плечах мужчины. Похоронная процессия, описанная в Гридино, включает в себя три остановки: у церкви, у реки и сразу за околицей. «Считается, что в этих точках покойный прощается с родным поселением» [39]. Остановка у церкви нужна для отпевания священником, а у реки раньше стояли кресты, которые нужно было трижды обойти по кругу вслед за солнцем. «Во время остановки старухи кадят из одноручного кадила гроб и процессию, читают молитвы» [39].

Остановки процессии нетипичны для похоронного обряда большинства областей, из этого следует, что этот образ также является региональным обычаем. В остальных регионах, напротив, процессия

движется слитно, без остановок, и встретившиеся навстречу люди обязаны её пропускать.

В Новгородской традиции мы видим бытование образа еловых веток: «В день похорон разбрасывали еловые ветки, чтобы умерший шёл по чистой дороге: ель – чистое дерево, потом ветки сжигали» [77]. Мотив сжигания еловых веток объясняется символом закрытия путей в иной мир.

Подробные записи о похоронной процессии были сделаны в Краснодарском крае. На Кубани обычно запрещается нести гроб и крышку прямым родственникам, но в некоторых регионах этот запрет нарушается. На похоронах запрещалось присутствовать беременным.

Процессию возглавлял крест и икона. «Крест голый никогда не несут. Вяжут кто материю, кто полотенце, хоть рубашку – что есть. А там раздают первому попавшему» [3]. Изображение на иконе должно было соответствовать полу умершего.

Для переноса гроба используют не полотенца, но носилки или рушник. Также традиция выстилать дорогу покойному еловыми ветками не пользуется здесь популярностью, вместо веток могут использовать пшено.

Обязательной частью обряда является отпевание в церкви. «Это говорит за то, что он уже принял загробное, он уже получил свой документ, уже он запечатанный. А если он не запечатанный, может покойник сниться, ведь же не по закону похоронили» [3].

В Костромском крае тоже зафиксированы сведения об остановках процессии перед церковью. Но в этом случае остановка делается не для прощания покойного с местностью, а напротив, для возможности проститься с умершим тем, кто ещё не успел это сделать. Здесь также сохраняется образ пихтовых или еловых веток, сопровождающий похоронную процессию, и обычай «первой встречи».

Итак, похоронная процессия в русской традиции повсеместно сохраняет архаичный пеший характер, подчёркивая сакральность

«последнего пути» умершего. Гроб несут на полотенцах, носилках или специальных покрывалах, избегая прямого контакта с телом – это отражает представления о переходной природе смерти, требующей соблюдения ритуальной дистанции между мирами. Дорогу покойному символически «готовят», выстилая её хвойными ветками (реже – пшеном), что восходит к древним очистительным традициям. Хотя маршрут и обрядовое сопровождение процессии могут варьироваться (отпевание может совершаться в доме, храме или на кладбище, а в некоторых локальных традициях вовсе отсутствует), её структура сохраняет трёхчастную логику: разделение с домом – переход через границу – включение в мир предков.

В Челябинской области собственно погребение занимает небольшой промежуток времени. Могилу обычно выбирают среди умерших ранее родственников покойного. Копают её накануне. Из гроба убирают всё лишнее, а крышку заколачивают, чтобы она не съехала. Мужчины, несшие гроб, опускают его в могилу. «Гроб опускают на дно могилы, туда кидают монеты, носовые платки родственники, которые вытирали слёзы. Каждый из присутствующих должен обойти могилу по часовой стрелке и кинуть три горсти земли» (приложение 1).

Традицию бросать горсти земли в могилу относят ещё к древнерусскому периоду. Вероятно, источником является архаичный погребальный обряд. Тело покойного сжигали, и пепел помещали в урну. Урну не закапывали, а «забрасывали» землёй. Каждый родственник бросал по три горсти земли, и так урна скоро полностью скрывалась под землёй. Существует версия, что это объясняется стремлением к общности. Каждый прикоснувшийся к земле тем самым как бы заявляет о своей причастности к происходящему, к судьбе души умершего [15]. Деньги, бросаемые в могилу, играют роль подношения иному миру.

Обход могилы по часовой стрелке означает торжество жизни над смертью. После погребения живое должно отстраниться от мёртвого, чтобы не нарушить порядок существования двух миров [79].

После этого могилу закапывают. На первое время устанавливают деревянный крест. С одной стороны, это объясняется тем, что путь души к Царствию Божьему ещё не завершён, поэтому первый крест – временный. С другой стороны, у этого явления есть и сугубо практическое объяснение: гранитный памятник не простоит долгое время на рыхлой земле. Поэтому перед его установкой нужно дождаться, чтобы могила «осела».

Информанты Гороховецкого края неоднократно указывают на то, что почти все обычаи, связанные с рытьём могилы, были утрачены. Но сохранилось знание о том, что родственникам умершего могилу копать нельзя: «Могилу своим рыть нельзя, это ты можешь и себе могилу вырыть, свой покойник тебя утащит» [74]. Гроб опускали в могилу так, чтобы ноги умершего оказались со стороны востока. «Говорят, что он должен лежать ногами на восток, как солнышко всходит. Страшный суд начнётся, он встанет и прям туда на солнышко» [74].

Пребывание на кладбище могло сопровождаться причитаниями, но эта традиция не распространена повсеместно. В некоторых частях региона, напротив, считалось излишним причитать. «Я тебе голосить не буду, а то покойника наголошу» [74].

В могилу принято бросать монетки, «чтобы было, чем на том свете за место заплатить» [Гороховец], и платки, которыми утирали слёзы, «слёзы чтобы с тобой не были» [74]. Также присутствует уже описанная выше традиция бросать в могилу по три горсточки земли.

Те же обычаи бытуют и в Белорецком районе: три горсти земли и монетки, «чтобы откупить место» [54]. «Землю сначала родные кидают, потом остальные» [54].

В Череповецком районе Вологодской области, напротив, могилу должны были копать родные умершего: «Могилу копали свои родные – сыновья» [55]. Гроб также опускался на верёвках, либо на ткани. И те же обычаи бросать в могилу монетки и горсти земли, а также «оплаканые» платки: «Чтобы не скучать» [55].

Своеобразие этого этапа обряда в селе Гридино заключается в том, что носилки, на которых несли гроб, приставляются к дереву на кладбище. Они служат временным крестом на свежей могиле. Но даже после установки постоянного надгробия, носилки не уносят – они остаются стоять у дерева, пока не сгниют [39].

В Новгородской традиции могилу должны были копать посторонние люди. Гроб, наоборот, устанавливали лицом на восток. А полотенца, с помощью которых опускали в могилу гроб, оставляли в ней же.

В Пермском крае могилу обязательно окропляют святой водой сразу после отпевания. Ткань, на которой опускается гроб, делится на равные части и распределяется между мужчинами, копавшими могилу. Интересным обычаем этой области является насыпание горстей земли за ворот родственникам покойного. По словам информантов, это делалось «чтоб сильно не горевали, чтоб плохо не было» [79]. Кладбище первыми покидали женщины, только потом – мужчины.

В Краснодарском крае гроб тоже располагали «ногами на восток», чтобы «молится получалось лицом на восток» [3]. Здесь тоже имеет место обычай бросать горсти земли в могилу.

Таким образом, заключительный этап похоронного обряда на кладбище демонстрирует значительно меньшую вариативность по сравнению с предыдущими ритуалами, сохраняя устойчивый набор общерусских практик.

Подводя итог исследования похоронного обряда в различных регионах РФ, мы приходим к выводу, что в рассмотренных вариантах обряда так или иначе сохраняется структура и основные его этапы. Существует множество образов, которые можно причислить к общерусским, так как они встречаются в большинстве исследованных регионов. К таким относятся, например, еловые ветви на пути следования похоронной процессии, свечи, горящие в доме умершего, мытьё дома сразу после выноса гроба за пределы дома и ряд других. Но существует и

большое разнообразие региональных, локальных черт и особенностей, мотивов, которые не встречаются в иных областях. Яркими примерами таких образов являются «долблёные» гробы в Белорецком районе, заготавливаемые, к тому же, заранее, «путёвка», записанная в Нязепетровском районе Челябинской области, обычай сыпать землю в ворот родственников умершего, зафиксированный в Костромском крае.

2. 2 Исследование вариантов и символики образов поминального обряда

Поминальный обряд в традиции жителей Нязепетровского района Челябинской области представлен, в первую очередь, поминальным обедом в день погребения, на 9 день после, на 40 и на каждую годовщину похорон. Обряды, связанные с календарным циклом, практически не сохранились. На сегодняшний день можно выделить только «Родительские» субботы. Известны также частные некалендарные посещения могил, связанные с изменениями в жизни родственника умершего или иными личными мотивами. Но этот вид поминальной традиции в данной работе подробно не рассматривается.

Поминальный обед в день похорон начинается сразу по окончании обряда погребения. Обед, как правило, заказывают в столовых. Очень редко его проводят дома. Объясняется это тем, что обед должны посетить все желающие проститься с умершим.

«Поминальный обед – это, в первую очередь, мёд и хлеб. Дальше пироги: с рыбой и с капустой. Первую дольку обязательно с капустой съесть. Дальше суп, каша, компот из сухофруктов, сладкие пироги и обязательно кисель. Обязательно три ложки» (приложение 1).

Хлеб играет важную роль не только в поминальном обряде, но и в похоронном. «Стояла в доме вода чистая в стакане, сверху кусочек хлеба. Это всё менялось каждый день до 40 дня» (приложение 1). Хлеб в данном случае выполняет сразу три функции:

- 1) символ жизненной силы и труда;
- 2) способ договориться с миром мёртвых;
- 3) «доля» покойного.

Хлеб как символ жизненного начала противопоставляется смерти. В этом случае мир живых отстраняется от мира смерти, при этом тесно с ним соприкасаясь. Смерть человека невольно на какое-то время становится частью жизни родственников и знакомых. Их соприкосновение неизбежно, но при этом смерть не должна занимать больше места в жизни, чем это необходимо. Поэтому мотив отстранения присутствует в большинстве этапов обряда.

Хлеб также представляет собой своеобразный «откуп» от потусторонних сил. Он играет роль дани, которую человек уплачивает загробному миру, чтобы этот мир не влиял на его дальнейшую жизнь больше необходимого.

Кроме того, хлеб не только «откуп» миру мёртвых, но и самой душе умершего. В новой жизни души её выделяется своё место (могила), своё имущество («путёвка») и пища (вода и хлеб). Всё это необходимо для того, чтобы душа человека ни в чём не нуждалась и могла спокойно перейти в иной мир.

Поминальный обед тоже начинается с хлеба. Первым угощением подают булочки, которые нужно макнуть в мёд. Мёд также является общераспространённым элементом поминального стола. Мёд символизирует «сладкую жизнь» на том свете [9].

За хлебом с мёдом следуют пироги. Как и многое в похоронном обряде, пироги – символ амбивалентный. Сам по себе пирог традиционно ассоциируется с домашним очагом и гостеприимством. С одной стороны, это гостеприимство по отношению к присутствующим на обеде. Этим родственники умершего как бы выражают благодарность за то, что пришедшие провожают ушу умершего вместе с ними. С другой стороны, это и запрос в мир иной. Пожелание, чтобы душа покойного могла

преодолеть тяжёлый путь и найти своё новое место. Также пирог как символ домашнего очага является воплощением общности рода, семьи.

Важно обратить внимание и на начинку пирогов. Первый пирог – капустный. Капуста – символ зарождения новой жизни. Это и зарождение новой жизни души, и будущих детей, которые продолжат род. Капуста также и символ рода (по аналогии с деревом).

Следующий пирог – рыбный. Рыба у славян всегда ассоциировалась с миром мёртвых (рыба, в отличие от человека и животного, нема, на этом основании и возникла ассоциация). А также и с детьми. С древних времён считалось плохой приметой кормить детей рыбой, пока они не заговорят. По той же причине рыба часто запрещалась и беременным женщинам. Эта амбивалентность символа объясняет естественный ход времени и жизни. Рядом с зарождающейся жизнью всегда находится смерть и наоборот. Одно сменяет другое, как сменяются поколения. И смерть так же естественна, как и новая жизнь.

Таким же неоднозначным символом является и каша. Каша – с давних времён источник силы, плодородия и приумножения. Каша, так же, как и рыба, связана не только с поминальным обрядом, но и с родильным и свадебным. На поминальном столе она является символом сменяемости веков [9].

Одновременно с кашей подают компот из сухофруктов. Сам рецепт компота намекает на его символическое значение – воскрешение из мёртвых. Как высушенные фрукты обретают вторую жизнь в компоте, так душа умершего не исчезает бесследно, а продолжает иную жизнь в ином мире. Также это символизирует и продолжение жизни на земле.

Поминальный обед завершает густой кисель: «И обязательно закончить всё киселём, три ложки» (приложение 1). Кисель, в отличие от остальных блюд, тесно связан только с поминальным обрядом. О связи киселя с загробным миром говорится ещё в сказках, где герой, чтобы попасть в потусторонний мир, обязательно преодолевает молочные реки и

кисельные берега. Заканчивая обед этим элементом, человек как бы окончательно покидает пространство смерти, возвращается в свой мир [9].

Во многих традициях на похоронах не принято выпивать, но в Нязепетровском районе повсеместно в обед включают водку.

На следующий день после погребения родственники приезжают на могилу, чтобы навестить умершего.

Повторно поминальный обед проводится на 9 день после смерти. Число 9 сопоставляется с девятью ангельскими чинами, которые ходатайствуют за душу умершего перед Богом. До этого момента душа либо отдыхает от мирской суеты, либо тяжело мается от осознания бесцельно потраченной жизни. На 9 день душа предстаёт перед Богом. В этот момент, как и сразу после смерти и погребения, душа находится в уязвимом положении, и ей требуется поддержка родных людей, поэтому в эти дни принято усиленно молиться и проводить обед.

Структура поминального обеда на 9 день в точности повторяет структуру обеда в день похорон. Но проводят обед только в кругу родственников, дома.

Следующий этап поминовения – обед на 40 день после смерти. На сороковой день Иисус Христос вознёсся на небо после своего Воскресения, поэтому и душа человека в третий раз встречается с Богом именно на 40 день. На обед в этот день приходят все те, кто присутствовал в первый раз. «На 40 день при поминальном обеде раздаются либо ложки, либо кружки. Каждый, кто бывает на обеде, забирает с собой либо ложку, либо кружку» (приложение 1). Ложки раздают на память об умершем. Каждый, кто забирает посуду с собой, становится сопричастным к поминовению и должен хранить память о покойном. Как правило, все поминальные обеды, кроме самого первого, назначают на 11 часов. На 40-й день в 4 часа ещё приглашаются верующие женщины: «В 4 часа собирались бабки верующие, которые читают молитвы, и они совершали обряд, чтобы проводить душу» (приложение 1).

По некоторым данным иногда родственники проводят поминальные обеды на 20-й день после смерти, но это явление очень мало распространено и уже не встречается в Нязепетровском районе.

После 40 дня, обеды проводят в полугодовщину и на каждую годовщину смерти. Собираются на эти обеды только родственники узким кругом.

Ещё одним вариантом поминовения являются «родительские» субботы. Таких выделяется пять в году:

1. Суббота мясопустная.
2. Суббота второй, третьей, четвёртой недели Великого поста.
3. Радуница.
4. Суббота Троицкая.
5. Суббота Дмитриевская.

В эти дни принято навещать могилы родственников, прибирать их и оставлять подношения. Как правило, приносят пшено и конфеты. Также обновляют цветы и венки на могиле.

Поминальная традиция Гороховецкого края в большинстве своё определяется поминальными трапезами. О посещениях могил в календарные дни или вне их, к сожалению, почти ничего не известно.

Интересно, что поминальные обеды здесь совершаются не только в день погребения, на 9-й и 40-й дни, но и на 20-й день после смерти человека.

На трапезу в день погребения на стол было принято ставить стакан с водой и подсоленный хлеб с ложкой, потому что существует поверье, что в этот день душа умершего приходит повидаться с друзьями и родственниками. Хлеб с водой должны стоять 40 дней.

Порядок блюд также строго регламентирован, как и в варианте Челябинской области. Этот порядок сохранялся на каждую поминальную трапезу с небольшими исключениями.

Первым блюдом всегда подаётся кутья, политая сытой: «В первую очередь делали кутью, это рис варили, потом туда изюму клали и делали сыту. Сыта называлось – мёд разводили с водичкой» [74].

Вторым блюдом чаще подают щи: «Обычно щи варили. Если пост, то с грибами, если не пост, так с мясом» [74]. Иногда щи заменяла окрошка с мясом. После супа на стол выставляли каши: «Потом каши две: пшённую и гречневую, кто делал картошку с подливкой» [Гороховец]. Затем подавался компот с закрытыми сладкими пирогами: «Но сладкий пирог должен быть закрытым. Пироги вообще закрытые... Дырочку делают в середине, чтобы он пыхнул чуть-чуть» [74]. Иногда выставляются пироги и с другими начинками, но всегда – закрытые. Завершал поминки кисель.

Почти во всех рассказах упоминается, что раньше на поминальном обеде не подавали водку. Обычным напитком был квас, позднее появилось красное вино.

Иногда поминальные обеды немного отличаются. На 9-й день главным блюдом могут служить блины, а на 40-й – лапшевник.

Считается, что на 9-й день душа умершего навсегда покидает дом, а на 40-й покойник может постучать в окно и сообщить о своей судьбе в загробном мире [74].

В Белорецкой области поминовение совершается на 3-й, 9-й и 40-й дни. Главным блюдом на столе является канун: «Канун – рис с изюмом, на могилу пшеничку птичкам» [54]. Также зафиксированы записи о песенной традиции поминовения: «После похорон – на следующий день до 12 ходили на могилу. Молятся и уходят. Как какой праздник – на могилу молиться, как в церковь. Приходят бабушки, поют. И поют, кому что вздумается. ... На 9 дней поют, когда за стол садятся» [54].

В некоторых деревнях области до сих пор существует обычай провожать душу умершего на 40-й день: «40 дён – и душу провожают. Обед собирают, на столе крупа стоит, стол выносят: мёд, хлеб, бутылочку.

Крупы через крышку покидаешь, свечку зажигаешь, нужно поклониться. Кланяешься три раза в ту сторону, куда уносили» [54].

Отличительным блюдом на поминальном обеде на 9 дней является курица. На 40-й день нельзя ни в коем случае закрывать ворота.

Поминальный обед состоит из определённого перечня блюд: «Поминают у нас мёдом и киселём из муки. На поминном столе стоят пироги. Первым мёд подают, потом щи, потом суп с мясом варю, потом окрошка и пироги с рыбой, потом подают кашу, кисель сладкий и пироги с чаем. На стол конфеты ложут» [54].

В Череповецком районе Вологодской области в доме до сорокового дня оставляют не только хлеб и воду, но и кисель. «Вокруг киселя клали 12 ложек, чтобы покойники ели. Каждый день ставили новый кисель; старый съедали дети» [55]. В святом углу стоял стул для умершего, на который до 40-го дня запрещалось садиться. В каждый поминальный день (9-й, 20-й, 30-й и 40-й) на тумбочку ставили фотографию. В эти дни собирали стол. Сейчас 20-й и 30-й дни отмечают не всегда. В канун этих дней «родственники умершего со знающей старушкой шли на кладбище, звали покойника и всех родственников» [55].

«На поминанье столы ставили в ряд. За первый стол садились покойники – на него ставили зажжённую свечку, рюмку, клали пряженик. Если поминки по мужчине, то за первый стол садились только мужчины, если по женщине – женщины. Поминали киселём, пряженым пирогом, кутьёй. За время застолья надо помянуть три раза. До и после застолья пели молитвы» [55].

На сороковой день принято выходить на улицу и провожать душу: кланяться на восток, причитать, молиться.

В Белозёрском районе области на сороковой день на могиле закапывают белый платок, который до этого висел на доме в знак траура. В поминальные дни покойника зовут не только к столу, но и мыться в бане.

Помимо перечисленных поминальных дней (9-й, 20-й, 40-й), душу умершего поминают и в Троицу, и в поминальные субботы, на Радуницу. Это поминовение, привязанное к народному календарю, а не к дате смерти отдельного человека.

На стол ставят салат или окрошку, рыбу или рыбный пирог (мясом помянуть не принято). Под конец подают кисель, овсяный или картофельный [62].

В селе Гридино поминки устраивают не 3-й день, а на 2-й. 20-й день и полгода отмечают только более состоятельные слои населения. Годовщину отмечать не принято вовсе. «На 2-1 день поминальную трапезу устраивают только на кладбище и только для ближайших родственников» [39].

В Новгородской традиции состав поминального обеда зависел от календаря. «В пост должна была готовиться постная пища» [77]. После похорон было принято носить траур – чёрные одежды. Отмечались 9-й, 20-й, 40-й дни, полгода, год со дня смерти человека. В эти дни на могилу относили крупу, яйца и конфеты.

Могилу могли посещать и в любые другие дни, если это было необходимо. «Обычно на могиле во время посещения совершали оклички, то есть причитывали» [77].

В Краснодарском крае поминки устраивают только на 3-й, 9-й и 40-й дни после смерти. «В эти дни заказывают службу в храме. Приглашают читать Псалтырь. Большой обед устраивают на третий и сороковой день. На девятый собираются только близкие» [3]. В эти дни принято печь пышки и пирожки. Есть особое угощение – лесенки, которые подавались вместе с мёдом.

На Кубани соблюдают Пять дней Вселенского поминовения усопших. Это Мясопустная родительская суббота, субботы 2-й, 3-й и 4-й недель Великого Поста, Троицкая родительская суббота и Дмитриевская. Особенно выделяется в этом ряду отмечание Радуницы [3].

В Костромской области поминальные обеды мало чем отличаются от уже описанных. Стоит сказать, что традиционный стол редко соблюдается и часто заменяется предпочтениями родственников. Главным блюдом остаётся кутья. Особое место в местной поминальной традиции занимает Троицкая суббота. Этот день остаётся одним из масштабных и знаковых событий в жизни Мантуровского района. В эту субботу большое количество людей посещает и прибирает могилы, оставляет самые разнообразные гостинцы покойникам [79].

Таким образом, поминальные практики в русской народной культуре представляют собой сложную систему ритуалов, направленных на поддержание связи между миром живых и миром предков. Центральное место в этой системе занимает поминальная трапеза, которая, несмотря на региональные вариации, сохраняет устойчивую символическую структуру.

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В ШКОЛЕ

3.1 Психолого-педагогические обоснования изучения образов и сюжетов, связанных с темой смерти

Формирование взгляда на смерть – это глубоко личный процесс, который меняется на протяжении жизни и во многом определяется социальными факторами. В ходе развития человек переходит от детского восприятия смерти к зрелой концепции, где приходит понимание конечности жизни, естественности и неизбежности смерти. Если в молодости смерть часто воспринимается как абстрактное понятие, то с возрастом приходит осознание собственной смертности, и в пожилом возрасте смерть начинает восприниматься как естественная часть существования [50].

Опираясь на работы различных авторов (А. А. Баканова, И. Ю. Кулагина, Н. Ю. Жукова), можно проследить возрастную динамику отношения к смерти. С самого детства человек сталкивается со смертью, и дети часто создают собственные объяснения этому явлению. М. Надь выделила три основных этапа осознания смерти у ребёнка: сначала смерть воспринимается как иная форма жизни, напоминающая сон с возможностью проснуться; затем приходит понимание её необратимости, но сохраняется вера в возможность её избежать; наконец, формируется осознание, что смерть неизбежна для всех [34].

В подростковом и юношеском возрастах формируется абстрактное понимание смерти: подростки начинают осмысливать её философски, воспринимая как переход, небытие или окончательное завершение. Хотя страх смерти может сохраняться, молодые люди по-разному могут справляться с этим конфликтом – через рискованное поведение («игру со смертью»), эмоциональное дистанцирование или подавление тревожных

мыслей. Юноши чаще прибегают к рационализации, изоляции или усиленному самоконтролю. При этом их беспокоят не только мысли о смерти как таковой, но и тревога, связанная с телесными изменениями – старением или болезнями. Интересно, что младшие подростки обычно боятся внезапной смерти, тогда как старших больше пугает затяжное умирание. Кроме того, в юношеской среде иногда возникает романтизированная идея «красивой ранней смерти», которая, однако, не устраняет глубинного страха перед небытием.

В зрелом возрасте страх смерти вытесняется бытовыми тревогами. Это время самообвинения, подавления эмоций и придачи смысла. Уровень оптимистичного отношения к смерти в зрелости снижается, по сравнению с юностью. На экваторе жизни люди боятся смерти больше, чем в юношестве или старости [35].

Предчувствие смерти становится постоянным спутником в пожилом возрасте. Человек уже не избегает разговоров о смерти, а напротив, размышляет о ней, имеет непосредственный опыт столкновения. Страх смерти теряет прежнее значение, его сменяет тревога физической и умственной несостоятельности. Интерес к теме умирания возрастает после семидесяти лет. Долгожители воспринимают смерть как естественную часть жизненного цикла. Примечательно, что некоторые из них выражают желание достичь столетнего рубежа, сохранив при этом физическое здоровье и активность. В то же время большинство пожилых людей демонстрирует принятие собственной смертности – этому способствует завершение продуктивного периода жизни и утрата близких. Исследователи отмечают, что характерные для позднего возраста модели поведения – повышенная рефлексивность, социальная замкнутость, критичность в оценках – могут являться психологическими механизмами адаптации к осознанию приближающейся смерти. Эти стратегии помогают пожилым людям справляться с экзистенциальной тревогой и поддерживать эмоциональное равновесие [34].

Основной период формирования представлений человека о смерти приходится на возрастной интервал с 3 до 15 лет.

«Традиционно в психологии развития тема смерти развернута в исследованиях, связанных с поздними возрастами. Вместе с тем есть все предпосылки для того, чтобы рассматривать вопросы, связанные с отношением к этой теме, в другие переходные периоды. В психологической литературе подростковый возраст описывается как кризисный, связанный изначально с поиском своего “Я”, а затем – с определением своего места в мире, которое нередко сопровождается агрессивными и аутоагрессивными проявлениями. Подростки в силу своих возрастных особенностей часто испытывают социальные и психологические проблемы» [26].

Человек сталкивается с проблемой конечности жизни в достаточно раннем возрасте. И от того, насколько успешно и благополучно он справится с тревогой, вызванной осознанием своей смертности, зависит его психологическое здоровье. Всё большее количество исследователей занимаются вопросами танатопсихологии, которые включают в себя понимание концепции смерти, отношение к смертности, связь между танатическими факторами и психологическим благополучием и т. д. [63]. Наше психическое благополучие напрямую зависит от того, как мы справляемся со страхом смерти. Ирвинг Ялом считает, что «тревога смерти представляет собой один из базисных факторов развития психопатологии: ребёнок в раннем возрасте сталкивается с мыслью о смерти, и в ответ на это в его сознании зарождается тревога» [83].

Неудачный опыт преодоления тревоги становится причиной психопатологии. «Страх смерти может быть трансдиагностической переменной, способствующей развитию и поддержанию многих хронических проблем с психическим здоровьем. Танатическая тревога является одним из основных страхов, лежащих в основе целого ряда

психических расстройств, включая ипохондрию, паническое расстройство, депрессию и расстройства пищевого поведения» [63].

Понимание смерти ребёнком принято считать зрелым тогда, когда завершают своё формирование основные компоненты концепции смерти: неизбежность, необратимость, дисфункциональность, причинность. Результатом становится естественнонаучный взгляд на смерть. Чем более зрелым является понимание смерти, тем менее выражен страх смерти [47].

Ребёнок может столкнуться с темой смерти неожиданно – через потерю близких людей или питомцев, серьёзное заболевание или опасную ситуацию. Эти переживания требуют особого внимания со стороны взрослых. Родители, воспитатели и специалисты должны быть готовы грамотно поддержать ребёнка в такие трудные моменты. Для этого важно знать, какие факторы влияют на восприятие детьми смерти.

Начало исследованиям в сфере детского понимания смерти было положено в 1934 году, когда Ф. Шелдер и Д. Вехслер провели исследование на детях и подростках 5-15 лет, составив подробное описание детских представлений о смерти. Они отмечали:

дети не способны осознать собственную смертность, этому мешает сам факт осознания своего существования в текущем моменте;

дети имеют малое представление о далёком прошлом и будущем, и это может влиять на их способность спрогнозировать свою смерть;

несмотря на невозможность осознать свою смертность, дети верят в смерть других людей, однако это то, что по их мнению, происходит в результате насильственного действия;

смерть от болезней и старости детям видится нереалистичной;

ребёнок не боится умереть, но боится быть убитым;

суицидальные идеи для ребёнка – это инструмент избегания, смерть видится выходом из ситуации лишения;

учения взрослых о жизни после смерти в основном принимается ребёнком, хотя и воспринимается скорее буквально; Бог представляется

сценическим фокусников, призраки видятся реальными и опасными опасными [81].

Среди факторов, влияющих на становлении концепции смерти, выделяют:

семья («более низкий социально-экономический статус семьи ассоциирован с более реалистичным пониманием смерти» [72]; «дети, пережившие длительную сепарацию от семьи в период первых двух лет жизни, значительно хуже понимают концепцию смерти, чем дети без такого опыта» [53]; «родители, неохотно вовлекающие детей в разговоры о смерти по причине собственного страха или из желания защитить ребёнка от неприятных переживаний, не помогают своему ребёнку развить полное понимание жизненного цикла» [78]);

наличие опыта, связанного со смертью (дети, столкнувшиеся со смертью родителя, понимали смерть лучше, чем их одноклассники, у которых не было такого опыта);

состояние здоровье ребёнка (дети с опасными для жизни заболеваниями показывают более глубокое понимание смерти по сравнению со здоровыми детьми);

научные исследования демонстрируют значительное влияние религиозных и культурных факторов на формирование отношения к смерти. Как показала Андриевская, способность справляться с аутоанатической тревогой (страхом собственной смерти) существенно зависит от религиозности индивида. Религиозное воспитание способствует развитию у детей представлений о жизни, выходящих за рамки физического существования [1]. Религиозные представления родителей существенно формируют детские концепции загробной жизни [16]. Дети из сельской местности демонстрируют более реалистическое понимание причин смерти и раньше осознают её необратимость по сравнению с городскими сверстниками.

12-15 лет – возраст, когда тема смерти становится наиболее интересной для ребёнка. В этот период ему свойственна вера в собственное бессмертие. Подросток мало говорит о смерти с родными и близкими, но его беспокоят вопросы, связанные со смертью. При возможности он старается найти на них ответы.

Подростковый возраст, несмотря на свою хронологическую удалённость от конечных этапов жизненного цикла, характеризуется комплексом специфических экзистенциальных переживаний. Данный период развития сопровождается, с одной стороны, ориентацией на будущее и необходимостью решения новых жизненных задач, а с другой – переживанием серии значимых утрат. К числу последних относятся потеря детского мировосприятия, отказ от наивных когнитивных стратегий и деидеализация родительских образов.

Согласно концепции Шугар, совокупность указанных переживаний формирует феноменологическую картину «нормального подросткового траура». Примечательной особенностью данного возрастного этапа выступает диалектическое противоречие между характерными юношескими проявлениями витального оптимизма и жизненной активности, с одной стороны, и глубоким переживанием экзистенциальных утрат – с другой. «И именно такие противоречия – между кажущимися оптимистичными чертами подросткового возраста и его потерями – создают особое влечение к теме смерти, потребность в понимании её, и вместе с тем – повышенный страх, вызванный этими переживаниями» [63].

В исследованиях Н. Ю. Жуковой («Исследования отношения к смерти у подростков с нормативным и девиантным поведением») приведены данные, свидетельствующие о том, что для подростков 12-15 лет характерен средний и высокий уровень тревоги по поводу смерти. Для 55% детей характерно эмоциональное отрицание смерти.

Эмпирические исследования свидетельствуют, что систематическое обсуждение вопросов танатологии в семейном и образовательном

контекстах способствует формированию более адекватных представлений о смерти у детей и подростков, а также снижению уровня алекситимии. Следует отметить парадоксальный эффект танатопсихологического просвещения: кратковременное повышение тревожности сменяется её устойчивым снижением в долгосрочной перспективе [17].

Однако в отечественной практике наблюдаются существенные дефициты как в теоретико-методологическом обосновании, так и в практической реализации подобной работы. Основными препятствующими факторами выступают личностная неготовность родителей к обсуждению танатологической тематики, обусловленная собственными экзистенциальными страхами и недостатком возрастосообразных знаний о способе презентации концепта смерти, а также преобладание неконструктивных стратегий коммуникации, включающих уклонение от обсуждения, использование религиозных концептов, апелляцию к медийным образам и применение эвфемической лексики.

Подобные практики, как показывают исследования (Баканова, Жукова), способствуют формированию искажённых представлений и смерти и закрепляют установку на её табуированность. Развитие death education могло бы способствовать решению ряда актуальных задач, таких как дестабуизация танатологической тематики, оптимизация работы с возрастными страхами, суицидальными рисками и переживанием утраты, снижение алекситимических проявлений и формирование целостного мировоззрения.

Реализация специализированных образовательных программ способствовала бы не только формированию адекватных представлений о смерти, но и развитию более реалистичного восприятия самой жизни [5]. Данное направление работы представляется особенно перспективным в контексте профилактики дезадаптивных форм совладания с экзистенциальными переживаниями в детско-подростковом возрасте.

3.2 Тема смерти и похорон в художественных произведениях русской литературы, рекомендованных для изучения в школе

В школьной программе по литературе тема смерти появляется уже в 7 классе, занимая значимое место в ряде ключевых произведений. Её присутствие в текстах, изучаемых в этом возрасте, свидетельствует о важности осмысления данной категории не только в философском, но и в нравственно-художественном аспекте. Обращение к теме смерти в литературе способствует формированию у учащихся представлений о ценности жизни, человеческой судьбе и этических вопросах, связанных с утратой и памятью.

Изучение данной темы в 7 классе способствует развитию эмоционального интеллекта учащихся, учит их осмысливать сложные жизненные ситуации через призму художественного слова. Игнорирование или поверхностное рассмотрение этих вопросов может привести к недостаточной сформированности у школьников способности к рефлексии и сопереживанию. Это позволяет не только расширить кругозор учащихся, но и помочь им в осознании фундаментальных вопросов человеческого бытия, что является важной частью духовно-нравственного воспитания.

Тема смерти играет важную роль в следующих произведениях школьной программы:

7 класс: «Предание о смерти князя Олега», «Тарас Бульба» Н. В. Гоголь, «Станционный смотритель» А. С. Пушкин, «Песнь о... купце Калашникове» М. Ю. Лермонтов, «Старуха Изергиль» М. Горький, «Юшка» А. П. Платонов.

8 класс: «Мцыри» М. Ю. Лермонтов, «Шинель» Н. В. Гоголь, «Матрёнин двор» И. А. Солженицын.

9 класс: «Бедная Лиза» Н. М. Карамзин, «Светлана» В. А. Жуковский, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтов, «Дубровский» А. С. Пушкин.

10 класс: «Гроза» А. Н. Островский, «Отцы и дети» И. С. Тургенев, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасов, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский, «Война и мир» Л. Н. Толстой, «Очарованный странник» Н. С. Лесков.

11 класс: «На дне» М. Горький, «Господин из Сан-Франциско» И. А. Бунин, «Тихий Дон» М. А. Шолохов, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгаков, «Котлован» А. П. Платонов, «Прощание с Матёрой» В. Г. Распутин.

В рамках нашего исследования особое внимание будет уделено произведениям, интерпретация которых требует понимания символического значения элементов похоронно-поминального комплекса. Ритуальные практики, связанные со смертью, – такие как погребальные обряды, поминальные традиции, символика траура и атрибуты загробного мира – нередко играют ключевую роль в структуре художественного текста, углубляя его смысловые слои.

В рамках программы по литературе в 7 классе мы остановимся на произведениях «Предание о смерти князя Олега», «Станционный смотритель» А. С. Пушкина и «Юшка» А. П. Платонова.

В «Предании о смерти князя Олега» волхвы выступают в традиционной для древнеславянской культуры роли посредников между миром живых и миром мёртвых. Исторически волхвами именовали носителей сакрального знания, обладающих способностью предвидеть судьбу и интерпретировать волю высших сил. Их статус как жрецов и провидцев обуславливал непререкаемый авторитет, а потому их предсказания воспринимались не как вероятностные, а как фатально неизбежные.

Предсказание волхвов о гибели князя Олега от его собственного коня изначально носит характер неотвратимого рока. Попытка князя избежать судьбы, выразившаяся в отказе от коня и последующем насмешливом отношении к пророчеству («Олег же посмеялся и укорил того кудесника,

сказав: “Неверно говорят волхвы, но всё то ложь: конь умер, а я жив”» [56]), лишь подчёркивает тщетность сопротивления предначертанному. Гибель князя от змеи, выползшей из черепа его умершего коня, становится символическим подтверждением незыблемости слов волхвов: даже отсроченное исполнение пророчества не отменяет его истинности.

В предании волхвы выступают не просто как сказители, а как выразители высшего, непреложного порядка. Пренебрежение князя Олега к их словам демонстрирует конфликт между человеческой волей и неумолимым знаком судьбы, что в рамках традиционного мирозерцания лишь подтверждает абсолютную значимость сакрального знания. Сюжет подчёркивает, что попытки избежать предопределения обречены на провал, а слова тех, кто обладает связью с вечным, не могут быть проигнорированы без последствий.

В повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» описание кладбища, где похоронен Самсон Вырин, служит важным элементом художественной выразительности, подчёркивающим трагизм его судьбы. Могила смотрителя расположена «за околицей» («За околицей, подле покойной хозяйки его» [59]), что соотносится с традицией погребения тех, чья жизнь и смерть остались незамеченными обществом. «Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не ограждённое, усеянное деревянными крестами, не осенёнными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища» [59]. Само кладбище изображено как пустынное и безлюдное место, лишённое даже деревьев – пространство, куда редко ступает нога живых. Этот мрачный пейзаж становится метафорой одиночества и забвения, постигших героя в последние годы жизни.

Однако этому описанию противопоставлен эпизод поминального обряда, совершённого дочерью Вырина, Дуней. Её посещение могилы отца, сопровождаемое слезами и добрыми словами, а также оставленные попу деньги «на помин души» вносят в повествование светлый контраст. Этот акт памяти и любви смягчает общее впечатление безысходности,

демонстрируя, что, вопреки жизненным невзгодам, Самсон Вырин не был окончательно забыт. К числу помнящих относится и рыжий мальчишка, провожающий рассказчика на кладбище: «Как не знать! Он выучил меня дудочки вырёзывать. Бывало (царство ему небесное!) идёт из кабака, а мы-то за ним...» [59]. Это второстепенный, но значимый персонаж, подчёркивающий, что даже в заброшенном мире стационарного зрителя остаются следу человеческого участия.

Таким образом, Пушкин через контраст между мрачным образом кладбища и трогательным поминальным обычаем создаёт сложную эмоциональную картину. Если описание места погребения подчёркивает тяжёлую долю «маленького человека», то сцена поминовения привносит в повествование надежду на то, что даже самая незаметная жизнь не остаётся без отголоска в памяти живых. Этот художественный приём не только углубляет психологизм повести, но и придаёт ей философское звучание, затрагивая темы памяти, покаяния и посмертного примирения.

В повести А. П. Платонова «Юшка» сцена погребения главного героя приобретает глубокий символический смысл. Несмотря на прижизненное пренебрежительное отношение окружающих, похороны Ефима Дмитриевича совершаются в полном соответствии с традиционным обрядом: «Хозяин кузницы приготовил Юшку к погребению. Дочь хозяина Даша омыла тело Юшки, и его положили на стол в доме кузнеца. К телу умершего пришли проститься с ним все люди, старые и малые, весь народ, который знал Юшку и потешался над ним и мучил его при жизни» [51]. Тщательное соблюдение погребальных ритуалов становится своеобразным актом покаяния, последней возможностью. Проводить героя «по-людски», то есть с соблюдением норм человеческого общежития.

Но сразу после похорон о Юшке забывают, и никаких дальнейших поминальных обрядов не совершается. Эта деталь подчёркивает поверхностность и формальность совершённого обряда, его социальную, а не подлинно духовную природу. Ситуация меняется с появлением

названной дочери Юшки, которая приезжает, чтобы навестить своего благодетеля. Обнаружив его могилу, она совершает подлинный акт поминовения: ухаживает за захоронением, оплакивает покойного и остаётся жить в городе, чтобы заниматься врачевательством в память о нём.

Подобно тому, как в «Станционном смотрителе» дочь Самсона Вырина воскрешает память об отце, в платоновской повести названная дочь становится хранительницей памяти о Юшке. Но если у Пушкина поминальный обряд имеет скорее личностный, семейный характер, то у Платонова он приобретает социальное измерение: леча больных чахоткой, приёмная дочь Юшки превращает частное поминовение в общественно значимое дело. Как мы видим, через систему погребально-поминальных ритуалов в повести раскрывается сложная диалектика человеческих отношений, где формальное соблюдение обряда контрастирует с подлинной памятью, а индивидуальное поминовение перерастает в социально значимое деяние.

А. И. Солженицын в рассказе «Матрёнин двор» подвергает традиционные похоронные и поминальные ритуалы глубокой художественной деконструкции. Детальное описание обрядовых практик, сопровождающих смерть Матрёны, не столько воспроизводит традиционный уклад деревенской жизни, сколько демонстрирует его кризис и формализацию. Каждый элемент ритуала оказывается пронизан бытовыми расчётами и социальными интересами участников, что полностью искажает его изначальный сакральный смысл.

Особенно показательным в этом отношении поведение родственников покойной. Вместо подлинного переживания утраты они заняты дележом имущества Матрёны, а сама церемония превращается в поле для демонстрации социальных амбиций и выяснения отношений. При этом каждый обрядовый элемент содержит сознательные или бессознательные

нарушения: небрежно читаемые молитвы, формальные поклоны, механически исполняемы ритуалы.

Кульминацией становится сцена причитания. Традиционный плачи, которые в народной культуре должны были выражать искреннюю скорбь, у Солженицына наполняются двойным смыслом. Как тонко замечает рассказчик, в голосах плакальщиц слышится не столько горечь утраты, сколько «деловая озабоченность» и скрытое соперничества. Даже в момент ритуального оплакивания родственники не могут отрешиться от меркантильных интересов и личных амбиций. «Тут узнал я, что плач над покойной не просто есть плач, а своего рода политика. Слетелись три сестры Матрены, захватили избу, козу и печь, заперли сундук ее на замок, из подкладки пальто выпотрошили двести похоронных рублей, приходящим всем втолковывали, что они одни были Матрене близкие. И над гробом плакали так:

— Ах, нянька-нянька! Ах, лёлка-лёлка! И ты ж наша единственная! И жила бы ты тихо-мирно! И мы бы тебя всегда приласкали! А погубила тебя твоя горница! А доконала тебя, заклятая! И зачем ты ее ломала? И зачем ты нас не послушала?

Так плачи сестер были обвинительные плачи против мужниной родни: не надо было понуждать Матрену горницу ломать. (А подспудный смысл был: горницу-ту вы взять-взяли, избы же самой мы вам не дадим!)» [69].

В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» сцена смерти Евгения Базарова выполняет ключевую роль в раскрытии авторской философской позиции. Тургенев подвергает своего героя встрече со смертью, в ходе которой демонстрируется несостоятельность нигилистического мировоззрения перед лицом вечных вопросов бытия.

Финал романа выстроен как глубоко символический акт возвращения: несмотря на декларируемый атеизм Базарова, над ним совершаются христианские обряды отпевания и соборования. Этот ритуальный парадокс

имеет двойное значение. С одной стороны, он подчёркивает неизбежное воссоединение бунтаря с традицией, от которой он тщетно пытался отмежеваться. С другой – становится моментом экзистенциального прозрения. Во время отпевания «что-то похожее на содрагание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» [75]. Это может быть интерпретировано как интуитивное восприятие трансцендентного начала, существующего за пределами материалистического понимания мира.

Тургеневская концепция «жизни вечной, бесконечной» реализуется в этом эпизоде как торжество общечеловеческих ценностей над временными идеологическими установками. Описание похорон Базарова, где родители «рядом преклоняли седые головы», приобретает характер всеобщего примирения – не только поколений, но и бунтующего разума с вечными законами бытия.

В романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» поминальный обед по Семёну Захаровичу Мармеладову становится не столько актом памяти от усопшем, сколько демонстрацией болезненного самоутверждения Катерины Ивановны. Подобно тому, как в рассказе «Матрёнин двор» обрядовые практики подменяются бытовыми расчётами и социальным соперничеством, так в сцене поминок у Достоевского ритуал утрачивает сакральное значение, превращаясь в инструмент удовлетворения личных амбиций.

Катерина Ивановна организует поминальную трапезу не из чувства долга перед покойным мужем, а из стремления утвердить собственный статус в глазах окружающих. Будучи неспособной примириться с нищетой и социальным падением, она отчаянно цепляется за иллюзию своей «аристократической» исключительности. Для неё поминки – это спектакль, где она играет роль благородной дамы, а гости становятся зрителями, призванными подтвердить её ложное самовосприятие. Но тщетность этих попыток очевидна: нищенская обстановка, отсутствие настоящих

«почётных» гостей и откровенное равнодушие собравшихся лишь подчёркивают пропасть между фантазиями хозяйки и реальностью [23].

В повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» поднимается тема посмертного существования. Эпизод с явлением убитого попа во сне главному герою, Ивану Флягину, представляет собой яркую иллюстрацию народных верований о неуспокоенных душах, которые в силу обстоятельств смерти или неправильного погребения не могут обрести вечный покой.

Согласно народной мифологии, души, умершие насильственной или преждевременной смертью, а также лишённые должного погребального обряда, обречены на существование в пограничном состоянии между миром живых и миром мёртвых. Именно таким предстаёт перед Флягиным образ попа, случайно убитого им в юности. Важно отметить, что в традиционной культуре сновидения часто воспринимались как канал коммуникации с потусторонним миром [38].

В рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» мотив смерти, являясь центральным, лишён какого-либо сакрального измерения. Полное отсутствие похоронного или поминального обряда в повествовании приобретает глубоко символический характер, отражая кризис духовных ценностей в изображённом Буниным мире.

Смерть главного героя, господина из Сан-Франциско, представлена как механический, почти случайный процесс, лишённый не только трагизма, но и элементарного человеческого участия. Его тело не удостоивается ни прощания, ни молитвы. Вместо этого оно оказывается спрятанным в ящике из-под содовой и тайно вывезено с корабля, чтобы не нарушать комфорт остальных пассажиров. Эта «конвейерная» обработка смерти подчёркивает полную девальвацию человеческого достоинства в мире, где всё подчинено социальным условностям и материальному расчёту [13].

В повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой» сцена прощания Дарьи Пинигиной с родным домом приобретает черты сакрального обряда,

напоминающего церковное соборование. Действия старухи – мытьё дома, обсыпание пола сушёной травой, развешивание пихтовых ветвей на окнах – выстраиваются в стройную ритуальную последовательность, наполненную глубоким символическим содержанием.

Особую значимость приобретает ощущение незавершённости, выраженное в рефрене: «Все, казалось ей, чего-то не хватает» [61]. Эта фраза метафорически передаёт невозможность полного, исчерпывающего прощания с живым пространством, которое для Дарьи является не просто жилищем, но сакральным местом, хранящим память поколений.

Итак, тема смерти занимает значительное место в произведениях русской литературы, выполняя в них важную идейно-художественную функцию. Особую роль играют описания похоронно-поминальных обрядов или их элементов, которые служат действенным инструментом авторского повествования. Как демонстрирует анализ литературных текстов, данные описания выполняют несколько ключевых функций.

Во-первых, они способствуют раскрытию психологической глубины персонажей, демонстрируя их истинное отношение к усопшему, а также их собственное положение в социальной и духовной иерархии.

Во-вторых, через призму погребальной обрядности авторы воссоздают специфическую атмосферу места действия (будь то деревня, город или символическое пространство), отражая культурные и бытовые особенности изображаемой среды.

В-третьих, поведение героев во время ритуалов служит важным средством их характеристики, обнажая истинные мотивы и ценностные ориентации.

Примечательно, что похоронно-погребальный комплекс может использоваться и в «отрицательном» ключе – через намеренное упущение или нарушение обрядовых элементов. Такие случаи особенно ярко подчёркивают кризисные явления в обществе, утрату духовных ориентиров или трагическое одиночество персонажа.

Таким образом, изображение похоронно-поминальной обрядности предстаёт значимым художественным приёмом, позволяющим авторам решать широкий круг повествовательных задач – от раскрытия индивидуальной психологии персонажей до выражения глубоких социальных и философских обобщений. Этот приём остаётся актуальным на протяжении всей истории русской литературы.

3.3 Анализ похоронно-поминального комплекса в методической литературе

Настоящий параграф посвящён анализу методической литературы и школьных учебников по литературе с целью выявления в них обращения к изучению похоронно-поминальной традиций и их элементов. Этот аспект имеет существенное значение, поскольку обряды, связанные со смертью и памятью усопших, являются важной составляющей многих произведений школьного программы, перечисленных выше.

В рамках исследования рассматриваются программы, разработанные ведущими методистами: В. Г. Маранцманом, Г. И. Беленьким, И. Н. Сухих, В. Я. Коровиной, Т. Ф. Курдюмовой и И. В. Золотарёвой. Основное внимание уделяется тому, насколько системно в этих программах и соответствующих учебно-методических комплексах представлен анализ похоронно-поминальной обрядности, встречающийся в литературных текстах.

В рамках анализа школьных программ по литературе было выявлено, что «Предание о смерти князя Олега» целенаправленно рассматривается только в учебно-методическом комплексе И. Н. Сухих. Вопросы и задания, предложенные в данном учебнике, позволяют выйти на осмысление народных представлений о жизни и смерти, а также о границе между мирами.

Ключевым методическим приёмом, способствующим такому анализу, является словарная работа: учащимся предлагается обратиться к

лексическому значению слов «волхв» и «кудесник» [71]. Хотя в тексте предания отсутствует прямая отсылка к погребально-поминальному комплексу, интерпретация этих понятий позволяет установить их связь с похоронной культурой. Способность волхвов предсказывать судьбу, в том числе смерть, соотносится с архаическими представлениями о взаимодействии с потусторонним миром, что является важной составляющей погребально-обрядности. Это создаёт почву для дальнейшего изучения связи между мифопоэтическими образами и погребальной культурой в связи с литературными произведениями школьной программы.

Повесть «Станционный смотритель» включена в программы Маранцмана, Сухих, Коровиной, Курдюмовой и Золотарёвой. Но ни в одной из этих программ финальная сцена – посещение Дуни могилы отца – не рассматривается с точки зрения народных представлений и памяти поколений и поминальном обряде. Более того, в ряде методических комплексов данный эпизод не становится предметом специального анализа.

Так, В. Г. Маранцман не акцентирует внимание на этой сцене, смещая фокус интерпретации на авторскую иронию, характерную для всего цикла повестей. Подобный подход позволяет рассмотреть произведение в контексте пушкинской поэтики, но оставляет за пределами анализа важный этнокультурный аспект – мотив поминовения усопших [42].

И. Н. Сухих обращается к финальному эпизоду, но его трактовка сосредоточена не на погребально-поминальной обрядности, а на образе Дуни, интерпретируемый через архетип «блудного сына». Хотя такой ракурс раскрывает нравственно-психологическую проблематику повести, он не затрагивает народные представления о смерти, памяти и ритуальных практиках, связанных с посещением могилы, а значит, вне поля зрения

остаётся важным для понимания финала мотив памяти и, как следствие, примирения.

Что касается программ Коровиной, Курдюмовой и Золотарёвой, то в них сцена посещения могилы Самсона Вырина либо вовсе не комментируется, либо рассматривается поверхностно, без связи с традиционными поминальными обычаями.

Несмотря на то, что «Станционный смотритель» широко представлен в школьном литературном образовании, важный этнокультурный пласт повести – мотив поминовения и его значение в народной картине мира – остаётся нераскрытым. Это указывает на существенный пробел в методическом осмыслении текста, который мог бы быть восполнен за счёт привлечения фольклористического подхода.

«Прощание с Матёрой» и «Юшка» не включены в список произведений для школьного изучения, рекомендованных перечисленными авторами.

В учебных программах Коровиной и Беленького при изучении рассказа «Матрёнин двор» ключевое внимание уделяется образё Матрёны как праведницы, теме праведничества в русской литературе. Но сцена похорон героини, имеющая принципиальное значение для понимания нравственного состояния общества и символического смысла произведения, остаётся без внимания. Это существенное упущение, поскольку данный эпизод не только раскрывает морально падение окружавших Матрёну людей, но и становится пророчеством о гибели всей деревни, подтверждая библейскую истину: «Не стоит земля без праведника».

Роман «Отцы и дети» долгое время рассматривался исследователями преимущественно в социально-бытовом и психологическом аспектах. Основное внимание уделялось идеологии Базарова и его столкновению с уходящей дворянской культурой, представленной семейством Кирсановых. Но за этими очевидными пластами скрывается более

глубокий, метафизический уровень произведения, который долгое время оставался вне поля зрения литературоведов.

Первой на этот существенный аспект обратила внимание доктор филологических наук, профессор МГУ И. А. Беляева, посвятившая специальное исследование сцене смерти Базарова. В её статье «“Отцы и дети” И. С. Тургенева: роман о “вечном примирении”» [7] убедительно показано, что именно эпизод смерти Базарова является ключевым для понимания глубинной сути романа, выводя его за рамки социальной полемики в сферу экзистенциальных и онтологических вопросов. Смерть главного героя, казалось бы, логично завершает его идейное поражение: нигилист, отрицавший все «романтические ценности», сталкивается с неопровержимой реальностью собственной конечности. Однако Тургенев не просто констатирует крах рационального мировоззрения, но и открывает перед читателем пограничную ситуацию, в которой Базаров вынужден переосмыслить своё место в мироздании.

В учебных программах перечисленных выше автором роман Тургенева не анализируется с этой точки зрения и рассмотрение эпизода похорон Базарова не предлагается.

Сложившаяся традиция изучения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в рамках школьной программы, представленная в методических разработках Маранцмана, Беленького и Золотарёвой, акцентирует внимание на ключевых аспектах произведения: теории Раскольникова, его нравственных терзаниях, образах Сони Мармеладовой и Свидригайлова. Но примечательно, что сцена похорон Мармеладова, содержащая важнейшие смысловые акценты для раскрытия темы «униженных и оскорблённых» в романе, остаётся практически без внимания в методических материалах. Это существенное упущение, поскольку данный эпизод представляет собой концентрированное выражение основных мотивов романа, связанных с изображением человеческого достоинства в условиях крайней социальной деградации.

В существующих школьных программах по литературе, включая методические разработки Сухих и Маранцмана, анализ рассказа И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» традиционно строится вокруг нескольких ключевых тем: критики буржуазного общества, мотивов судьбы и возмездия, символического образа корабля «Атлантида». Однако удивительным образом остаётся без внимания один из самых выразительных мотивов повествования – сцена с непогребённым телом главного героя. Между тем именно этот эпизод с особой художественной силой раскрывает бунинское понимание истинной ценности человека в мире, где всё измеряется деньгами и социальным статусом.

Проведённый анализ учебных программ по литературе выявляет существенный методический пробел – системное игнорирование похоронного обряда как значимого художественного элемента при изучении классических произведений. Во всех рассмотренных методических разработках отсутствует не только целенаправленный анализ погребальных сцен, но и даже их упоминание в качестве объекта интерпретации. Это тем более удивительно, что во многих произведениях школьной программы именно сцены похорон или поминовения выполняют важнейшую смыслообразующую функцию.

Необходимость включения анализа похоронного обряда в школьную программу очевидна. Это позволит приблизиться к более полному и аутентичному прочтению классических произведений, развить у учащихся навыки внимательного отношения к художественной детали, сформировать понимание литературы как сложной системы взаимосвязанных смыслов. Без такого подхода интерпретация текстом неизбежно остаётся неполной и односторонней, лишённой важного культурологического и философского измерения.

Кроме того, как уже было сказано выше, системное обсуждение темы смерти на фоне разговора о похоронно-поминальном комплексе способствует формированию адекватного восприятия смерти подростками.

Из этого следует снижение уровня тревоги подростков 12-15 лет по поводу смерти, разрешение интересующих их вопросов и здоровое восприятие жизни и смерти.

3.4 Методические рекомендации по изучению поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» в школе

В контексте школьного изучения русской литературы поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» занимает особое, но при этом недооценённое место. Включённая в Федеральную рабочую программу и рекомендованная для изучения в 5 классе, она обычно рассматривается фрагментарно – внимание сосредотачивается исключительно на знаменитом отрывке, воспевающем образ русской крестьянки. Однако такой подход существенно обедняет понимание произведения, поскольку оставляет за рамками анализа одну из наиболее значимых и фольклорно насыщенных сцен – описание похоронного обряда крестьянина Прокла.

Эта поэма рассматривается в методических рекомендациях И. Н. Сухих и в учебнике В. Я. Коровиной, но авторы предлагают такой же ограниченный подход к изучению поэмы. Интерес исследователей сосредоточен на образе Дарьи. Такой подход существенно сужает возможности интерпретации текста, оставляя без внимания важнейшие аспекты поэмы.

Между тем, именно через призму похоронного обряда Некрасов раскрывает глубинный идеал крестьянской семьи, построенной на любви, взаимопомощи, трудолюбии и преданности традициям. Детальное описание ритуала – от обмывания тела до причитаний – служит не просто этнографической зарисовкой, но важнейшим художественным средством, позволяющим показать подлинную ценность семейных уз в крестьянской среде. В образе семьи Некрасов показывает крестьянское мировосприятие, законы гармоничной жизни, порядок крестьянского мироустройства. В этих сценах семья Прокла предстаёт как единое целое, где каждый

выполняет свою роль согласно вековым обычаям, а смерть одного становится испытанием для всех.

Учитывая значимость этого аспекта, в нашей работе предлагается методическая разработка внеклассного мероприятия, посвящённого комплексному анализу поэмы (приложение 2). Урок рассчитан на два академических часа и строится по принципу постепенного погружения в текст.

Первая часть занятия посвящена знакомству со структурой и символикой похоронного обряда. Используя приёмы развития функциональной грамотности, такие как «Инсерт», составление плана, краткий пересказ по плану, учитель помогает учащимся выявить ключевые элементы ритуала и их культурное и психологическое значение.

Вторая часть урока предполагает непосредственный анализ поэмы через призму выявленных обрядовых элементов. Приём комментированного чтения и аналитической беседы позволяет проследить, как каждая деталь ритуала подчёркивает те или иные черты крестьянской семьи. Аналитическая беседа выводит учащихся на более глубокий уровень понимания текста: учащиеся должны прийти к тому, что образ Дарьи, воспетый в лирическом отступлении, изученном в 5 классе, не существует сам по себе, а является частью целостного семейного уклада. При этом Некрасов, показывая красоту и гармонию этого мира, не уходит от изображения его трагических сторон – тягот, нищеты, несправедливости. Контраст между идеалом и реальностью становится мощным художественным приёмом, позволяющим автору одновременно воспевать лучшие черты национального характера и выносить суровый приговор обществу, обрекающему этих людей на страдания.

Нам важно не только углубить понимание текста, но и установить междисциплинарные связи между литературой и фольклористикой, способствовать развитию эмоционального интеллекта, сохранению

традиций и воспитанию здорового отношения к теме смерти. Подобный подход позволяет осуществить все перечисленные задачи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В теоретической главе мы рассмотрели особенности погребального обряда как обряда перехода. Выявили особенности восприятия мира живых и мира мёртвых, определили три пространства, которых совершается обряд (дом, церковь и кладбище), а также рассмотрели явление «нечистых» покойников. Правильное исполнение ритуала необходимо, чтобы душа покойного могла найти своё место в ином мире. Именно такой вариант обряда и был рассмотрен в нашей работе.

Также мы отдельно рассмотрели поминальный обряд. Определили три ключевых способа поминовения: 1) поминальный обед; 2) поминовение, связанные с календарным циклом; 3) частные посещения могил. Подробно изучили каждый из способов, особенно внимательно остановившись на символике поминального стола.

В практической части исследования был проведён детальный анализ образов похоронного-поминального комплекса в различных регионах Российской Федерации, включая Вологодскую, Костромскую, Ростовскую, Владимирскую, Челябинскую, Пермскую области, Краснодарский край, Республику Карелию и другие. Этот обряд представляет собой сложную, структурированную систему ритуальных действий, которые можно разделить на последовательные этапы: подготовка к смерти, обмывание, обряжение, подготовка гроба, изменение пространства дома, вынос тела из дома, прощание, отпевание, похоронная процессия и погребение. Практически во всех регионах страны прослеживается эта единая структура, за исключением некоторых локальных особенностей, касающихся, например, отсутствия отпевания в отдельных местностях.

Каждый регион демонстрирует уникальные черты в проведении похоронного обряда, что делает его изучение особенно ценным с точки зрения фольклора и культурологи. Так, в некоторых областях сохранился обычай «проводов души» – особого ритуала, сопровождавшего переход умершего в иной мир. В других регионах, например, в Вологодской

области, перед выносом тела из дома принято трижды обходить жилище со свечой, что символизирует прощание души с земным пространством. В Белорецком районе Челябинской области встречается необычный обычай дарения курицы первому встречному во время похоронной процессии – этот жест интерпретируется как своеобразный откуп или жертва, призванная обеспечить благополучный переход души. В Пермском крае во время погребения родственникам умершего насыпают горсти земли за ворот, что, по поверьям, помогает уменьшить горечь утраты. Эти и многие другие обычаи отражают глубокую связь между ритуальными практиками и местными культурно-историческими условиями.

На вариативность похоронного обряда влияет множество факторов: географическое положение региона, его история, этнический состав населения, климатические условия и даже хозяйственный уклад. Например, в северных областях, где традиционно развито деревянное зодчество, гробы часто изготавливаются без единого гвоздя, что связано с архаичными представлениями о «чистоте» перехода в иной мир. В южных регионах, таких как Краснодарский край, большее внимание уделяется поминальной трапезе, включающей обязательные блюда вроде кутьи или блинов, что отражает аграрные традиции этих мест.

Несмотря на региональные различия, существуют и общерусские традиции, которые встречаются практически повсеместно. К ним относится, например, обычай класть медные пятаки на глаза умершего, если они остались открытыми после смерти – это действие символизирует «закрытие» земного пути и защиту от нечистой силы. Повсеместно распространены причитания над телом умершего, которые выполняют не только эмоциональную, но и ритуальную функцию, помогая душе найти дорогу в загробный мир. Другой общей чертой является занавешивание зеркал в доме после смерти человека – считается, что это предотвращает «застревание» души между мирами. После выноса тела почти во всех регионах принято мыть полы, что знаменует очищение пространства от

смерти. Важным элементом похоронной процессии является выстилание дорожки пшеном или еловыми ветками – это одновременно и указание пути душе, и защитный ритуал. Зажигание свечей в доме также носит универсальный характер, символизируя свет, который сопровождает умершего в ином мире.

В третьей части исследования, посвящённой методическим аспектам, был рассмотрен вопрос формирования у школьников отношения к смерти. Психологическая литература единодушно свидетельствует о том, что подростки испытывают значительные трудности в осмыслении темы смерти, что нередко приводит к повышенной тревожности, страхам и даже развитию психопатологий. И зарубежные, и отечественные исследователи подчёркивают необходимость открытого, но деликатного обсуждения этой темы как в семье, так и в школе. Систематическая и грамотная работа с темой смерти способствует снижению уровня тревоги у школьников и помогает сформировать более целостное и осознанное отношение к жизни.

Одним из эффективных способов такой работы является изучение похоронного обряда в рамках школьной программы по литературе. Многие произведения, включённые в Федеральную рабочую программу, содержат описания похоронных и поминальных ритуалов, которые выполняют важные художественные функции. Анализ этих сцен позволяет глубже понять характеры персонажей, нравственное состояние общества, особенности народного мировоззрения и многие другие аспекты, которые остаются за рамками привычного изучения.

Однако, как показало исследование, в современной методической литературе практически отсутствуют рекомендации по анализу похоронного обряда в художественных произведениях. Это существенное упущение, поскольку игнорирование данного аспекта обедняет восприятие текста и лишает учащихся возможности увидеть в литературе отражение глубинных культурных кодов. Для восполнения этого пробела было разработано внеклассное занятие по поэме Н. А. Некрасова «Мороз,

Красный нос», в котором акцент делается на анализе похоронного обряда как ключевого приёма для создания образа крестьянской семьи. На примере этого занятия демонстрируется, как изучение ритуальных практик расширяет понимание текста, раскрывает дополнительные смысловые слои и помогает учащимся осознать связь литературы с народной традицией.

Таким образом, проведённое исследование подтверждает, что похоронный обряд, сохраняя свою архаичную основу, продолжает оставаться важной частью культурного кода, а его изучение в школе способствует не только более глубокому пониманию литературы, но и формированию осознанного отношения к жизни и смерти у подростков. Региональное разнообразие обрядовых практик подчёркивает богатство русской традиционной культуры, а их системный анализ открывает новые возможности для междисциплинарных исследования в области фольклористики и педагогики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андриевская Г. В. Образ смерти: религиозный аспект / Г. В. Андриевская // Вестник науки и образования. – Москва, 2017. Вып. 6. – С. 115–118.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – Москва : Прогресс-Академия, 1992. – 528 с. – ISBN 5-01-003636-3.
3. Бабенко А. А. Похоронно-поминальные обряды на Кубани / А. А. Бабенко, А. П. Карпухин // Кубанское казачье войско. – 2011. – № 7. – URL: https://slavakubani.ru/p-service/public-service/?ELEMENT_ID=6348 (дата обращения: 6.05.2025).
4. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – Москва : [б. и.], 1993. – 101 с.
5. Баканова А. А. Смерть и работа горя / А. А. Баканова, Е. П. Кораблина, И. А. Акиндинова [и др] . – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 212 с.
6. Беленький Г. И. Литература. 8 класс : учебник для общеобразовательных учреждений / Г. И. Беленький, О. М. Хренова. – Москва : Мнемозина, 2013. – 270 с. – ISBN 978-5-346-02281-7.
7. Беляева И. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева: роман о «Вечном примирении» / И. А. Беляева // cyberleninka : [сайт]. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ottsy-i-deti-i-s-turgeneva-roman-o-vechnom-primirenii> (дата обращения: 4.05.2025).
8. Бернштам Т. А. Плач в его отношении к жизни и смерти (восточнославянская традиция и балтские параллели) / Т. А. Бернштам // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд / ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. – Москва, 1985. – С. 13-25.

9. Борисова Л. В. Базисные архетипы и стереотипы национальной культуры в языковой картине мира / Л. В. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazisnye-arhetipy-i-stereotipy-natsionalnoy-kultury-v-yazykovoy-kartine-mira/viewer> (дата обращения: 15. 06.2024).
10. Бузин В. С. Белый и чёрный цвета в атрибутике традиционной погребальной обрядности русского народа / В. С. Бузин // Современная научная мысль / ред. И. В. Турицын. – Москва, 2017. – С. 12-22.
11. Бузин В. С. Красное и синее в атрибутике русской традиционной погребальной обрядности / В. С. Бузин // Современная научная мысль / ред. И. В. Турицын. – Москва, 2017. – С. 24-32.
12. Букринская И. А. Элементы традиционного похоронного обряда в современной русской деревне / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – 2019. – URL: https://inslav.ru/sites/default/files/eoe2019_17_bukrinskaya_karmakova.pdf (дата обращения: 28.04.2025).
13. Бунин И. А. Господин из Сан-Франциско / И. А. Бунин. – Москва : Азбука, 2017. – 54 с. – ISBN 978-5-346-02281-7.
14. Ван Геннеп А. Обряды перехода / А. ван Геннеп. – Москва : Изд-во Восточная литература, 1999. – 202 с. – ISBN 5-02-018038-6.
15. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Н. Н. Велецкая. – Москва : Наука, 1978. – 114 с.
16. Вонг М. Концепция смерти у детей 4-5 лет в Гонконге / М. Вонг, Т. Г. Пауэр. – Санкт-Петербург : Рубеж, 2022. – 214 с. – ISBN 5-02-063595-6.
17. Гаврилова Т. А. Страх смерти в подростковом и юношеском возрасте / Т. А. Гаврилова // Вопросы психологии. – 2004. – № 6. – С. 63–71.

18. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси / Н. М. Гальковский. – Москва : Епархиальная типография, 1913. – 384 с.
19. Гизиева К. Ю. Костюм в погребальном обряде русских Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX века / К. Ю. Гизиева, М. Л. Бережнова // Народный костюм в Сибири, – Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2017. – С. 85-88.
20. Голованов И. А. Структура и константы фольклорного сознания / И. А. Голованов // cyberleninka : [сайт]. – 2009. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-konstanty-folklornogo-soznaniya> (дата обращения: 4.05.2025).
21. Голованов И. А. Мифо-фольклорный компонент современного сознания (на материале текстов СМИ) / И. А. Голованов // cyberleninka : [сайт]. – 2009. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifo-folklornyy-komponent-sovremennogo-soznaniya-na-materiale-tekstov-smi> (дата обращения: 4.05.2025).
22. Гусев В. Е. Эстетика фольклора / В. Е. Гусев. – Ленинград : Изд-во Наука, 1967. – 319 с.
23. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский // Москва : Изд-во Просвещение, 2017. – 561 с. – ISBN 978-5-336-06881-1.
24. Ермолин Д. С. Похоронный обряд приазовских албанцев (по материалам фотоиллюстративного фонда отдела европейстики и архива МАЭ) / Д. С. Ермолин // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – 2011. – URL: https://www.kunstkamera.ru/upload/medialibrary/0eb/03szj1r81t3kzksn3911pd3c0zn1hvj/978_5_02_038267_1_04.pdf

25. Жданов И. Н. Русский былевой эпос: Исследования и материалы / И. Н. Жданов // Санкт-Петербург : Л. Ф. Пантелеев, 1895. – 631 с.
26. Жукова Н. Ю. Исследование отношения к смерти у подростков с нормативным и девиантным поведением / Н. Ю. Жукова // Вестник ЮУрГУ, 2016. № 4. С. 96–102.
27. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография : пер. с нем. / Д. К. Зеленин ; АН СССР Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1991. – 511 с. – ISBN 5-02-0165700-0.
28. Золотарёва И. В. Поурочные разработки по литературе 9 кл. / И. В. Золотарёва, О. Б. Беломестных, М. С. Корнеева // Москва: ВАКО, 2003. – 399 с. – ISBN 5-94665-072-6.
29. Каган М. С. Эстетика как философская наука : учебник для вузов / М. С. Каган. – Москва : Изд-во Юрайт, 1997. – 295 с. – ISBN 978-5-534-06171-0
30. Коровин В. И. Литература. 10 класс : учебник для общеобразовательных учреждений / В. И. Коровин. – Москва : Просвещение, 2012. – 383 с. – ISBN 978-5-09-028962-7
31. Костомаров Н. И. О жизни, быте и нравах русского народа // Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин. – Москва : Просвещение – АО «Учебная литература», 1996. – 271 с. ISBN 5-09-007560-3.
32. Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору : учебное пособие / Е. А. Костюхин – Санкт-Петербург : Изд-во Лань, 2016. – 336 с. – ISBN 978-5-8114-2111-4
33. Кремлёва И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды / И. А. Кремлёва // Русские. – Москва: Наука, 1997. – С. 517-532.
34. Кулагина И. Ю. Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека / И. Ю. Кулагина – Москва : Сфера, 1997. – 237 с. – ISBN 678-5-8734-2871-4

35. Кулагина И. Ю. Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия / И. Ю. Кулагина, Л. В. Сенкевич // Культурно-историческая психология, 2013. № 4. С. 58–65.
36. Курдюмова Л. А. Литература. 10 класс : учебник для общеобразовательных учреждений / Л. А. Курдюмова. – Москва : Просвещение, 2012. – 373 с. – ISBN 978-5-09-0743962-7
37. Леви-Строс К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – Москва : Республика, 1994. – 384 с. – ISBN 5-250-01662-6.
38. Лесков Н. С. Очарованный странник / Н. С. Лесков. – Москва : Просвещение. 2013. – 316 с. – ISBN 948-5-09-0748462-9.
39. Логинов К. К. Похоронный обряд и кладбище поморского села Гридино / К. К. Логинов // Славянские верования и обряды / К. К. Логинов. – Москва : Живое слово. 2001. – С. 2-5.
40. Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья / К. К. Логинов. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. – 228 с. – ISBN 5201077056.
41. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – Санкт-Петербург: Изд-во Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 530 с.
42. Маранцман В. Г. Литература. 10 класс : методические рекомендации / В. Г. Маранцман. – Москва : Просвещение, 2007. – 334 с. – ISBN 978-5-09-015948-7.
43. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. / Г. С. Маслова. – Москва : Наука, 1984. – 220 с.
44. Мельник В. И. Анимистические представления и погребальный обряд // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии / В. И. Мельник. – Москва, 2006. – С. 112-119.
45. Мельник В. И. Символика элементов погребальной обрядности по этнографическим и археологическим данным / В. И. Мельник //

Краткие сообщения института археологии РАН. – 2010. – № 224. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18782021_16231667.pdf (дата обращения: 7. 06.2024).

46. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме / Е. С. Новик. – Москва : Восточная литература РАН, 1984. – 302 с.

47. Новикова: Новикова, Т.О. (2002). Запретная тема (представления детей о смерти). Человек, 5, 112–117.

48. Носова Г. А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки / Г. А. Носова. – Москва : ИЭА РАН, 1993. – 141 с.

49. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н. э.) / В. С. Ольховский. – Москва : Наука, 1991. – 252 с. – ISBN 5-02-009440-4.

50. Пастушкова А. С. Отношение к смерти на разных возрастных этапах / А. С. Пастушкова // cyberleninka : [сайт]. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-smerti-na-raznyh-vozzrastnyh-etapah> (дата обращения: 4.05.2025).

51. Платонов А. П. Юшка / А. П. Платонов. – Москва : Азбука, 2021. – 93 с. – ISBN 5-82-046740-8.

52. Плотникова А. А. Семантика «наоборот» в языке славянской похоронной обрядности // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Н. И. Толстого / Отв. ред. Толстая С. М. – Москва, 2013. – С. 92-100.

53. Портц А. Т. Понимание смерти у детей / А. Т. Портц. – Санкт-Петербург : Запад, 2022. – 471 с. – ISBN 5-02-689440-8.

54. Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале : сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск : МаГУ, 2008. Вып. 3. – 223 с.

55. Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина. – Вологда : Народ, 2010. – 383 с. ISBN 5-88422-045-9.

56. Пречин Г. Т. Перечитывая «Предание о смерти князя Олега» / Г. Т. Пречин. – Москва: Просвещение, 2013. – 253 с. – ISBN 5-89352-045-4.
57. Просина С. В. Платье на пир и в иной мир (по материалам экспедиций ГРЦРФ во Владимирскую область в 2001-2007 гг.) // Живая старина. – Санкт-Петербург, 2012. №3. С. 36-39.
58. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов ; Рос. АН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 235 с. – ISBN 5-02-027381-3.
59. Пушкин А. С. Станционный смотритель / А. С. Пушкин. Москва : Просвещение, 2013. – 342 с. – ISBN 5-92-087581-0.
60. Разумова И. А. Поминальные обряды: типология, сценарии, функционирование (на примере современных семей кольского заполярья) / И. А. Разумова // Миграционные процессы и культурные практики: социально-антропологические исследования. – 2012. - № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pominalnye-obryady-tipologiya-stsenarii-funktsionirovanie-na-primere-sovremennyh-semey-kolskogo-zapolyaryya/viewer> (дата обращения: 7. 06.2024).
61. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой / В. Г. Распутин. Москва : Просвещение, 2017. – 342 с. – ISBN 5-92-087581-0.
62. Розова И. И. Похоронный обряд Белозёрского района Вологодской области / И. И. Розова // Белозёрье. – Вологда : Русь, 1994. – 284 с. ISBN 5-87822-047-4.
63. Ростовцева М. Е. Детское понимание смерти: формирование концепции смерти и её основные характеристики / М. Е. Ростовцева // cyberleninka : [сайт]. – 2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detskoe-ponimanie-smerti-formirovanie-kontseptsii-smerti-i-ee-osnovnye-harakteristiki> (дата обращения: 4.05.2025).
64. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1987. – 790 с.

65. Самойлова Е. В. Антропоморфные фигуры в контексте похоронно-поминальной обрядности севернорусской деревни // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011. – С. 51-268.
66. Свешникова Т. Н. Волк в контексте румынского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – Москва : Наука, 1990. – С. 128-133.
67. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О. А. Седакова. – Москва : Индрик, 2004. – 339 с. – ISBN 5-85759-285-2.
68. Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае / В. И. Смирнов // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. – Кострома, 1920. – № 15. – С. 21-126.
69. Солженицын А. И. Матрёнин двор / А. И. Солженицын. – Москва : Просвещение, 2018. – 143 с. – ISBN 5-85759-285-2.
70. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX вв. / Ю. Ю. Сурхаско. – Санкт-Петербург : Наука, 1985. – 87 с.
71. Сухих И. Н. Литература. 11 класс : учебник для общеобразовательных учреждений / И. Н. Сухих. – Москва : Академия, 2008. – 453 с. – ISBN 978-5-7695-4433-0.
72. Таллмер М. Факторы формирования концепции смерти у детей / М. Таллмер, Р. Форманек, Дж. Таллмер // Журнал детской клинической психологии. – Санкт-Петербург : Запад, 1974. Вып. 3. С. 17-19.
73. Терюков А. И. К вопросу о структуре погребально-поминальной обрядности (на материале народов коми) / А. И. Терюков // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: сб.

статей памяти Ю. Ю. Сурхаско. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – С. 52-55.

74. Традиционная культура Гороховецкого края : В 2-х томах. Т 1. – Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. – 368 с. – ISBN 5-86132-045-4.

75. Тургенев И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев. Москва : Просвещение, 2012. – 534 с. – ISBN 978-5-7695-4433-0.

76. Тэрнер В. Символ и ритуал : [Пер. с англ.] / В. Тэрнер. – Москва : Наука, 1983. – 227 с.

77. Фольклор Новгородской области – Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. – 647 с. – ISBN 5-73952-045-4.

78. Хантер С. Б. Факторы принятия смерти у детей: возрастЮ когнитивные функции, опыт смерти близких и коммуникативные навыки / С. Б. Хантер, Д. Е. Смит. – Санкт-Петербург : Запад, 2008. – 243 с. – ISBN 9-73863-035-4.

79. Чеснокова Е. Г. Региональная специфика похоронного обряда и его локальные версии (на материале полевых исследований в Костромском крае). / Е. Г. Чеснокова // Логика трансформаций. – Москва : индрик, 2019. – С. 414-434.

80. Шварева Е. В. Психологические особенности образа смерти у старших школьников с разным уровнем жизнестойкости: автореф. дис. канд. психол. наук / Е.В. Шварева. – Екатеринбург : Наука, 2012. – 452 с.

81. Шелдер П. Смерть в восприятии ребёнка / П. Шелдер и Д. Вехслер. – Санкт-Петербург : Запад, 2014. – 342 с. – ISBN 5-78752-095-7.

82. Шугар М. Детская психология смерти / М. Шугар. – Санкт-Петербург : Запад, 2009. – 346 с. – ISBN 5-79302-075-7.

83. Ялом И. Страх смерти / И. Ялом. – Санкт-Петербург : Запад, 2008. – 291 с. – ISBN 5-784529-965-7.

84. Ясинская М. В. Мотивы, связанные со зрением в похоронно-поминальной обрядности славян: этнолингвистический аспект / М. В. Ясинская // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – Москва, 2018. – С. 527-542.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Материалы фольклорных экспедиций студентов ЮУрГГПУ

1. Старухи готовились заранее. Если умирал молодой, всё покупалось. Раньше это были специальные магазины. В первую очередь, если человек умирал, раньше его всегда анатамировали. Хватало заключения врача о какой-то болезни. И в первую очередь покойника обмывали. Обмывали специальные люди, их все знали, приглашали. Обычно это были бабульки. Воду после покойника выливали в огород, под деревья.

Одевали покойника, желательнее, во всё новое или обязательно во всё чистое. У женщин обязательно должны быть прикрыто полностью руки и чулки (не колготки). Если платье с коротким рукавом, то обязательно кофту с длинным рукавом. Обязательно платок, в руку клали распяты, носовой платочек, на голову, на лоб ленту из церкви прикрепляли.

Гроб обивали сами, женщины-соседки, знакомые, подруги. Крышку и гроб. Подушку набивали стружкой от гроба. Если глаза при смерти были не закрыты, на глаза (закрытые) клали пятаки (монеты). Если человек болел или запах был, под гроб клали пучки крапивы. Считалось, что она убивает запах. Закрывали зеркала белыми простынями, телевизоры. Нельзя оставлять покойника одного. Всегда: и днём, и ночью кто-то дежурит. Сразу после смерти зажигали свечку, и она горела вплоть до 40 дня. После похорон ставился стакан воды и хлеб. До 40 дня каждый день менялась вода и хлеб. Хлеб скармливали животным или птицам. Водой поливали растения или отдавали животным.

Человека хоронили, как правило, в 11. Значит, тело выносили либо без пяти 11, либо в пять минут 12. Перед воротами ставили две табуретки, после того, как гроб поднимали, табуретки обязательно опрокидывали.

Гроб несли на длинных вафельных полотенцах. Эти полотенца передавались из поколения в поколение или от соседа к соседу, но не покупались. Впереди процессии шёл оркестр. Когда этого не было, без оркестра. Потом несли фотографию умершего, потом шли венки, потом четыре женщины несли крышку. Мужчины несли гроб, после гроба вся процессия.

Впереди обязательно сыпали пшено, либо веточки пихты. Иногда это были цветы. Сейчас, в основном, сыпят пшено. Из-за того, что еловые ветки – это всё равно мусор. Пшено – самый оптимальный вариант, его склёвывают птицы.

Обязательно готовилась путёвка: чашка, ложка, нитка с иглой, булочка, носовой платочек – всё это было завернуто в головной белый платочек. Путёвку отдавали старенькой женщине, которая молилась, ходила в церковь. Все 40 дней она должна была молиться, если ей давали эту путёвку. Это на её совести.

Хоронили на кладбище, место выбирали сами, поближе к родственникам. Могилу выкапывали накануне похорон. Перед тем, как гроб опустить в могилу, всё лишнее из гроба убирают (цветы, распятыё). Крышку заколачивают, чтобы она не съехала. Гроб опускают на дно могилы, туда кидают монеты, носовые платки родственники, которые вытирали слёзы. Каждый из присутствующих должен обойти могилу по часовой стрелке и кинуть три горсти земли. После того, как тело унесли хоронить, в доме обязательно моют пол ключевой водой. Для этого тоже приглашали того человека, который обмывал тело. 40 дней меняли воду-хлеб. На 40 день считалось, что нужно проводить душу.

Был обед поминальный. В 11 часов и в 4 часа. В 4 часа собирались бабки верующие, которые читают молитвы, и они совершали обряд, чтобы проводить душу. До 40 дней душа живёт в доме, а поле 40 её там не бывает. После похорон, идут поминать. Поминальный обед – это, в первую очередь, мёд и хлеб. Дальше пироги: с рыбой и с капустой. Первую

дольку обязательно с капустой съесть. Дальше суп, каша, компот из сухофруктов, сладкие пироги и обязательно кисель. Обязательно три ложки. На 40 день при поминальном обеде раздаются либо ложки, либо кружки. Каждый, кто бывает на обеде, забирает с собой либо ложку, либо кружку.

Дальше поминальные обеды делают полгода, потом каждый год. 9 дней, 40 дней и раз в год. Некоторые ещё делают 20 дней, но это редко, на усмотрение родственников. (Колотухина Любовь Владимировна, 72 года. Записано 29.04.2024 в г. Нязепетровске студенткой ЮУрГГПУ Тёкиной Алёной.)

2. Перво-наперво, покойника нужно было обмыть. Родным людям нельзя было обмывать, только посторонним. Обычно приглашали старушку, которая на этом специализировалась. Обмывала она покойника, из посуды мыла, потом эту посуду обязательно нужно было выбросить. Обмывала, потом начинали его обряжать.

Во всё новое старались. Обычно, если человек пожилой, то у него уже всё было готово к похоронам. Но если внезапная смерть, покупают сами. Главное, чтоб всё чистое было. Клали в гроб, гроб стоял на табуретках посреди комнаты.

В комнате не должно быть ничего стеклянного и зеркального, т.е. всё занавешивали. Окна занавешивали, зеркала занавешивали. Гроб делали сами, мастера, по меркам. Обычно обивали красной материей и чёрные кружева. Обивали родственники, гроб и крышку, приходили. Покойника одного не оставляли. Сразу же приглашалась читальщица, тоже специализированные набожные бабки, которые часто это делали. Они всю ночь читали молитву. И обязательно кто-то из родственников, чтобы покойник один не остался.

На третий день хоронили. Выносили обязательно во двор, неважно, частный двор или многоквартирный. Ставили на табуретки и каждый мог

попрощаться. Считалось, чтобы покойник попрощался с тем домом, в котором он живёт.

И хоронили когда, мужчины несли гроб, женщины несли крышку впереди. Самой первой шла бабка, она несла одна портрет, другая раскидывала пшено по улице, чтобы птички клевали, чтобы душа в Рай попала. И обязательно было часть улицы, как можно дольше, пронести гроб на руках, чтобы со своей улицей покойник тоже попрощался. И там уже дальше ставили гроб на машины или лошадей и везли на кладбище. Когда покойника из дома уносили, специальные бабки мыли полы. Считалось, что покойник уже ушёл, чтобы не вернулся, надо вымыть полы чисто-начисто. Оттуда пошла примета, что за человеком, который уезжает, полы мыть нельзя, а то может не вернуться.

Процессия шла медленно очень, её всегда все встречные машины уважали, давали пройти. Раньше могилы рыли знакомые, друзья, теперь всё это делают нанимаемые люди. Место выбиралось поближе к родственникам. Опускали гроб на вафельных полотенцах огромных. Это специальные тряпки, они из дома в дом кочуют. Переходят от одних похорон к другим. Крышка закрывалась. Каждый должен был обойти могилу по часовой стрелке и хотя бы по комку земли бросить. Устанавливали памятник. Первое время деревянный, потом родственники уже со временем заказывали хорошие памятники, вешались венки.

Дальше шёл поминальный обед. Обед всегда очень насыщенный: булочка печёная с мёдом. Обязательно нужно было макнуть в мёд булку. Потом каши, суп, пироги сладкие и пироги с капустой, с рыбой. И обязательно закончить всё киселём, три ложки. Наливалась всегда водочка. Мужикам побольше, женщинам поменьше. Стояла в доме вода чистая в стакане, сверху кусочек хлеба. Это всё менялось каждый день до 40 дня.

Поминали на следующий день после похорон опять ездили на кладбище родственники только, там поминали, потом на 9 дней поминальный обед. Там обычно свои только собирались, немного народу.

А на 40 дней обед, когда считалось, что душа покойного уже простилась с землёй, тогда приглашались все, кто присутствовал на похоронах. И тут нужно было раздать обязательно не менее сорока ложек. Новые ложки, их тоже заготавливали загодя.

Когда процессия шла, специальные женщины раздавали платочки носовые. Большие платки – тем, кто нёс гроб, обычные всем остальным. После 40 дней следующий обед в полгода, год. А потом уже поминальных обедов не делают, а собираются только своей семьёй, поминают. (Сазонова Анна Петровна, 69 лет. Записано 29.04.2024 в г. Нязепетровске студенткой ЮУрГГПУ Тёкиной Алёной.)

3. Сначала всегда готовили тело. Приглашали бабу, которая будет его обмывать. Она обмывала, и воду потом выливала в огород. А посуду выбрасывала. Ставили свечу, которая должна была гореть до 40 дня. И хлеб с водой. Их каждый день меняли, а старые домашним птицам скармливали. С покойником день и ночь находились родные. За ночь до похорон приглашали верующую женщину, которая всю ночь читала молитвы над гробом.

Гроб заказывали местному мастеру. Снимали мерки, и он по ним вырезал гроб. Обивали гроб уже сами. Обычно, в красное. Покойника одевали во всё чистое, но лучше новое. Но обязательно чистое. Обычно всю одежду люди себе при жизни ещё готовят, чтобы родственникам потом... Ну, чтобы самим о себе позаботиться. Мужчин одевали в костюм, обязательно чёрный, не какой-то там... Женщин в платья или юбки. Рукава обязательно должны были руки полностью закрывать. И ноги должны быть закрыты. Обувь белая, желательно. И лучше простая. Балетки или простецкие туфли женщине и какие-нибудь тапочки мужчине. Не кроссовки никакие, ничего... Что вы там щас носите.

Выносят тело обычно в 11. То есть... Назначают на 11 вынос, а именно выносят без пяти. Или в пять минут. Выносят, ставят во дворе на две табуретки. Родные в это время прощаются с покойником. А покойник

прощается с домом, со двором своим. Бабка, которая покойника обмывала, за ним полы моет чисто-начисто. Говорят, ключевой водой надо. Ну... По всякому бывает.

Попрощались с покойником, начинают процессию похоронную. Мужики берут гроб, бабы – крышку. Несут... Табуретки, на которых гроб стоял, опрокидывают. Несут вдоль улицы. Сначала идут женщина с портретом покойного, кто молитвы читает. Потом идут... Пшено сыпят на дорогу. Раньше цветы бросали или ветки пихтовые, но их запретили. Поэтому пшено. За ними бабы с крышкой, и сам покойный. А за ними уже все остальные. Приходили на похороны всегда все желающие. Приглашать не принято было. Пронесят гроб вдоль улицы, потом ставят в машину и везут уже на кладбище.

На кладбище... Могилу уже выкопали накануне. Раньше тоже сами копали, теперь нанимают мужиков, кто там... копает обычно. Из гроба всё достают. Кладут туда ленту на лоб покойнику, распятие... Перед погребением всё это достают и убирают до следующих похорон. Опускают гроб на белых больших полотенцах. Их не покупают, а берут у кого-то. У знакомых, соседей... Крышку заколотили, гроб опустили. Потом начинается прощание. Все, кто пришёл, обходят могилу по часовой стрелке и бросают туда по горсти земли. Кто три бросает, кто одну, но обязательно надо бросить. Речи не говорят обычно. Священников тоже не зовут. Всё молча провожают. Потом закапывают его... И идут на обед.

Обед всегда большой. Перво-наперво надо булочку в мёд макнуть. Потом идут пироги. Первый – с капустой, а там обычно с рыбой второй. Но с капустой первый всегда. Садкие тоже... Потом суп, каша, компот из сухофруктов всегда, не какой-то. И обязательно кисель густой. Его нужно съесть не менее трёх ложек. Ну и водочка, само собой. Наливают обычно мужикам по стакану, бабам по полстакана, хотя тоже всякое бывает. И всё. Потом через 9 дней собираются, но там обед такой... семейный. Потом на 40 дней. На 40 дней раздают всем ложки. Всем, кто пришёл. Приходят все,

кто на похоронах был. Ну и всё. Потом родные только поминают уже. Там уж каждый год собираются чисто свои. (Постникова Нина Васильевна, 73 года. Записано 30.04.2024 в г. Нязепетровске студенткой ЮУрГГПУ Тёкиной Алёной.)

4. Обмывают сначала. Зовут женщину. Она обмывает. Тазик потом или в чём там она... выбрасывает. Воду в сад выливает. Обмыли, обряжают его. Мужиков в костюм, женщин в платье. Руки-ноги чтоб прикрыты были. Колготки лучше не надевать – чулки. Кладут крест, ленту церковную на лоб. Платок ещё ложут. Одевают в новое всегда. Там или заготовленное уже есть, или родные покупают всё, заботятся.

Гроб красной ткани всегда. Заказывают его по меркам. Щас, конечно, уже готовые покупают, а вообще-то всегда на заказ делали. Обивают его соседи, знакомые. Из опилок набивают подушку, покойничку под голову подкладывают.

В доме все стёкла-зеркала белыми тряпками завешивают, чтобы душа в них не просочилась. Одного покойника не оставляют, всегда дежурит кто-то. Ночью приходит бабка-читальщица, она душу на последний путь благословляет. Молится. Ставят стакан с водой, сверху хлеб кладут. И меняют каждый день до 40-го. А старое всё скотине скармливают. Свечу тоже зажигают.

Собираю путёвку всегда. Платок такой большой белый... головной. В него кладут булку, иголку, нитку. Ложку, чашку. И платок носовой. Завязывают эту путёвку и снаряжают читальщицу. Она 40 дней ходит в церковь молиться за покойного.

Выносят гроб... Хоронят на третий день всегда у нас. У православных. Выносят на двор. Ставят на табуретки. Покойничек прощается. Минут пять-десять он стоит. Потом несут гроб по улице. Бабы крышку несут... четыре. Мужики – гроб. Стулья переворачивают всегда. Идут... Сначала читальщица с портретом. За ней кто пшено сыпет на дорогу. Процессию пропускают всегда. Машины стоят, ждут, не

двигаются... За читальщицей крышку несут и сам гроб. Так покойник со своей улицей прощается. Тем, кто его провожают, раздают платочки носовые – слёзы вытирать.

На кладбище... всегда хоронят среди родственников. Копают накануне мужики. Крышку заколачивают, чтоб она не съехала... Достают сначала из гроба всё лишнее, потом заколачивают. Опускают на тряпках больших белых. Потом все проходят по кругу по часовой стрелке. Бросают по комку земли в могилу. Кто ревел, платок бросает со слезами. И закапывают могилу.

В тот же день проводят поминальный обед. Щас дома-то мало кто проводит, всё в столовой заказывают. Но еда всегда одна и та же: булка с мёдом, пироги, капустный, рыбный... Суп, каша (обычно рисовая), компот, сладкие каравайчики и кисель обязательно, три ложки. Ничего лишнего, но и ничего не убирая. Ну и всё.

А дальше 9 дней, 40 дней... Кто-то говорил, 20 тоже обед делают, но не знаю, не видела. На 40 день в 11 обед проводят. А в 4 приглашают читальщиц, чтобы они в последний раз молитвы о покойнике прочитали. Так они его душу провожают напоследок. И всё. Потом каждую годовщину семья своими силами поминает. На родительское могилку навещают. На кладбище обеды не проводят – нельзя. Дома собираются.» (Веселова Галина Борисовна, 72 года. Записано 30.04.2024 в г. Нязепетровске студенткой ЮУрГГПУ Тёкиной Алёной.)

5. «Когда тело находят, первым делом, конечно, в морг его везут. Там врач анатомирует... Делает заключение, от чего умер. Потом тело выдают родным, и они уже его готовят к похоронам. Приглашают кого-нибудь его обмывать. Снимают мерки, гроб заказывают. Обивают гроб в красную ткань, иногда чёрные кружева пришивают. Покойника одевают в закрытую одежду. Чтобы всё, крове ладоней и лица было закрыто. Кладут крест и ленту налобную, её в церкви покупают. Потом надо будет это всё достать. Одели... Зажигают свечу, хлеб с водой ставят. Закрывают

обязательно все зеркала, телевизоры, экраны. Стёкла все прячут. И начинают около покойника дежурить вплоть до самого выноса.

Выносят на третий день около 11. Туда-сюда пять минут... погрешность. Что не в ровно выносят всегда. Ставят на стулья. Дом намывают после покойника, чтобы не вернулся больше. Прощаются с ним во дворе и несут на руках по улице. Стулья опрокидывают. Четыре бабы крышку несут, мужики – гроб. Впереди бросают на дорогу пшено. Портрет несут. Кто-то молитвы читает всю дорогу. Провожаящим родственники платочки раздают, чтобы слёзы вытирать. Несут как можно дальше, а потом ставят на машину. Там уж добираются до кладбища на машинах.

Могилу копают накануне соседи или нанимают кого. Хоронят рядом с родными, чтоб поближе. Крышку заколачивают и гроб опускают на тряпках в могилу. Все провожающие обходят могилу три раза по часовой стрелке и бросают туда три горсти земли. Это как прощание у нас. Стоят ещё немного молча, да и закапывают. Одеваться на похороны принято во всё чёрное. Женщинам желательно голову платком прикрыть, а вдове обязательно, если осталась вдова.

После того, как закопали, едут на обед. На обеде подают булку в мёде, капустный пирог, рыбный пирог. Потом суп, каша, компот. Сладкие пироги. И кисель обязательно.

Ещё дома обязательно оставляют горящую свечу и хлеб с водой, вплоть до 40 дня. Каждый день воду-хлеб меняют. Ну, на 9 день обед поскромнее, в узком кругу. А на 40-то опять всех собирают. Тоже в 11 обедают. Раздают всем ложки на память, чистые только обязательно. Новые, вернее. Их заранее готовят тоже. А в 4 приходят бабульки молитвы читать в последний раз. Они как бы душу уже провожают с концами. А там каждый год кто как поминает. В основном, семьёй только, конечно. (Берсенёва Антонина Васильевна, 68 лет. Записано 29.04.2024 в г. Нязепетровске студенткой ЮУрГГПУ Тёкиной Алёной.)

6. Расскажу, как у нас это происходит. Если человек умирает, естественно, проходит три дня. Мы в то время, родственники, организуют похороны, собирают деньги на крест, на участок, на оплату труда по выкапыванию могилы. Затем в ритуальный салон все едут, где стоит гроб. Все прощаются, разговаривают, целует кто-то и приходит священник, который отпевает, с кадилом. Он этого человека отпевает, последнее богослужение для человека, и все едут на кладбище. Опять стоит гроб. Все также прощаются и тут наступает самый тяжёлый момент, крышку гроба закрывают и опускают в могилу. Очень важно взять горсть земли и кинуть в могилу. Затем могилу закапывают, появляется полноценная могила с горкой, крест. И люди поминают. Затем поминки проводят через 9 дней.

Поминают... В основном, чем-то съестным и спиртным. Но важно не напиться, а просто выпить сто грамм водки, чтобы помянуть. На кладбище, в основном, нет каких-то строгих правил по еде. В основном, бутерброды. Потому что это удобно сделать дома и привезти с собой. Сразу после погребения на столике люди подходят и поминают, кто может. Затем, через 9 дней снова собираются, но уже не на кладбище, а в каком-то месте. Если людей слишком много, арендуется столовая. Если не так много, то за семейным столом, например, в чьей-нибудь большой квартире. Сто организуется, где ставят пищу для поминания. У нас это сначала пирог с рыбой и иногда даже с мясом и картошкой, к которым обязательно добавляются блины, которые сворачиваются, а к блинам обязательно медовый сироп, либо варенье. После пирога подают суп с лапшой или борщ или кашу, всегда рисовую с маслом. И всегда важно всё это съесть. То есть, как минимум, кусочек пирога, один блинчик, порцию каши и суп. И параллельно с этим, кто пьёт, они, не чокаясь, пьют водку. При чём, более значимые для усопшего лица встают и говорят какие-то важные слова. Что-то хорошее о человеке, соболезнования, а потом молча выпивают.

На 9 дней, как правило, раздаются памятные предметы. У нас это ложки. Если денег достаточно много, то это ложки серебряные. Покупаются и раздаются. Главное, чтобы они от других ложек отличались.

После погребения тоже проводят обед. После 9-ти дней поминки проводятся через 40 дней. Система та же, но ничего памятного не дают. Точно такие же блюда, тот же круг родственников, та же тема слов. Соболезнования, воспоминания. Продолжают пить водку после каждого слова.

После 40 дней поминки проводятся каждый год, система та же самая, но, как правило, на годовщину приезжают только самые близкие родственники. В более узком кругу, в комнате, накрывается стол с тем же набором продуктов. Лапша в супе обязательно не покупается, а делается самостоятельно из теста.

Также у нас отмечается ещё и день рождения. То есть поминки проводятся ещё по дню рождения. Но бывает так, что в жизни много проблем, из-за чего не собирается стол, а ближайший родственник печёт пирог, поминает сама и нарезает пирог кусочками и отдаёт остальным. Это называется помин. То есть съестное важно в этот же день съесть, чтобы помянуть. Можно две конфетки передать детишкам, чтобы они тоже помянули.

Зачастую стабильно приезжают на родительский день после Пасхи. Чистят могилку, обновляют кадила. Кажется, так они называются. Маленькие такие красные штучки, в которых зажигают свечку. Обязательно кладут либо конфетки, если человек, курил зажигают сигарету и кладут на могилку, чтобы он покурил. Иногда сигарета быстро тлеет, как будто её действительно кто-то курит. Ставят стакан с водой или водкой и накрывают это хлебом. И после этого обязательно общаются с родственником вслух. Нужно сказать, как у тебя дела, как дела в семье, как тебе этот человек был важен. И уезжают. Если человек может найти время

приехать время на кладбище независимо от календаря, то приезжают и чистит могилку.

У меня мама очень долго не могла вырастить над могилой дедушки рябину. Почему-то ей очень важно было вырастить именно рябину. И она очень долго не приживалось и только на пятый раз она выросла. Важно, чтобы у могилы росло какое-нибудь дерево. Немногие растят дерево, скорее, это более семейная традиция или уже какая-то забытая. Я слышал, кто-то ель просит вырастить, а у нас это рябина. При чём, даже мама не может объяснить, зачем эта рябина нужна. Я думаю, это было всё-таки желание моей мамы, не дедушки. У нас возле дома росла рябина и дедушка её очень любил. Прямо срывал и ел, хотя она кислая и горькая.

Когда у меня умерла тётя, я нарисовал её портрет и попросил взрослых, чтобы они положили этот портрет ей в гроб. Они его положили и похоронили вместе с ним. Но я не слышал про то, что в гроб кладут что-то ещё, а эта мысль нашла на меня сама, потому что тётю свою я очень сильно любил. Но я не наблюдал, чтобы что-то ещё, кроме цветов, клали в гроб. Цветы клали, да. И вместе с ними хоронили. А венки уже на сам могильный холмик.

Тело обмывают и в чём-то его гримируют даже, какие-то благовония, чтобы тело не пахло, и наряжают в какую-то красивую одежду. В основном, это одежда не новая, а именно та, которую покойный считал своей парадной. Либо, если это бабушка, она эту одежду себе приготавливала. Покупала платье, чтобы именно в этом платье её похоронили. И не дай бог это не сделают, она прямо обещала, что будет приходить в страшных снах.

Мой дядя, перед тем как умереть о трака, потребовал, чтобы на его похоронах включили его любимую песню группы «Машина времени». Это песня «Не стоит прогибаться под изменчивый мир». Но, к сожалению, его просьба не была выполнена. Видимо, это посчитали чем-то лишним и похоронили его в тишине.

Священника приглашают на кладбище. Раньше, слышал, звали плакать плакальщиц. Но сейчас говорят, что это явно лицемерие, и это лишнее. Есть кому плакать по усопшему. Поэтому, кроме священника, никого к нему не приглашают.

Если человек очень верующий, то он обязательно заедет в церковь и поставит свечку за упокой и напишет записочку священнику, чтобы за усопшего ещё раз помолились и параллельно можно написать записочку за здоровье. За здоровье детей или детей умершего.

Самоубийц хоронят по-другому. При чём, это желание не родственников, а обязательно важно следовать церковному обычаю. Ни в коем случае нельзя хоронить самоубийцу на одном кладбище с людьми, которые ушли естественным путём. Это не по-христиански. Потому что один из самых больших грехов – это суицид. Человеку жизнь дана свыше и он не вправе этим распоряжаться самостоятельно. И если он совершил суицид он не имеет права лежать в одной земле с теми, кто умер своей смертью.

У нас в городе есть три кладбища. Оно мусульманское и два христианских. Одно закрыто, там только старые могилы. Одно за городом и постоянно разрастается. Но мне ничего не известно про кладбища для самоубийц. Хотя самоубийцы есть. Возможно, даже нет какого-то единого места для них. Как я слышал, их обычно хоронили за кладбищем, то есть, за оградой.

В зависимости от того, где находится гроб... Если человек жил в квартире, то перед тем, как похоронить, гроб привозят в эту квартиру, ставят на табуретки. А перед тем, как привезти его, обязательно на подъезде вешают объявление о прощании. И те, кто знали этого человека, они приходят. Потом, если это квартира, гроб выносят на руках и несут до машины ритуальных услуг. Помещают его в машину и увозят. В некоторых деревнях гроб выносят на руках и несут до самого кладбища. Либо кладут в машину ритуальных услуг и не спеша, очень медленно, на

скорости шага, едут до кладбища. Зачастую по пути выбрасывают из окон еловые ветви. Люди, которые сидят в машине, они выбрасывают ветки. Интервал между ветками около 3-4 веток. Крупы не бросают.

На могилу кладут только цветы, венки и стакан с хлебом и водой, ну и кадильчик. Это такая штучка, она похожа на кадило у священника, которым он машет, но она статична. Она красного цвета и там свечка, которую зажигают, при чём свечка не из воска, но кадило можно зажигать каждый раз, как придёшь. Оно гаснет, но его можно снова зажечь. Наверное, по аналогии с вечным огнём.

Я знаю, что некоторые люди желают быть не погребены, а кремированы, но таких, как правило, меньшинство, потому что это всё-таки другая культура. В Индии, я знаю, кремируют и прах распыляют по реке, но точно не в России. Для меня это некоторое новшество... Я думаю, людьми движет именно новшество. Кем-то, может, движет и духовная составляющая, а кем-то экологическая, потому что считают, что погребение в землю очень сильно вредит почве. И что это занимает место. Но у нас такого точно нет. Все знают, что если человек умрёт, он будет похоронен на кладбище.

Если человек умер, если это семейная пара... Если мужчина умер первым, то, как правило, выбирается одно место. А когда его женщина умирает, их стараются похоронить вместе. Поэтому приходится заранее покупать место на кладбище, чтобы никто его не мог выкупить. Но если семья, например, родитель и ребёнок, умерли одновременно, их хоронят вместе. Стараются, конечно, чтобы все лежали в одном месте, чтобы далеко не ходить, но если нет такой возможности, не возбраняется детей хоронить отдельно от родителей. Иногда, я знаю, дети, например, уехали, и их хоронят всё равно здесь, стараются вернуть в родные пенаты.

Вообще, бабушка до инсульта очень часто говорила, как её пора помирать. Нам это очень не нравилось, и я ей однажды задал вопрос: «Зачем ты так говоришь? И нестрашно ли тебе об этом говорить?» И она

мне сказала интересную вещь: «Жить иногда надоедает». То есть и ей двигало то, что она похоронила двоих своих детей, своего мужа, и у неё постоянно болит что-то: ноги, спина, голова. Её это мучает. Особенно, когда она понимает, что она становится недееспособной, она считает, что становится обузой своей семье, которым и так жить надо, а они на неё жизнь тратят. Кто-то понимает, что он своё предназначение в жизни выполнено и он готовится к смерти. Я знаю историю, как одна бабушка спокойнейшим образом относилась к своей смерти, даже шутила на эту тему, приготовила деньги на похороны, платье и спокойно ждала смерти. Потому что считала, что всё, что она должна была сделать – сделала. Дети выросли, внуки. И потом в совершенно спокойном состоянии она умерла. В один момент просто легла, прошло несколько часов и она умерла. Как будто кто-то просто щёлкнул пальцами и сказал: «Ну всё, пора». И спокойненько, принимая это как должное, человек лёг и ушёл в мир иной. Такое было.

Вообще, как правило, большинство людей в пожилом возрасте, когда они понимают, что смерть неминуема, и возможно даже близка, осознают, сколько они в этой жизни нагрешили. А причащение – это же всё-таки покаяние в своих грехах. И они понимают, что не будет у них пути назад. И если они умрут, то с них за все грехи спросят. И желательно под конец жизни, когда тебе уже страшно, что ты попадёшь в ад, побольше грехов отмыть. И кто-то может причащаться, исповедоваться, надеясь на чудо. Но по мне, это уже бесполезно. Покреститься перед смертью – я могу понять. А если всю жизнь грешить и думать, что ещё долго до смерти, а потом резко спохватиться и идти на исповедь, это не поможет. Но есть те, кто в это верит и причащается. (Дворецкий Андрей, 20 лет, записано 2.07.2024 в г. Кыштым Тёкиной Алёной.)

7. – Зачем бросают еловые веточки?

Там не то что еловые, любые веточки бросают. Путь устилают, чтоб мягко было. Это из язычества. Мы, как православные, мы желаем человеку

царствия небесного. А в язычестве было – земли пухом и скатерти. Я родилась в Казахстане, у нас там веточками не устилают, это чисто российское. У меня отец из Липецкой области, у них тоже веточек нет. Так что вполне возможно, что это местная традиция. Не обязательно веточки. Веточками – это возрастные кто уходит. А кто помоложе – то цветы.

Это у нас генетическое. Суеверия. Мы их называем суеверия, а всё это из древности идёт. Поэтому лучше перебдеть, чем недобдеть. Я думаю, что когда говорят царствия небесного, мы всем сердцем желаем, чтобы человеку было там хорошо. Поэтому думаю, суть проблемы... Языческое это или христианское. Я думаю, это только приветствовать надо, мы этим и отличаемся в мире. Мы такие неправильные, поэтому нам так хорошо. (Татьяна Вячеславовна, женщина лет 55, записано в г. Кыштым 4.07.2024 Дворецким Андреем)

8. На Пасху, говорят, нельзя ходить на кладбище, но люди всегда ходят. Есть же родительский день. Пасха бывает в воскресенье, а Радоница во вторник. Надо ходить на родительский, но у нас ходят на Пасху. На Пасху ходят и яйца кладут на кладбища. Потом бедные ходят там всё собирают.

Но наша семья обычно на Пасху не ходят, только на Радоницу. Мы ходим к родителям. Чекушечку поставим, конфетки поставим, потом звоним, говорим: «Идите, сходите заберите там, только закройте дверку». У нас такой обычай.

Пожилые люди готовятся к смерти, но бывает такое, что щас вот у меня мама, ей 83 года, она мне каждый день говорит: «Приди, – говорит, – «узел соберём, чтоб потом его не собирать. Узел». Там тапочки, всё вот это. Раньше же было не много красного материала, которым гроб обивали. Покупали красный материал. На гроб, гробы же свои делали. А сейчас гроб покупают, у неё очень много красного и белого материала лежит. Вот она и говорит, мол, давай соберём всё.

Я расскажу, как моего папу хоронили. Он у меня умер полшестого утра. И у меня предчувствие было. Я проснулась, Саша рядом лежал, что-то не то. Мама позвонила. Говорит, приезжайте, Оля, что-то не то с отцом, он не дышит. Она дала ему булочку, он съел эту булочку. А он, видать уже умирал. И он как-то подавился. Мы его, приехали, мы его сначала обмыли. Сами всё, мы, дети, это делали. Мы его раздели, полностью обмыли, потом мы его... В город мы его не возили, потому что знали, что у него инсульт был. В морг его не возили. Одели его парадно: рубашка, костюм такой красивый, трусы, носки, ну, полностью. Чёрные тапочки, не белые. Коричневые. Потом брат привёз гроб. Сначала мы как сделали. Два стула и доски, пока гроба не было. На доски эти положили тряпочку. Потом, когда привели гроб, мы положили его в гроб и люди стали приходить. И когда в гроб его положили, накрывают обязательно белой простынью или тюлью, но голова открытая. Потом, когда пришёл батюшка отпевать, ему сделали на лоб иконки, свечи и на лоб ему сделал какую-то ленточку. Отпевали его, народу было очень много. И когда его отпели.

Самое интересное. Когда мы его положили (он у нас ночевал ночь), положили мы его... Кошка к нему на грудь пришла. Она к нему легла и спит. А мы трое детей легли спать. Собака пришла на заваленку и начала выть. Выла-выла собака Тишка. Мы думаем, чё такое. И потом, когда на следующий день был очень сильный дождик, и когда мы поехали, она туда убежала. И когда мы отца схоронили, мы сколько раз на кладбище идём, и она вперёд нас и бежит именно к нему, она знала, где его хоронили. До чего нам это было удивительно. Мы ещё там где-то до кузницы дошли, собака вперёд и уже у него на могилке сидит. И там если печенки-конфетки, она берёт и ест. Вот до чего...

Потом, когда батюшка его отпел... Мы его в церковь не понесли, а батюшка дома отпевал, потому что у нас не мимо церкви надо а так идти. Он его отпел и повезли мы его на кладбище. Схоронили. Потом горячий обед. Поехали в «Ивушку» и там помянули. Потом, кто не пил, тому дали

по бутылке. Кто горячее, кто не смог приехать, помин собрали: пирога, печенки. Народу очень много было – было больше 80 человек. И многие не могли приехать.

Потом на другой день, мы его вот помянули, на другой день туда, к маме родственники ещё приехали. Пили, поминали там. Огурцы у нас там были солёные, водка, ну, в общем поминали сидели. А на другой день надо обязательно съездить проверить, как он ночевал. Мы туда съездили утром, проверили, оставили чекушечку, помин короче. Позвонили людям, которые бедные, чтобы они забрали.

Потом 9 дней. У нас получилось так, что 9 дней выпало... Он умер, кстати, на день рождения своего отца, 20 сентября. А 9 дней выпало на его день рождения. И самое интересное, что когда мы его схоронили, накануне был очень сильный дождик и когда мы только его схоронили, из «Ивушки» вышли какой только сильный полил дождик. Всё-таки какой-то это знак был всё-таки, я не знаю. Всё-таки есть вот это. А потом на первый день мы сходили и на 9 дней когда вот эта собака меня прям удивила. Мы ещё не успели дойти, а она уже сидит на могиле.

У нас поминальные обеды: сначала пирог с рыбой. Но это, знаете, кто как закажет. В городе совсем другое. У нас сначала обязательно с рыбой. Потом дают суп с лапшой и курицей. Потом дают картофельное пюре с котлеткой, кашу рисовую, пироги сладкие, конфеты. Спиртное своё привозим, а остальное за счёт того, кто делает. Компот из сухофруктов.

Когда гроб вынесли, его на полотенцах несут. А то знаете, у нас-то рано немножко. Его когда выносят не в маленькие ворота, а открывают большие, ставят два стула, прощаются с ним у окошка. Все люди, ведущий тут один говорит, что, если кто не сможет пройти на кладбище, попрощайтесь с ним. За ноги потрогайте, за лицо, за ноги. И вот кто не может пойти на кладбище, у гроба. За ноги там держатся и говорят: «Прости меня» там и такие слова. Потом берут кто на полотенцах, кто на палках... Немножко пронесут и потом на машину, венки... Сначала идут

венки, потом машина ритуальная и несут покойника. А потом всё это складывают в машину и автобус сзади идёт, кто на машинах. И поехали на кладбище. У нас кидают ёлочки, летом цветы живые. В основном, ёлочки.

В доме обязательно оставляют одного человека, чтобы дома пол обязательно везде помыли. Доверенного человека. Как только все уехали, в Доме сразу тоже всё помыли и он тоже следом прибегает на кладбище. Зеркала закрывают тряпками, когда покойник умер. Все телевизоры, всё. Чёрными тряпками обязательно. Всё закрыли. Кто как, но мы чёрными. Ставят свечу. Кто-то ставит и у покойника, кто-то на кладбище ставит. На кладбище она горит, пока не схоронили. А тут у нас была...

А ещё знаете как бывает. Бабушку вот хоронили, она у нас две ночи ночевала. И она начала у нас пахнуть уже, и тогда под стол поставили цветов и земля какая-то, чтобы она не пахла. И когда покойник долго лежит, сильно растут ногти. И на ногах, и на руках.

Я не знаю, для чего нужно зеркала закрывать, но просто есть такой обычай. Что обязательно нужно закрыть зеркала. Когда гроб опускают, обязательно нужно три раза кинуть землю... И знаете ещё кидают мелочь. Ещё платочки раздают, когда покойника выносят. Мужчинам большие – женщинам маленькие. И ещё выносят знаете что. Чашечку и блюдце, закрытые в тряпку. И какая женщина пожелает, той отдают. И когда в землю схоронили, обязательно три раза кинули землю. И тут идёт поминальный обед. А эта бабушка с платком и блюдцем простой пьёт чай из него. И всё. А люди ещё, пожилые люди, бросали мелочь. Кто-то что подходит, слова какие-то говорят, связанные с Богом.

До поминальных обедов на 40 дней раздают ложки, а сейчас раздают кружки. На 20 дней не проводят. Только 9 дней, 40 дней, потом может быть полгода, но это у кого как. А 9 и 40 дней обязательно. Это ещё и от финансов зависит. Но на 40 обязательно, потому что кружки раздают.

На день рождения тоже собирают. Но если не получается.. Я вот на работе принесла печенки к чаю, конфеты. Если есть возможность. Обычно

отдают детям. Потому что говорят, что дети поминают лучше. Им конфеты дают всё, говорят, они лучше поминают. Но дома обязательно. Я вот сейчас про отца своего. Обязательно пирог испекём, помянем, кашу сварим. Добрым словом. Блины не печём. Блины пекут на горячий обед. Кстати, сначала блин с мёдом, потом пошли уже пироги, суп, второе и каша. Кисель не подают.

Мы своему отцу в гроб положили очки, чекушку, платочек, потому что он у нас был любитель выпить, поэтому мы ему чекушку прямо под подушку. Очки, потому что зрение плохое было. Мы же верили во все, очки положили.

Кто отпевает в церкви, просто отпевают. Люди стоят со свечками. Мы-то раз в церкви не были... А со свечками стоят, да. Час стоят и больше. Батюшка отпевает, а люди просто со свечками стоят. Потом за упокой ставят на 9 дней, 40 дней. Да и на любую службу обязательно за упокой ставят, за здоровье ставят.

Суицидников отдельно хоронят. На нашем кладбище. Раньше как было. Ворота же большие у нас. А раньше суицидников с той стороны заносят, в другие ворота. От кузницы, с той стороны. На одно кладбище, но другие ворота. Их не отпевают. (Ольга Викторовна, 29.09.1972 г.р., посёлок Тютняры записано Дворецким А. 3.07.2024.)

9. Это сейчас у нас омывают покойника в морге. Вот как делается. Вызывается полиция, скорая, всё это фиксируется. Потом забирают покойника, увозят, раньше привозили, он стоял дома три дня, сейчас этого нет. Потому что сразу оттуда забирают, там есть ритуальный зал, там прощаются с усопшим, и затем уже везут. Иногда останавливаются возле дома, чтобы соседи пошли простились. Собираются. А вообще раньше от дома шли. Сначала несли венки, потом крест, потом самого покойного, и потом шла за ним родня и машины все. Могилы у нас копали сами. Сейчас уже службы есть. Теперь ты просто заплатил, его одели-обули и всё. Знаю, что у нас есть татарское кладбище. У них не должно быть женщин. Они

это делают как-то на заре. Рано утром они бегом. У них свои правила. И они гроб убирают, сейчас же из морга забирают, и хоронят их к себе. Их доски кладут. Сейчас вот памятники стали ставит. У нас переплелись тут все... Башкирское, татарское... Мусульмане все и как-то вроде мирно тут живём. И похоронные дела сейчас все как-то смешиваются. И у нас на кладбище бывает, что другой веры человека хоронят.

Раньше бросали еловые ветки, сосновые ветки. Потом стали бросать цветы, гвоздики.. А сейчас всё быстро идёт, сейчас не останавливаются. И поэтому практически, ну поселковые если, тогда бросают, а когда бывает, что где-то погибли, то там... Редко. Иногда даже не знаешь, что человек умер, похоронили и всё. Сейчас всё это быстро делается. Иногда зерно бросали. В могилу бросают денежки. Когда в могилу опускают гроб, бросают туда платки носовые, в которые плакали. Затем денежку, чтоб не бедно ему там было. И иногда, говорят, что кладут любимые вещи, но это очень редко, потому что всё это забывается.

Суицидников вместе со всеми не хоронили. Их за кладбищем хоронили. Прямо за забором, не на кладбище. Да и сейчас, там где деревни, не хоронят на кладбище. Единственное, что, я читала недавно, солдат пришёл и там после пыток страшно израненный, сил у него не было и он наложил на себя руки, и батюшка сказал, что он защитник нашего Отечества, пусть похоронят его на кладбище, хотя он совершил это над собой. Просто у человека не было силы жить.

Да мы и сами сейчас уже ничего не знаем. Всё организовано, ты только деньги отдал и тебе всё увезли, переодели, привезли. Кто в возрасте, те себе уже готовят узелок, что им там надо. А так вот просто платье. Она говорила, что вот если что, это платье мне положите. Собирают обычно, но бывает, что и новое покупают. Но в ритуальных услугах специальные костюмы, уже даже это. И гроб, и крест – всё уже есть. В такой степени у них уже всё накручено. На всём нажитья, сделать деньги. Ну как нажитья... Зато ты просто отдал... А раньше как... Всё это

дома у тебя три дня стоит, извините, ты там плачешь сидишь, ночью не уйдёшь. А раньше дома и готовили обед, и всё. А шас заказал – отдал.

Дома зеркала завешивают обязательно, всё, что зеркальное, телевизор, и в ванной зеркало. А говорят, чтобы не отражалось что-то. У меня вот когда муж умер. Полтора года я его протянула, хотя ему полтора месяца давали. Я за ним ухаживала. Болезнь никого не красит. Он мне никогда не снился. Говорят, если снится... Говорят, он не снится тебе, потому что он благодарен тебе, что ты его до последнего... И как-то ночью я проснулась, тогда заморозки начались, а он 29 сентября умер. И знаете, как облачко около окна стоит и так вот: «Хоолодно». И всё, исчез. И больше он мне не снился. А некоторые говорят, что ходят, как будто бы даже дверь хлопает. Говорят, что душа-то она остаётся. Только оболочка умирает, тело. А в каком-то другом измерении... Ну, там наука, я не владею...

Говорят, что приходят и умирают животные на могилах, до такой степени тоскуют. Голуби летают и умирают потом. Кто вот голубей держит, они там кружатся-кружатся, потом исчезают все.

9 дней делают обед, собираются родственники. Я борщ сварила, пирог стряпаем, сладкое. Кашу делаем молочную и также потом некоторые 20 дней ещё отмечают, но почему, я не знаю. Потом 40 дней тоже обед. На год уже больше народу собирается. Вот в 40 дней, говорят, что душа уже уходит из дома. Поэтому тут полностью тоже обед делают. Потом мы собирались через полгода семьёй. Я испекла пирог, посидели. С кладбища пришли, чай попили. Раньше, говорят, что на кладбище приходили иногда поминали там. Выпивали. Сейчас, почему-то говорят, что православные на кладбище не пьют. А оставляли пирог тем, кто копал и закапывал, потому что они на обед не идут. Так раньше было. А теперь нам говорят, что мы язычники стали, потому что язычники поминали там на кладбище и пили. А у нас так принято, всё равно мы идём, пьём, кто пирог, кто что. Вино берём, всё равно поминаем. А кто не может, с тем рассчитывались.

На 40 дней либо кружечки, либо ложки дают. Потому что потом ешь этой ложкой и поминаешь. (Ершова Л. А. 58 лет, записано в г. Кыштым Дворецким А. 5.07.2024)

10. У нас тут уже отличается, у нас и в Новогорном. У нас в Кыштыме, допустим, сначала ставится пирог, потом борщ, потом, значит, каша рисовая, кисель, булочки сладкие, компот и всё. В Новогорном – там нет: там сначала борщ. Потом, допустим, картофельное пюре с котлетой, потом, значит, вот рис, потом пирог только, и потом всякие завитушки и кутью. У нас в Кыштыме такого не было. Когда родители умерли, у них там сами, в основном готовят они сами. Я, когда начала свекрови делать этот обед-то, и мне говорят: «Марина, ты кутью не забудь». Я не знаю, что это такое, я говорю: «Что это такое, кутья-то, я понятия не имею». Они говорят: «Ну, это рис с мёдом». «Ну, – думаю, – рис – значит, его надо солить». А его солить, оказывается, не надо, я там поставила, мне говорят: «Ой, у нас же в Кыштыме, нас зовут кержаками».

– Старообрядцы?

– Да, старообрядцы, кержаки. (Марина, 70 лет, записано в п. Каолиновый (г. Кыштым) группой студентов в составе В. А. Тушиной, Д. А. Журавлёвой, Р. Г. Нигаматьяновой 2.07.2024.)

11. Как обычно поминаете умерших родственников?

Обычно это происходит по законам церкви, так как мама в тяжёлые годы обращалась в церковь, которая была при пункте выдачи вещей.

Храните ли фотографии? Есть ли семейный альбом? Какие из фотографий вам особенно дороги?

Фотографии мы храним, очень много сохранилось с детства дедушки и бабушки. Как такового семейного альбома нет, но у нас есть папка с фотографиями, куда мы складываем все фотографии, которые у нас есть. Дороги мне все фотографии, потому что я люблю наблюдать за развитием событий в нашей семье, а через фотографии это сделать очень просто.

Не сохраняются ли мемуары, дневники членов семьи?

Некоторые тетради с какими-то записями бабушки сохранились. Была бы возможность, то я бы вставила фото, но такой возможности у меня сейчас нет.

Кого в вашей семье можно назвать «хранителем памяти»?

да всех, кто находится в нашей семье. Кто-то хранит память одного периода жизни, кто-то – другого.

– Наблюдались ли явления родственников после их смерти?

– Были несколько случаев. Вот идем мы на кладбище, идет дождь, ветер. А как заходим за оградку, все сразу успокаивается, солнце выходит. Неоднократно наблюдала такое.

Было как-то еще, пришли Гришу помянуть, а туда пришла собака рыжая. Красивая такая, ухоженная.

Еще, когда к Соне на годовщину пришли, появилась из ниоткуда кошка черно-белая, мяукнула, будто специально, чтобы мы внимание обратили, и исчезла также в никуда.

Вот, я считаю, что они просто в таком облике к нам явились, чтобы повидаться. (Бекжанова Гылслу Таскановна 62 года. Записано в г. Копейск Рыжковой Алёной 6.08.2024.)

12. Во-первых, как раньше. Сейчас приехал человек, умирает и его увезли. У меня когда папа умер, он у меня две ночи ночевал дома. Гроб дома стоял, обязательно ночуют с ним, чтобы он был не один. Когда папа умер, жарко было, числа 16-17 июля. И он у меня на вторую ночь начал портиться. Но как бы три дня покойник, говорят, все слышит. Не знаю, насколько это правда, но говорят, что слышит. И вот его обмываешь, одеваешь. Ну вот женщина должна быть одета, в парадной костюме, то есть в платье. Она не должна уйти в юбке с кофтой, обязательно платье. Бабушки раньше готовили узелок. У моей вот было приготовлено все вплоть до веревочки, которой связывают руки с ногами, чтобы не разбегались. У мамы тоже был узелок, у неё было приготовлено платье.

Причём, платье такое, чтобы его можно было спокойно надеть. Там на нем много пуговиц было. Мне в своей жизни приходилось собирать узел, потому, когда первую бабушку одевали, я поняла, что значит "на мертвом голова". Болтается голова, как намертво. Когда человек умирает, у него голова вообще болтается, её же позвоночник больше не держит, и она просто начинает в разные стороны болтаться. И вот бабушку одевали, меня спросили: "Ты боишься?", я говорю: "Нет". И вот когда её одевать начали, вот на мертво голова. Сначала, я говорю, что старая бабушка когда у меня умерла, обязательно приходили бабушки, которые пели. Пели молитвы в течение двух дней. Они там сидели, периодичность у них какая-то была. Они прям пели, чтобы проводить её в иной мир. Священник — это священник, а это именно бабушки. Это другая категория. Там же вот, например, тютнярские все, они начинают причитать нараспев. И так причитать нараспев могут не все. Обычно просто что-то говоришь-говоришь-говоришь. А они именно плакали и причитали нараспев, как будто в песне:

Куда ты меня, мой миленький, бросил... И в таком вот плане.

(Знакомы они были знакомы с спокойным?) Бабушки пели верующие. И посёлок маленькие, там все друг друга знают.

Зеркала обязательно закрывает, даже если человек умер не дома, в его жилище зеркала закрываются. Якобы, говорят, что душа может в зеркале остаться. Поэтому зеркала закрываются. У меня вот мамочка умерла в больнице в Челябинске. Но мы как узнали, мы сразу пошли зеркала завесили. И не жили в этой квартире и закрыли все зеркала.

До кладбища доставляли... Зависит от того, кто у тебя есть. На полотенцах белых несут. Гроб практически всегда красного был обит внутри. Такая чёрная лента была как органза, собранная в ниточку и краешком обитая. И в моей жизни только один гроб был черного цвета. Моя бабушка одна знакомая. Когда она умерла, мы пошли попрощаться с ней. И когда зашли, обомлели, что гроб черного цвета. То есть черный-

черный гроб и обитый белым. Мы спросили а почему так, а она сказала " Я здесь жила как в черноте". Но вообще по идее изначально был чёрный гроб, а не красный.

Поминки – горячий обед всегда после похорон. Схоронили человека и все идут на горячий обед обязательно. Поминальные слова. Вообще изначально в Руси никогда не было водки. Спиртного не было. Вообще изначально по-христиански законам водки не было. А было время, когда мы вот допустим. Я была маленькой, умерла моя первая бабушка. Подружка говорит: "Че завтра?". Я говорю: "Завтра у нас 9 дней бабуле". Она говорит: "Оооо, завтра вытащат гроб, поставят посередине стола и вы все будете на нем обедать". И когда я пришла на поминки, меня в комнату буквально затаскивали, потому что я боялась, что щас гроб достанут.

На 40 дней сейчас нет уже, а раньше давали. Это либо ложка, либо стакан. Чтоб человек, когда... Кто-то раздавал ложки и платки.

В основном, кидают платок со слезами со своими и говорят слова, что я с тобой рассчитались и ты ко мне не ходи.

И чтобы не тосковать, мы смотрели в печку. В трубу. Говорят, такой обычай, чтоб не тосковать. Но я не знаю, что это за обычай.

Всегда снятся умершие. Причём, близкие родственники, там мама, папа если снятся, то случается беда. Они предупреждают. Кто-то говорит, что на погоду спокойные снятся. Но вот если мама мне приснилась, значит, точно что-то будет. Ну не беда, но неприятность. Мы вот хоронили папу. Я маме прибегаю, говорю: «Папку во сне видела». Она говорит: «Беда будет».

Стопудово что-то случится. И случалось, всегда случалось. А мама меня всегда предупреждала, причём, какие-то ситуации есть такие, когда снится сон мне и он мне говорит а ты сегодня, ты вот пойдя, потому что если ты не пойдёшь, будет вот это, вот это, вот это и вот это. И оно вот именно так и происходило точь-в-точь. Поэтому я, наверное, верю, что любимые нас не покидают, а зовут к себе. Но у всех по-разному.

(Маринина Е. О. 59 лет. Записано в г. Кыштым группой студентов в составе В. А. Тушиной, Д. А. Журавлёвой, Р. Г. Нигаматьяновой 6.07.2024.)

Приложение 2. Конспект внеклассного мероприятия по поэме А. Н. Некрасова «Мороз, Красный нос»

Класс: 7.

Тема: Образ крестьянской семьи в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос».

Цель: проанализировать образ крестьянской семьи и крестьянки в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос».

Задачи: 1. Познакомиться со структурой и символикой похоронного обряда.

2. Развивать функциональную грамотность с помощью работы с текстом.

3. Выявить авторские приёмы создания образа крестьянской семьи.

Предварительное домашнее задание: выделить в тексте цитаты, характеризующие условия и атмосферу жизни крестьянской семьи.

Оборудование: текст произведения, мультимедиа, рабочие листы.

Планируемые результаты:

Предметные:

- способность выявлять в произведениях художественной литературы образы, темы, идеи, проблемы и выражать своё отношение к ним в развёрнутых аргументированных устных и письменных высказываниях, участвовать в дискуссии на литературные темы;

- владение умениями анализа и интерпретации художественных произведений в единстве формы и содержания.

Метапредметные:

- Познавательные: выявлять причинно-следственные связи и актуализировать задачу при изучении литературных явлений и процессов,

выдвигать гипотезу её решения, находить аргументы для доказательства своих утверждений, задавать параметры и критерии решения;

- Регулятивные: давать оценку новым ситуациям, в том числе изображённым в художественной литературе.

Личностные:

- способность оценивать ситуацию, в том числе представленную в литературном произведении, и принимать осознанные решения, ориентируясь на морально-нравственные нормы и ценности, характеризуя поведение и поступки персонажей художественной литературы;

- ответственное отношение к своим родителям, созданию семьи на основе осознанного принятия ценностей семейной жизни, в соответствии с традициями народов России, в том числе с опорой на литературные произведения.

Таблица 1 – конспект внеклассного мероприятия по поэме А. Н. Некрасова «Мороз, Красный нос»

Ход урока	
Этап урока	Текст конспекта
Организа- ционный момент	Учитель: – Добрый день, ребята. Проверьте свою готовность к занятию: на парте у вас должны быть тексты поэмы «Мороз, Красный нос» и рабочие листы.
Мотивация	(На слайде картина В. Г. Перова «Проводы покойника») Учитель: – Обратите внимание на слайд. Что изображено на этой картине? Что помогло вам прийти к такому выводу? Предполагаемый ответ: – На картине изображены похороны, потому что мы видим гроб в саях. Учитель: – Какой этап похорон запечатлел художник? Предполагаемый ответ: – Это момент проводов умершего на кладбище. Учитель: – Как вы думаете, какие действия были совершены после смерти этого человека и до этого момента? Вывод: Не многие из вас знают, какие этапы включает в себя похоронный обряд. А знаете ли вы обычаи и традиции, которые

Продолжение таблицы 1

	обязательно нужно соблюдать во время похорон? Какие из них вы можете назвать?
Этап открытия нового знания	<p>1) «Инсерт»</p> <p>Учитель: – Сейчас мы с вами попробуем себя в роли исследователей фольклора! Перед вами лежат рабочие листы с текстами. У каждого варианта свой текст. Это расшифровки записей речи пожилых людей. Все они рассказывают о похоронном обряде. Вам предстоит поработать с этими текстами в технологии «Инсерт». У вас в рабочих листах есть расшифровка обозначений, если вы их вдруг забыли.</p> <p>1 текст:</p> <p>И в первую очередь покойника обмывали. Обмывали специальные люди, их все знали, приглашали. Обычно это были бабульки. Воду после покойника выливали в огород, под деревья. Одевали покойника, желательно, во всё новое или обязательно во всё чистое. У женщин обязательно должны быть прикрыты полностью руки и ноги. Закрывали зеркала белыми простынями, телевизоры. Нельзя оставлять покойника одного.</p> <p>Человека хоронили, как правило, в 11. Перед воротами ставили две табуретки, после того, как гроб поднимали, табуретки обязательно опрокидывали. В это время умершего оплакивали. Причитали над ним. Прощались, одним словом. Кто-то в церковь нёс отпевать, кто священника домой приглашал.</p> <p>Гроб несли на длинных вафельных полотенцах. Впереди процессии шёл оркестр. Потом несли фотографию умершего, потом шли венки, потом четыре женщины несли крышку. Мужчины несли гроб, после гроба вся процессия. Впереди обязательно сыпали пшено, либо веточки пихты. Иногда это были цветы.</p> <p>Хоронили на кладбище, место выбирали сами, поближе к родственникам. Могилу выкапывали накануне похорон. Крышку заколачивают, чтобы она не съехала. Гроб опускают на дно могилы, туда кидают монеты, носовые платки родственники, которые вытирали слёзы. Каждый из присутствующих должен обойти могилу по часовой стрелке и кинуть три горсти земли.</p>

Продолжение таблицы 1

	<p>2 текст:</p> <p>Перво-наперво покойника нужно было обмыть. Родным людям нельзя было обмывать, только посторонним. Обычно приглашали старушку, которая на этом специализировалась. Одеть во всё новое старались. Обычно, если человек пожилой, то у него уже всё было готово к похоронам. Но если внезапная смерть, покупают сами. В комнате не должно быть ничего стеклянного и зеркального, т.е. всё занавешивали. Окна занавешивали, зеркала занавешивали.</p> <p>Сразу же приглашались читальщицы, тоже специализированные набожные бабки, которые часто это делали. Они всю ночь читали молитву. И обязательно кто-то из родственников, чтобы покойник один не остался. Выносили обязательно во двор. Ставили на табуретки и каждый мог попрощаться. Считалось, чтобы покойник попрощался с тем домом, в котором он живёт.</p> <p>И хоронили когда, мужчины несли гроб, женщины несли крышку впереди. Самой первой шла бабка, она несла одна портрет, другая раскидывала пшено по улице, чтобы птички клевали, чтобы душа в Рай попала. И обязательно было часть улицы, как можно дальше, пронести гроб на руках, чтобы со своей улицей покойник тоже попрощался. Процессия шла медленно очень, её всегда все встречные машины уважали, давали пройти.</p> <p>Раньше могилы рыли знакомые, друзья, теперь всё это делают нанимаемые люди. Место выбиралось поближе к родственникам. Опускали гроб на вафельных полотенцах огромных. Это специальные тряпки, они из дома в дом кочуют. Переходят от одних похорон к другим. Крышка закрывалась. Каждый должен был обойти могилу по часовой стрелке и хотя бы по комку земли бросить.</p> <p>Технология «Исерт»: V – это я уже знал; + – новая информация; - – я думал по-другому; ? – это я не понял.</p> <p>Вывод: Что нового вы узнали после работы с текстом? Часто ли вы использовали «←»? Как вы думаете, с чем это связано?</p>
--	---

Продолжение таблицы 1

<p>Предполагаемый ответ: «→» могут встречаться довольно часто, потому что похоронный обряд, являясь элементом фольклора, обладает вариативностью. Традиции складывались по-разному в зависимости от местности, культуры, соседства с другими этносами. Обычаи могут различаться не только в разных уголках нашей страны, но и даже в соседствующих семьях.</p> <p>2) Составление плана</p> <p>Учитель: – Составьте план вашего текста из 4 пунктов, подготовьтесь к краткому пересказу по плану.</p> <p>Учитель: – Сейчас мы послушаем пересказы трёх текстов. Будьте внимательны. Выпишите в свои рабочие листы те общие моменты, которые вы обнаружили между своим планом и тем, что вы услышали.</p> <p>Вывод: Основные пункты плана совпадают у всех выступающих. Давайте запишем общий план для всех вариантов обряда:</p> <ol style="list-style-type: none">1. Преображение дома и тела умершего.2. Отпевание и оплакивание.3. Похоронная процессия.4. Погребение. <p>Вот мы с вами и выявили основные этапы похоронного обряда.</p> <p>3) Беседа, культурологический комментарий</p> <p>Учитель: – Как вы думаете, почему важно обязательно соблюдать все эти этапы?</p> <p>Предполагаемый ответ: – Отправляя человека в последний путь, важно сделать всё «правильно», чтобы его душа благополучно покинула мир живых и перешла в мир иной.</p> <p>Комментарий учителя: Верно. Сам по себе похоронный обряд – это обряд перехода, проводов. Живые в последний раз заботятся об умершем. В этом проявляется наше уважение к нему, признание. Но почему обязательно делать это так? Потому что так делали наши предки, а значит, это тот способ, который проверен временем, надёжный способ, общепризнанный. Поэтому, совершая обряд, мы ещё и храним память наших предков.</p>
--

Продолжение таблицы 1

<p>Продолжая их традицию, мы как бы присоединяемся к нашему общему культурному наследию. Ведь традиции – это то, что объединяет нас. А чувство единения в такие тяжёлые моменты нашей жизни – то, что помогает нам справиться и двигаться дальше.</p> <p>Учитель: – Давайте составим таблицу. В первой колонке будем писать этап обряда, а во второй – его символическое значение. Заполним первую строчку: 1) Похоронный обряд – достойные проводы умершего, забота о его благополучии в ином мире, сохранение памяти предков.</p> <p>Учитель: – Как вы думаете, для чего обмывают и обряжают тело покойного? Почему меняется обстановка в доме?</p> <p>Комментарий учителя: Преображение тела покойного важно для того, чтобы душа человека предстала чистой на пороге иного мира. С этой же целью умершего и одевают, как правило, в новую одежду. Это освобождение от всего земного, новое начало. Основной причиной, по которой меняется пространство дома, является выстраивание границ между миром живых и мёртвых. Наши предки – очень мудрые люди – считали, что всему должно быть своё время. Есть время жить, а есть время умирать, и пересекаться эти миры не должны. Когда человек умирает, граница размывается, и родственники этого человека выстраивают эту границу снова. Закрывают зеркала и стёкла, чтобы душа не могла задержаться в них, моют дом, чтобы стереть следы присутствия смерти. Давайте запишем вторую строчку таблицы. 2) Преображение дома и тела умершего – восстановление границ между миром живых и миром мёртвых, освобождение души умершего от всего земного.</p> <p>Комментарий учителя: – Оплакивание умершего тоже носит символический характер. С одной стороны, это прямое выражение чувств родственников. Но кроме того, считалось, что плач помогает душе покойного легче пересечь границу миров. Раньше даже приглашали на похороны женщин, которые специализировались на плачах – их называли плакальщицы. Это являлось ещё и жестом уважения к умершему. А вот отпевание появилось в традиционном обряде гораздо позже и связано с христианской традицией.</p>

Продолжение таблицы 1

	<p>Отпевание – это последний способ живых помочь душе покойного, попросить у Бога милости к его душе. Но объединяет обе эти традиции то, что они тоже помогают душе умершего. Запишем. 3) Оплакивание и отпевание – помощь в пересечении границы миров, проявление уважения и прошение милости у Бога.</p> <p>Комментарий учителя: – Когда гроб выносят, начинается похоронная процессия. В это время приходят все желающие проститься с умершим. Эта часть обряда делает личное переживание смерти близкого человека в какой-то степени общественным. Горе одной семьи становится общим для всех пришедших. Это момент единения мира живых. Кроме того, это буквально проводы человека, его последний путь, который он проходит по миру живых. Запишем. 4) Похоронная процессия – проводы покойного и единение людей.</p> <p>Комментарий учителя: – Ну и само погребение – это, в первую очередь, опять же восстановление границы миров. И здесь граница уже буквальная – это земля. Запишем. 5) Погребение – восстановление границы миров.</p> <p>Вывод: Итак, мы с вами узнали, из чего состоит похоронный обряд и какие символические смыслы содержат в себе его основные этапы. А теперь давайте обратимся к поэме Некрасова «Мороз, Красный нос», которую вы читали дома.</p>
Тема урока	<p>Учитель: – В этой поэме мы тоже видим описание похоронного обряда. Давайте проверим, все ли этапы, которые мы перечислили, в ней есть?</p> <p>Предполагаемый ответ: – Все.</p> <p>Учитель: – Но для чего Некрасов описывает нам так подробно этот обряд?</p> <p>Предполагаемый ответ: – Чтобы показать крестьянскую трагедию и то, как ведут себя крестьяне в этой сложной для них ситуации.</p> <p>Учитель: – Верно. С помощью похоронного обряда Некрасов показывает нам, как устроена жизнь крестьянской семьи, какие в ней взаимоотношения. Давайте, исходя из этого, сформулируем тему урока.</p> <p>Предполагаемый ответ: Образ крестьянской семьи в поэме А. Н. Некрасова «Мороз, Красный нос».</p>

Продолжение таблицы 1

Работа с литературным материалом	<p>1) Комментированное чтение</p> <p>Учитель: – С чего начинается поэма?</p> <p>Ответ: – Мы видим старушку-мать Прокла, которая везёт гроб. А в деревенской избушке на скамье лежит сам Прокл.</p> <p>Учитель: – Давайте откроем самое начало.</p> <p>1. «Савраска увяз в половине сугроба Две пары промерзлых лаптей Да угол рогожей покрытого гроба Торчат из убогих дровней. Старуха в больших рукавицах Савраску сошла понукать. Сосульки у ней на ресницах, С морозу – должно полагать».</p> <p>Учитель: – Как вы думаете, легко ли старушке-матери даётся эта работа?</p> <p>Ответ: – Нет. На улице мороз. Даже Савраска увяз в сугробе, а у самой матери «сосульки у ней на ресницах». Это говорит о том, что её тяжело и холодно, но она всё равно везёт гроб для своего сына.</p> <p>Учитель: – Как этот фрагмент характеризует эту героиню?</p> <p>Ответ: – Мать Прокла – сильная, волевая женщина, которая не отступает перед трудностями, потому что она привыкла к ним. Она должна привезти гроб для своего сына, и кроме неё это сделать некому. Поэтому она продолжает понукать Савраску.</p> <p>Учитель: – Давайте запишем эти качества.</p> <p>2. «В избушке — теленок в подклети, Мертвец на скамье у окна; Шумят его глупые дети, Тихонько рыдает жена. Сшивая проворной иголкой На саван куски полотна, Как дождь, зарядивший надолго, Негромко рыдает она».</p> <p>Учитель: – Саван – это одеяние из белой ткани для покойников. Изначально именно белый цвет ассоциировался со смертью, поэтому в</p>
----------------------------------	---

Продолжение таблицы 1

<p>белое одевали умерших и белые платки надевали женщины на головы во время проводов. В каком состоянии мы застаём Дарью, жену Прокла?</p> <p>Ответ: – Дарья рыдает над телом мужа. Его потеря – огромное горе для неё.</p> <p>Учитель: – Почему героиня сама шьёт саван?</p> <p>Ответ: – Так Дарья проявляет свою заботу и любовь.</p> <p>Учитель: – Как вы думаете, почему «шумят его глупые дети»?</p> <p>Ответ: – Дети не понимают, почему их отца не стало. Они «шумят», потому что тоже переживают горе и огромную потерю. Но они «глупые», потому что ещё не знают, как смерть отца скажется на жизни всей их семьи. Их горе чисто и непосредственное, не затуманенное бытовыми заботами.</p> <p>Учитель: – Давайте запишем, какие черты характера Дарьи и детей прослеживаются в этом фрагменте (забота об умершем муже, искреннее горе и слёзы, любовь к мужу и отцу).</p> <p>3. Учитель: – Чем в это время занимается отец Прокла?</p> <p>Ответ: – Он копает могилу сыну.</p> <p>«Местечко старик выбирает; Устал он, работа трудна, Тут тоже сноровка нужна – Чтоб крест было видно с дороги, Чтоб солнце играло кругом. В снегу до колен его ноги, В руках его заступ и лом, Вся в инее шапка большая, Усы, борода в серебре. Недвижно стоит, размышляя, Старик на высоком бугре».</p> <p>«Могила на славу готова, – “Не мне б эту яму копать!” (У старого вырвалось слово) “Не Проклу бы в ней почивать, Не Проклу!..”».</p>

Продолжение таблицы 1

<p>Учитель: – Как Некрасов описывает труд старика?</p> <p>Ответ: – Копать могилу – это тяжёлая работа, особенно зимой, когда земля очень твёрдая. Но старик не жалуется, он старается найти место как можно лучше. Использует для этого «сноровку» и свой опыт.</p> <p>Учитель: – Как этот нелёгкий труд характеризует этого героя и его отношение к сыну?</p> <p>Ответ: – Это говорит о любви к сыну, желании позаботиться о нём в последний раз. Старика волнует и «чтобы крест было видно с дороги», и «чтобы солнце играло кругом». Место должно быть хорошим, чтобы его сыну было хорошо здесь. Старик явно обладает большой силой, поскольку в одиночку копает могилу «на славу». Он обладает опытом и «сноровкой», определённой мудростью.</p> <p>Учитель: – Давайте запишем эти качества отца Прокла.</p> <p style="padding-left: 40px;">4. «Пошел... по дороге шагает... Нет солнца, луна не взошла... Как будто весь мир умирает: Затишье, снежок, полумгла...».</p> <p>Учитель: – Как вы думаете, почему «как будто весь мир умирает» со смертью Прокла?</p> <p>Ответ: – С одной стороны, возможно, это описание того, как старик видит мир в тот момент. Смерть сына для него – всё равно, что смерть всего мира. С другой стороны, это может быть авторской оценкой происходящего. Тогда мы видим природный параллелизм. Крестьяне всю жизнь живут бок о бок с природой, сопричастны к ней, и поэтому природа тоже скорбит, когда умирает один из её детей. Давайте запишем</p> <p style="padding-left: 40px;">5. «Лежит неподвижный, суровой, С горящей свечой в головах, В широкой рубахе холщовой И в липовых новых лаптях. Большие, с мозолями руки, Подъявшие много труда, Красивое, чуждое муки Лицо — и до рук борода...».</p>
--

Продолжение таблицы 1

<p>Учитель: – Как в описании Прокла прослеживается отношение к нему автора?</p> <p>Ответ: – Авторская симпатия на стороне героя, поэтому Некрасов подчёркивает большие руки с мозолями, «подъявшие много труда», и красоту Прокла.</p> <p>Учитель: – Как вы думаете, только ли о внешней красоте сообщает нам Некрасов?</p> <p>Ответ: – Вовсе нет. Это красота естественности, труда и силы. Некрасов называет лицо Прокла «красивым», потому что в нём воплощены те качества, которые сам лирический герой находит достойными уважения.</p> <p>Учитель: – Давайте запишем, как лирический герой относится к Проклу.</p> <p>2) Аналитическая беседа</p> <p>Учитель: – Дальше мы с вами видим то, что в народе принято называть плачем по умершему. Плач – это такая особая форма причитания, когда родные и знакомые умершего (а иногда для этого даже приглашают специальных людей, которые хорошо умеют это делать) нараспев причитают о том, каким человеком был покойный и как плохо без него остаётся жить на земле. Такой плач по Проклу исполняют его родители. Найдите и выделите в тексте плача цитаты, которые описывают характер Прокла.</p> <p>Ответ: «Пригожеством, ростом и силой ты ровни в селе не имел», «родителям был ты советник», «работничек в поле ты был», «гостям хлебосол и приветник», «жену и детей ты любил», «с полоски своей заповедной по лету сберёшь урожай», «кормилец, надёжа семьи».</p> <p>Учитель: – Давайте запишем эти качества: сила, надёжность, трудолюбие, любовь, помощь родителям.</p> <p>Учитель: – На следующий день Прокла везут на кладбище. И везёт его Савраска. Как связан конь Савраска и Прокл?</p> <p>Ответ: Прокл купил Савраску жеребёнком и воспитал его «добрым конём». «С хозяином дружно старался, / На зимушку хлеб запасал, / Во стаде ребёнку давался, / Травой да мякиной питался, / А тело изрядно держал». И конь, и его хозяин много пережили вместе. Савраска служил Проклу верой и правдой, никогда не подводил его.</p>
--

Продолжение таблицы 1

<p>Учитель: – Как вы думаете, что говорит о характере Прокла его почти дружеская связь с конём?</p> <p>Ответ: – Прокл кажется читателю естественным человеком, близким ко всему земному и природному. Поэтому и пейзаж тоскует о его смерти, и Савраска погибнет вскоре после смерти хозяина. Прокл очень тесно связан с природным миром, с миром вообще.</p> <p>6. «Задумала баба: и в ночь Пошла в монастырь отдаленной (Верстах в тридцати от села), Где в некой иконе явленной Целебная сила была».</p> <p>Учитель: – Далее мы узнаём, как Дарья пыталась помочь своему мужу. Верста – это чуть больше одного километра. И Дарья отправляется за 30 вёрст в монастырь. О чём это говорит?</p> <p>Ответ: – Дарья очень любит своего мужа и готова практически на подвиг ради него. Она отправляется зимней ночью одна за тридцать вёрст, чтобы принести икону, которая могла бы помочь Проклу поправиться. Это сильная и самоотверженная женщина, которая не уступает в стойкости своей семье.</p> <p>Учитель: – Давайте запишем эти качества.</p> <p>7. «Сам староста, Сидор Иваныч, Вполголоса бабам подвыл, И “Мир тебе, Прокл Севастьяныч! Сказал. – Благодарен ты был, Жил честно, а главное: в сроки, Уж как тебя бог выручал, Платил господину оброки И подать царю представлял!”»</p> <p>Учитель: – И вот Прокла хоронят. На прощание с ним приходит большое количество людей. И все «поплакали, громко повыли, семью пожалели, почтили покойника щедрой хвалой». Как вы думаете, почему?</p> <p>Ответ: – К семье Прокла хорошо относится вся крестьянская община. Это говорит об их незлобивости, дружелюбии и любви к труду.</p>

Продолжение таблицы 1

	<p>Эта семья не замкнута в себе, она благополучно существует в общем крестьянском укладе.</p> <p>Учитель: – Запишем и эти качества тоже. Давайте подведём итог: какие качества этой крестьянской семьи мы с вами выписали? О чём это говорит?</p> <p>Вывод: Крестьянская семья в поэме – это воплощение лучших черт национального характера. Некрасов восхищается каждым её членом. Мы не видим ни одной отрицательной черты. Образ семьи выписан на фоне трагической ситуации – похорон Прокла – главы семейства, и это подчёркивает трагичность положения крестьян.</p>
Проверка домашнего задания	<p>Учитель: – Итак, мы с вами сделали вывод о том, каким предстаёт образ крестьянской семьи в поэме. А теперь давайте обратимся к вашему домашнему заданию. В каких условиях существует такая семья?</p> <p>Ответ ученика на оценку:</p> <p>В поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» жизнь крестьян изображена как беспросветная череда страданий, бесправия и нищеты. Автор с глубокой скорбью описывает тяжёлую долю русского крестьянства, подчёркивая не только материальную нужду, но и полное отсутствие материальной справедливости. С первых строк поэмы Некрасов показывает безысходность крестьянской жизни. Смерть Прокла обрекает семью на ещё большие лишения. «Три тяжкие доли имела судьба: / Первая доля – рабом покоряться, / Вторая – быть матерью сына-раба, / А третья – до гроба рабу покоряться». Эти строки раскрывают унижительное положение крестьянина, который даже после отмены крепостного права остаётся зависимым и бесправным. Даже тяжкий труд не спасает от голода и болезней. Когда Дарья идёт в лес за дровами, она замерзает, обессиленная лишениями. Её смерть – символ обречённости крестьянской доли.</p>
Вывод по уроку	<p>Вывод: Некрасов рисует образ крестьянской семьи, воплощающей в себе лучшие черты национального характера: силу духа, трудолюбие, взаимопомощь, любовь к ближнему, верность традициям, способность совершить настоящий подвиг. Но этот образ существует на фоне жестокой действительности, в которой царит несправедливость, нищета</p>

Продолжение таблицы 1

	<p>и безысходность. И единственный выход для крестьянина – смерть. Так Некрасов не только изображает идеал русского человека, русской семьи, но и укоряет систему в её жестокости. Поэтому и основой для первой части поэмы служит похоронный обряд, который, с одной стороны, является актом заботы, любви и приобщения к опыту предков, но с другой, это способ пережить большую потерю.</p>
Рефлексия	<p>Учитель: – Итак, о чём мы с вами сегодня говорили? Каким предстаёт образ крестьянской семьи в поэме Некрасова? С помощью чего Некрасов показывает нам этот образ? Ответьте письменно в тетради на вопрос: «Что больше всего меня удивило на сегодняшнем занятии?»</p>
Домашнее задание	<p>1 вариант: узнайте у своих родителей, какие особенности похоронного обряда они знают и какой смысл они в них вкладывают. Напишите мини-сочинение на эту тему (100-150 слов).</p> <p>2 вариант: письменно ответьте на вопрос: «Как сложится судьба крестьянской семьи после смерти Дарьи?» (100-150 слов).</p>